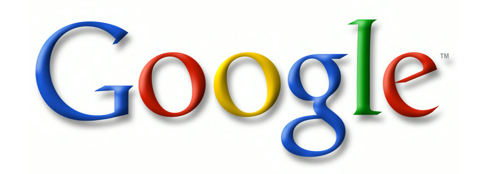
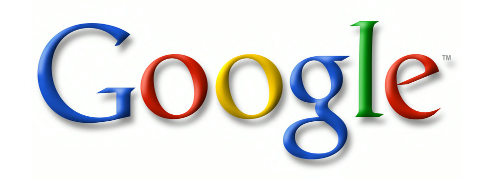
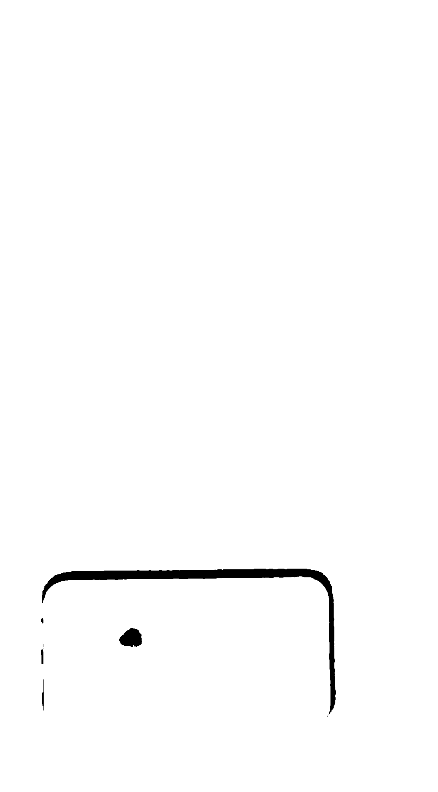






О. Н. Чюмина (Михайлова).

СТИХОТВОРЕ

1892—1897

II

Удостоены почетнаго отзыва ИМПЕРАТОРСКО

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ «НОВОСТ
Б. Морская, 17.
1900.

О. Н. Чюмина.

О. Н. Чюмина (Михайлова).

СТИХОТВОРЕН

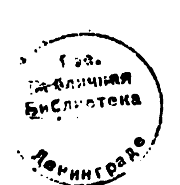
1892—1897 гг.

Удостоены почетнаго отзыва ИМПЕРАТОРСКОЙ Акад

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ «НОВОСТЕЙ»
В. Морская, 17.
1900.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Traumbilder.

Изъ зимняго альбома.

Провансальскіе мотивы.

Изъ кавказскаго альбома.

Миніатюры.

Изъ прежнихъ лѣтъ.

Отклики.

Изъ иностранныхъ поэтовъ.

Изъ Тениссона.

Изъ Лонгфелло.

Изъ Байрона.

Изъ Вальтеръ-Скота.

Изъ Роберта Бернса.

Изъ Роберта Гамерлинга.

Изъ В. Гюго.

Изъ Леконтъ-де-Лиля.

Изъ Теофиля Готье.

Изъ Ф. Коппе.

Изъ Сюлли Прюдома.

Изъ Катюлль-Мендеса.

Изъ Хозе-Марія де-Эредіа.

Изъ Армана Сильвестра.

Изъ Жана Экара.

Изъ Жана Ришпена.

Изъ Жана Рамо.

Изъ А. де-Виньи.

Изъ Венгерскихъ поэтовъ.

Изъ Арани.

Изъ Андрея Сабо.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	Стр.	Строка	Слѣдуетъ:	Стр.
Ирыви	24	1	Порывы	24
Ещи	25	11	Еще	25
, Нимъ,	26	22	нимъ,	26
акъ	47	15	Какъ	47
упрямств	54	11	упрямство	54
поднимается	74	12	Поднимется	74
Плѣвявшія	75	10	плѣнявшія	75
нѣтъ	80	15	пѣть	80
самозванц мъ	128	30	самозванцемъ	128
клейторъ	141	2	клейморъ	141
роди й	144	12	родной	144
вѣшній	159	3	вешній	159
неземною	170	5	неземного	170
горяча,	189	12	горяча	189
ночь	196	5	ночью	196
И съ краскою,	199	14	И съ краскою	199
развѣшанныхъ	200	14	развѣшенныхъ	200
сеомъ	225	6	своимъ	225
арабесковъ	227	10	арабесокъ	227
Пороюл ьются	235	20	Порою льются	235
Poèmmes	238	2	Poèmes	238
Вейнбегу	238	3	Вейнбергу	239
Иштлавъ	244	11	Иштванъ	244
И	246	8	Въ	246
вспыхнуть	248	26	вспыхнуть	248
тотъ же лучъ	264	9	Имъ тотъ же лучъ	264
Что не знававшій	268	21	Кто не знававшій	268
Что упоенный	268	25	Кто упоенный	268
преклонюсъ	271	11	преклонись	271
Отдай	286	14	Открой	286
тріифатору	288	11	Тріумфатору	288

ОТДѢЛЪ I.

TRAUMBILDER.

1894—1897 г.

На стражѣ.

Сказать прости всѣмъ обольщеньямъ жизни,
Гдѣ злобствуемъ и боремся, и лжемъ,
Найдти пріютъ въ невѣдомой отчизнѣ
За рубежемъ?

Но души есть, гдѣ истина—все таже,
Гдѣ тотъ же свѣтъ божественной любви,—
И если вы, стоящіе на стражѣ,
Погасите свѣтильники свои;

И если вы бѣжите съ поля брани—
Кто въ сумеркахъ, сгустившихся кругомъ,
Укажетъ намъ невѣдомыя грани,
Различье межъ добромъ и зломъ?

Кто воскреситъ забытые восторги,
Возвышенно прекрасныя мечты?
И отъ толпы, бушующей на торгѣ—
Насъ приведетъ къ святынѣ красоты?

Пусть небеса удушливы и мрачны;
Чѣмъ гуще тьма—тѣмъ путнику нужнѣй
Сіяющій во тьмѣ огонь маячный,
Отрадный свѣтъ сторожевыхъ огней!

Накануне увяданья.

1.

Обвѣялъ утренникъ суровый
Своимъ дыханіемъ цвѣты,
Межъ темной зеленью дубовой
Мелькнули желтые листы;

Цвѣтущій лугъ ужъ дважды скошенъ
И обмелѣла глубь озеръ,
Но такъ сіяющъ и роскошенъ
Природы царственный уборъ;

Такъ ослѣпительны въ немъ краски,
Такая жизни полнота,
Такая прелесть тихой ласки
Въ ея улыбкѣ разлита;

И наканунѣ разрушенья
Такъ обаятеленъ разцвѣтъ—
Какъ будто смерти дуновенья
Надъ нею не было и нѣтъ.

2.

Какъ прежде, ясенъ сводъ лазури,
Она прозрачно глубока,
И лишь предвѣстниками бури
Вдали клубятся облака.

Въ лучахъ заката рдѣютъ клены
И гроздья красныя рябинъ
И улыбаются піоны
Изъ темной зелени куртинъ

Въ разгаръ ликующаго лѣта
Природа, дивно молода,
Такого пышнаго разцвѣта
Не достигала никогда.

И, подъ угрозою ненастья,
На пиръ послѣдній убрана—
Изъ кубка жизни, кубка счастья
Еще полнѣе пьетъ она.

3.

Блеклые листья, дрожа, осыпаются съ вѣтокъ,
Землю вокругъ устилая пурпурнымъ ковромъ,
Всюду—узоръ паутины серебряныхъ сѣтокъ,
Небо раскинулось блѣднымъ шатромъ.

Смолкли съ зарею призывы пастушьей свирѣли,
Вѣетъ тоской отъ безмолвныхъ покинутыхъ гнѣздъ,
Гроздья рябины все ярче въ саду заалѣли,
Ярче ночами сіяніе звѣздъ.

Легкая мгла, какъ куренья подъ сводомъ моленъ,
Къ небу клубится и таетъ въ его высотѣ,
Листъ уцѣлѣвшій попрежнему ярокъ и зеленъ,
Нѣтъ только жизни въ его красотѣ.

Все такъ прекрасно, но странной красой увяданья,
Все говоритъ о покоѣ, о тихомъ концѣ,
Въ блѣдной лазури осенняго солнца сіянье—
Словно улыбка на мертвомъ прекрасномъ лицѣ.

4.

Осеннія вихри и грозы
Смѣнились холоднымъ дождемъ;
Осеннія частыя слезы
Струятся на землю ручьемъ.

И это—не ливень весенній,
Шумящій въ лѣсу молодомъ,
Сбивающій завязь сиреней
И сохнущій съ первымъ лучомъ.

Не дождь благотворный, обильно
Пролившійся вдругъ на поля,
Когда изнывала безсильно
Отъ лѣтняго зноя земля.

Поникнувъ уныло вѣтвями,
Шумитъ растревоженный боръ,
Осенними плачетъ слезами
Небесъ омраченныхъ просторъ.

Какъ сумракъ и смерть неизбѣжны,
Струятся они сквозь туманъ,
Какъ старость—они безнадежны,
Печальны — какъ счастья обманъ.

Разлука.

Ты помнишь, какъ ночью беззвѣздной
Мы шли надъ шумящею бездной?
Туманъ заволакивалъ дали
И волны во мракѣ рыдали.

Ты помнишь, какъ ночью безлунной
Съ мечтою прекрасной и юной
Мы долго безмолвно прощались,
Сквозь слезы мы ей улыбались?

И ропотъ валовъ монотонный
Звучалъ, какъ напѣвъ похоронный,

Какъ позднее къ счастью воззванье,
Какъ скорбное съ счастьемъ прощанье.

И волны тоскливо шумѣли,
Имъ вторили жалобно ели,
Одни лишь, подъ гнетомъ печали,
Мы въ часъ разставанья молчали:

Какъ узникъ, подвергнутый мукамъ,
Не выдавъ ни словомъ, ни звукомъ
Того, что въ душѣ мы таили,
Что здѣсь навсегда хоронили.

Осеннія мелодіи.

1.

Сизыхъ тучекъ плывутъ караваны,
Опустилися низко къ землѣ;
Непогода и мракъ, и туманы,
Капли слезъ на стеклѣ...

Потускнѣли блестящія краски,
И, какъ будто въ несбыточномъ снѣ,
Вспоминаются старыя сказки
О любви, о веснѣ.

Вспоминаются лѣтнія грезы
Фантастическихъ бѣлыхъ ночей,
Ароматъ распустившейся розы,
Тихій шопотъ рѣчей.

Въ бѣлой мглѣ затонувшія дали,
Вереницы безмолвныхъ домовъ.
Въ сердцѣ полномъ любви и печали—
Звуки пѣсни безъ словъ.

Гдѣ теперь эти милыя тѣни
Фантастическихъ бѣлыхъ ночей?
Все исчезло, какъ рой сновидѣній,
ъВ блескѣ первыхъ лучей.

Но съ сознаньемъ мучительной боли
Помню я эти сны наяву.
Если нѣтъ и не будетъ ихъ болѣ—
Для чего я живу?

2.

Хмурый день. Надъ темной далью лѣса
Съ пожелтѣвшей рѣдкою листвой—
Опустилась сѣрая завѣса
Капель влаги дождевой.

Какъ дитя, осеннее ненастье,
Не смолкая, плачетъ за окномъ—
О быломъ ли невозвратномъ счастьѣ,
Промелькнувшемъ чуднымъ сномъ?

О красѣ-ль благоуханной лѣта,
О веснѣ-ль, царицѣ молодой?
Но звучитъ во тьмѣ рыданье это
Надрывающей тоской.

И подъ шумъ и стонъ осенней бури,
Въ безконечно долгіе часы,
Тщетно жду я проблесковъ лазури,
Какъ цвѣтокъ—живительной росы.

И въ мечтахъ, увы, неисполнимыхъ,
Жажду сердцемъ солнечныхъ лучей,
Какъ улыбки чьихъ то устъ любимыхъ,
Какъ сіянья дорогихъ очей.

3.

Сегодня послѣ дней холодныхъ и ненастныхъ,
Побѣдно разогнавъ гряду тяжелыхъ тучъ,
Привѣтомъ лѣтнихъ дней, безоблачныхъ и ясныхъ,
Опять съ небесъ сіяетъ солнца лучъ.

Листва ласкаетъ взоръ богатою окраской
И, позабывъ туманъ и стужу, и дожди,
Что кажутся теперь несбыточною сказкой—
Невольно ждешь тепла и свѣта впереди.

Сегодня, послѣ дней тяжелыхъ ожиданья,
Тревоги за тебя и ежечасныхъ мукъ,
Читаю я слова завѣтнаго посланья
И отдыхаю вновь душою, милый другъ.

Теперь недавній страхъ мнѣ кажется ничтожнымъ,
Въ душѣ, какъ въ небесахъ, становится яснѣй,
И снова счастіе является возможнымъ
И вѣрю я опять возврату прежнихъ дней.

4.

Лѣса еще шумятъ обычнымъ лѣтнимъ шумомъ —
Могучимъ, радостнымъ, задорно молодымъ,
И осень блѣдная въ величіи угрюмомъ
Ихъ не обвѣяла дыханіемъ своимъ.

Все также полдень жгучъ, но стали дни короче,
Среди послѣднихъ розъ на зелени куртинъ
Пестрѣютъ лепестки роскошныхъ георгинъ;
Свѣтлѣй—созвѣздія, и гуще—сумракъ ночи.

Земля—въ разцвѣтѣ силъ и пышной красоты,
И только кое-гдѣ своею желтизною,
Какъ преждевременной печальной сѣдиною—
Смущаютъ взоръ поблекшіе листы.

Межъ яркой зеленью такихъ листовъ немного,
Но, несмотря на свѣтъ, на солнце и тепло —
Мнѣ что то говоритъ, что лѣто ужъ прошло,
Что осень близится, а съ нею—день итога.

Sérénade d'automne.

Нисходитъ ночь, блѣднѣетъ день,
Сгустились облака,
И все мрачнѣй ночная тѣнь,
Мучительнѣй—тоска.

Но вновь къ завѣтной сторонѣ
Летитъ моя мечта,
И мнится: что то шепчутъ мнѣ
Любимыя уста.

Уходитъ ночь, свѣтлѣетъ день,
Но нѣтъ тебя со мной —
И мнится мнѣ: покрыла тѣнь
Собою свѣтъ дневной.

Но въ тьмѣ ночей, въ сіяньѣ дня
И въ жизненной борьбѣ —
И свѣтъ и счастье для меня
И жизни цѣль—въ тебѣ.

Изъ зимняго альбома.

Первый снѣгъ.

1.

Забѣлѣло... снѣжною пустыней
Кажется заманчивая даль;
Небеса прозрачны, какъ хрусталь,
Блещетъ иней.

Снова—царство холода и льда
И безмолвья, словно все живое
Застываетъ въ мертвенномъ покоѣ
Навсегда.

Лѣтнихъ дней волненіе и нѣга,
Боль сомнѣній, трепетъ юныхъ силъ—
Все мертво... Холодный саванъ снѣга
Все покрылъ.

Но непрочны зимнія оковы,
Мертвый сонъ забвенья не глубокъ,
И растопитъ снѣжные покровы
Бурныхъ слезъ прорвавшійся потокъ

Смоется осенними слезами
Принужденья тягостнаго гнетъ
И растаетъ съ частыми дождями
Снѣга перваго налетъ.

Проблескъ.

2.

Темныя тучи по небу ночному
Быстро надъ снѣжной поляной клубились,
Грусть навѣвавшія сердцу больному —
Думы въ умѣ проносились.

Выплывъ надъ степью таинственно бѣлой,
Робко луна изъ за тучъ проглянула;
Въ сумрачномъ сердцѣ на мигъ просвѣтлѣло,
Въ сердцѣ надежда блеснула.

Мигъ незабвенный, какъ былъ онъ недологъ—
Свѣта желаннаго проблескъ летучій!
Снова задернулся дымчатый пологъ,
Въ сердцѣ и въ небѣ—попрежнему тучи!

3.

Ночь темна, догораетъ лампада,
Хлопья снѣга стучатся въ стекло,
Всѣ тропинки сосѣдняго сада
Замело.

Только вьюги я слышу рыданье,
Только ночь безконечно длинна!
Ни движенья, ни звука... Молчанье,
Тишина...

Я томлюся тяжелымъ кошмаромъ,
Шумъ въ ушахъ, холодѣютъ виски,—
И сжимается сердце не даромъ
Отъ тоски.

Я боюсь, что во тьмѣ непроглядной,
Разгоняя ее предъ собой,
Не блеснетъ, ожидаемый жадно,
Свѣтъ дневной.

Я боюся, что вьюгой холодной
Замело для меня всѣ пути
И дорогу изъ тьмы безъисходной—
Не найдти...

4.

Вечеръ... Отблескъ отъ камина
Мягко стелется кругомъ,
Только тамъ, въ углу, картина
Темнымъ кажется пятномъ.

На коверъ ложатся тѣни,
Словно нити на каймѣ,
И дрожатъ листы растеній
Въ этой мягкой полутьмѣ.

Не одна я... Здѣсь незримо
Дорогихъ видѣній рой,
Въ этотъ часъ неуловимо
Возстающихъ предо мной.

Это—призраки мечтаній,
Свѣтлыхъ грезъ и милыхъ лицъ,
Это—призраки страданій
И восторговъ безъ границъ.

И видѣнья эти снова
Что то шепчутъ мнѣ безъ словъ,
Но понятнѣй рѣчь былого
Всѣхъ на свѣтѣ голосовъ.

Безсонной ночью.

Покой и безмолвье... Лишь ночь голубая
Глядитъ безпощадно въ окно,
И сердце томитъ тишина гробовая,
И мнится: все ею полно.

Лишь мѣсяца отблескъ изъ ниши оконной
Ложится пятномъ на полу,
И маятникъ старый стучитъ монотонно
И мыши скребутся въ углу.

Исчезли волшебнаго міра видѣнья,
Перо выпадаетъ изъ рукъ,
И послѣ короткой минуты забвенья—
Томитъ безнадежнѣй недугъ.

Мучительнѣй жаждетъ душа перемѣны,
И къ свѣту стремится изъ тьмы,
И кажется: давятъ меня эти стѣны,
Какъ своды тюрьмы.

Возможно-ль, что жизнь существуетъ иная
Съ тревогой, страстями, борьбой?
И сердце гнететъ тишина гробовая
Еще безнадежнѣй собой.

Свѣча догорѣла,—лишь мѣсяцъ уныло
Сіянье дрожащее льетъ,
И сердце то бьется съ удвоенной силой,
То сразу замретъ...

Въ бурю.

Холодная снѣжная буря
Всю ночь бушевала сурово,
И думалось, очи зажмуря,
Что слышу я стоны больного.

Всю ночь забавлялася вьюга,
Зловѣщею тѣшась игрою,
И голосъ далекаго друга,
Казалось, я слышу порою.

Казалось, я слышу: уныло
Звенитъ колокольчикъ дорожный,
И сердце болѣло и ныло,
И билося сердце тревожно.

Рыданья полночной метели
Кругомъ наметавшей сугробы—
То жалобой тихой звенѣли,
То крикомъ ликующей злобы.

И буря-ль во мракѣ рыдала,
Столбомъ подпимаяся снѣжнымъ,
Иль въ сердцѣ она бушевала,
Проснувшись въ порывѣ мятежномъ?

И бѣлыя хлопья, взлетая,
Кружились надъ снѣжной поляной,
Иль призраковъ бѣлая стая
Изъ тьмы поднялася туманной?—

Не знаю... Но въ вихрѣ уныломъ,
Рыдающемъ въ полѣ открытомъ—
Мнѣ чудились слезы о миломъ,
О чемъ то еще не забытомъ...

Утренняя звѣзда.

Въ небесахъ одиноко звѣзда
Мнѣ сіяетъ серебрянымъ свѣтомъ,
И мечтой уношусь я туда,
Гдѣ мерцаетъ, блѣднѣя съ разсвѣтомъ,
Одинокому та же звѣзда.

Поблѣднѣла небесная даль,
Предразсвѣтною дымкой объята,
И рождается въ сердцѣ печаль
О быломъ—можетъ быть безъ возврата
Отошедшемъ въ туманную даль,

Не сіянія блѣдныхъ лучей
Одинокой звѣзды предразсвѣтной—
Вдохновеньемъ согрѣтыхъ рѣчей
Жаждетъ сердце во мглѣ непривѣтной
Этимъ первыхъ холодныхъ лучей.

Въ вечерній часъ.

(З. Ю. Яковлевой).

1.

Темнѣло. Каймой серебристой
Спустился надъ паркомъ туманъ,
И вѣяло влагой душистой
Съ зеленыхъ луговъ и полянъ.

Померкли блестящія краски
Вечернихъ небесъ. Тишина
Какой то загадочной ласки
И грусти казалась полна.

Чуть слышно листы трепетали,
Чуть слышно журчала вода;
Мы шли, сознавая едва-ли,
Какъ долго идемъ и куда?

То было ли грезой минутной,
Иль годы прошли и вѣка?
Все было неясно и смутно,
Какъ въ небѣ ночномъ облака.

Въ душѣ, въ сочетаніи странномъ,
Сливались восторгъ и печаль,
Какъ небо—съ вечернимъ туманомъ,
Какъ съ лѣсомъ—стемнѣвшая даль.

2.

Спокойно прозрачнаго озера воды
Дремали въ серебряномъ свѣтѣ луны,
И грезились въ лепетѣ сонномъ природы
Волшебные сны.

Безшумно волна омывала ступени,
Безшумно плескалась въ края береговъ,
Ложились далеко прозрачныя тѣни
Отъ темныхъ холмовъ.

Вся даль потонула въ серебряномъ блескѣ,
Огни, догорая, погасли вездѣ,
Причудливо лунныхъ лучей арабески
Дробились въ водѣ.

Когда же луна исчезала за тучей,
На мигъ омрачавшей собой небосводъ—
Туманъ поднимался волною зыбучей
Надъ зеркаломъ водъ.

И сразу, окутанъ покровомъ тумана,
Мѣнялъ выраженье знакомый пейзажъ,
И все въ немъ казалось такъ призрачно странно,
Какъ дальній миражъ.

Не такъ ли и въ жизни—сіянье и тѣни
Идутъ чередою другъ другу во слѣдъ,
Но длятся въ ихъ странной, загадочной смѣнѣ—
Лишь тѣни—не свѣтъ...

У моря.

1.

Мы шли тропинкою песчаной и тѣнистой,
Отъ сосенъ вѣковыхъ кругомъ ложилась тѣнь,
Дышала жадно грудь прохладою смолистой
И тихо догоралъ, и гасъ тревожный день.

Надъ нами въ вышинѣ оттѣнками опала
И блѣднымъ золотомъ сіяла глубь небесъ,
Мы тихо шли впередъ и все кругомъ молчало,
И лишь задумчиво шумѣлъ сосновый лѣсъ.

Но вдругъ, послышался, вначалѣ еле внятный,
Сливаясь съ шорохомъ и шелестомъ вѣтвей—
Какой то странный гулъ, глухой и непонятный,
Но разроставшійся могучѣй и сильнѣй.

То не былъ тихій стонъ подавленнаго горя;
О, нѣтъ! Торжественный и равномѣрный шумъ,
Звучавшій откликомъ, стихійныхъ силъ и думъ—
Его узнали мы. И то былъ голосъ моря!

2.

Въ своей красотѣ и величьи суровомъ
Лежало оно у прибрежныхъ песковъ;
Холодныя волны съ отливомъ свинцовымъ,
Шумя, разбивались среди тростниковъ

Здѣсь вѣтеръ, гуляя, игралъ на свободѣ,
Волну за волною гоня предъ собой,
И вторило вѣтру шумѣвшее море,
И вторилъ гудѣвшій во мракѣ прибой.

Темнѣло... Тонули въ туманѣ зыбучемъ
И воды и дальнихъ небесъ синева,
И здѣсь, передъ голосомъ моря могучимъ,
Невольно въ устахъ замирали слова...

Одинъ только голосъ попрежнему внятно
Звучалъ несмолкаемо въ сердцѣ моемъ,
И властно твердилъ онъ—тебѣ непонятно—
О чемъ?

Въ полдень.

1.

Сожжены полдневнымъ зноемъ,
Лепестки свернули розы,
Надъ кустами вьются роемъ
Легкокрылыя стрекозы.

Все заснуло въ полдень знойный,
Изъ гнѣзда не слышно пѣсенъ,
Затянула прудъ спокойный
Изумруднымъ тусклымъ плѣсень.

Обезсилены, поникли
Молодыхъ вѣтвей изломы,
Все охватываетъ мысли
Безотчетнымъ чувствомъ дремы.

Въ полуснѣ лежу я странномъ,
И картины изъ былого
Легкимъ призракомъ туманнымъ
Предо мной проходятъ снова.

Вижу взоръ очей любимыхъ,
Слышу звукъ рѣчей, мнѣ милыхъ,
Можетъ быть невозвратимыхъ,
Но что я забыть не въ силахъ.

Эти образы и грезы
Такъ порой бываютъ живы,
Что глаза туманятъ слезы,
На устахъ дрожатъ призывы...

Позабытъ покой безстрастья,
Снова жизнь съ мечтою въ спорѣ!
Было-ль сномъ былое счастье,
Настоящее ли горе?..

2.

Ясный день весенній былъ и днемъ разлуки.
Какъ я вспоминаю этотъ день весенній!
Взоры и улыбки, чуждые сомнѣнья
И рѣчей желанныхъ дорогіе звуки.

О, пускай же это лишь миражъ отрадный,
Пусть меня пугаетъ горькою ошибкой,
Озарилъ надеждой сумракъ безпросвѣтный
И судьбѣ навстрѣчу я иду съ улыбкой.

Какъ языкъ отчизны—страннику въ изгнаньѣ,
Какъ священный пламень—для жрецовъ искусства,
Дорого мнѣ это молодое чувство,
Дорого о счастьѣ мнѣ воспоминанье.

Не порывомъ страсти, бурнымъ и мятежнымъ,
Какъ лѣсныя грозы—было чувство это:
Отъ него мнѣ вѣетъ чѣмъ-то милымъ, нѣжнымъ,
Чѣмъ-то гармоничнымъ, какъ мечта поэта.

Но пришла разлука, длится ожиданье...
Не было-ли счастье слишкомъ мимолетно?..
И страшусь я сердцемъ робкимъ безотчетно—
Послѣ дней разлуки—новаго свиданья.

На закатѣ.

1.

Умиралъ ароматъ засыпающихъ травъ,
Замирали слова вдохновенныхъ рѣчей,
И, какъ скорбный напѣвъ въ тишинѣ отзвучавъ,
Отзывались въ душѣ потрясенной моей
Отголоски печальныхъ рѣчей.

И вечернихъ огней догоравшій костеръ
Поблѣднѣлъ и погасъ въ наступающей мглѣ,
И презрѣнья огнемъ загорался твой взоръ,
Ты блѣднѣлъ, говоря о ликующемъ злѣ
Въ наступившей безрадостной мглѣ.

Тосковала душа,—и отъ тайнъ бытія
Порывалась въ иной, неразгаданный міръ,
И, казалось, мечта прозрѣвала твоя
За предѣломъ, гдѣ блещетъ небесный эфиръ—
Этотъ чудный таинственный міръ.

2.

Прозрачною дымкой подернулись дали,
Какъ будто простясь съ умирающимъ днемъ;
Ироніи странной и странной печали
Скользили оттѣнки во взорѣ твоемъ.

Земныя тревоги: и злоба и нѣжность
Казались въ тотъ мигъ отъ тебя далеки,
Они уходили куда-то въ безбрежность,
Какъ волны катящейся къ морю рѣки.

Въ тиши, напоенной дыханіемъ вешнимъ,
Въ таинственно чуткой вечерней тиши—
Къ невѣдомой грани, къ предѣламъ нездѣшнимъ
Стремились пытливыя очи души.

Блѣднѣли и меркли небесные дали,
И плещущей тихо о берегъ волнѣ—
Чуть слышно деревья о чемъ то шептали
Въ своемъ заколдованномъ снѣ.

Двойная жизнь.

1.

Двойною жизнью я живу,
Одна изъ нихъ—печаль и радость,
Разгаръ борьбы, побѣды сладость
И грезы счастья на яву.

Другая—сонъ, покой забвенья,
Невозмутимый мирный сонъ,—
Увы, чѣмъ дольше длится онъ,
Тѣмъ тяжелѣе пробужденье.

И рывы смѣлые и пылъ —
Онъ все оковываетъ дремой,
И воли нѣтъ и нѣту силъ
Бороться съ тяжкою истомой.

Такъ витязь спитъ на днѣ морскомъ,
Надъ нимъ шумятъ, смыкаясь, волны,
Но иногда, тревоги полный,
Онъ смутно грезитъ о быломъ.

Онъ рвется въ бой, онъ слышитъ ясно
Полузабытыя слова...
Но мигъ прошелъ,—и безучастно
Опять поникла голова.

Въ душѣ смолкаетъ вѣщій голосъ,
Нѣтъ воли двинуться впередъ,
И все, что смутно въ немъ боролось —
Навѣки можетъ быть заснетъ.

Отраженіе.

Все, что душу собою живило,
Все, чѣмъ сердце усиленно билось —
Въ звукахъ пѣсни съ чудесною силой
Вдохновеньемъ живымъ отразилось.

Что извѣдано въ счастьѣ и мукахъ,
Что царило, подобно кумиру —
Отраженное въ краскахъ и звукахъ,
Все художникъ повѣдаетъ міру.

Но во мглѣ исчезаетъ безслѣдно,
Не оплакано имъ, не воспѣто —
Все, мелкнувшее въ жизни поэта
Только тѣнью туманной и блѣдной.

* * *

Минуты свѣтлыя—подобны сновидѣнью;
Едва наставшія—онѣ ужъ пронеслись
Волшебной грезою, неуловимой тѣнью,
И власти нѣтъ такой, что бы сказать мгновенью:
Остановись!

Когда исполненнымъ завѣтное желанье
Свое увидѣть намъ порою суждено —
Невольно даже тутъ рождается сознанье,
Что счастія ужъ нѣтъ, и лишь въ воспоминаньѣ
Живетъ оно.

Порой слова любви ещи не отзвучали,
А сожалѣніе идетъ на встрѣчу имъ,
И радости любви смѣняетъ тѣнь печали,
При мысли, что онѣ наполовину стали
Пережитымъ.

И все-же, какъ дитя—конца любимой сказки,
Мы жадно счастія отравленнаго ждемъ,
И, безсознательно спѣшащіе къ развязкѣ,
Воспоминаніемъ о мимолетной ласкѣ
Живемъ.

Сфинксъ.

(О. А. Гнѣдичъ).

Я знаю женщину: съ прекраснымъ сфинксомъ схожа,
Загадкою живой является она,
Пытливые умы волнуя и тревожа.
И взоры синихъ глазъ, прозрачныхъ, какъ волна

И межъ густыхъ бровей задумчивая складка,
И строгія черты—все необычно въ ней,
Все обаятельно и странно, какъ загадка,
Какъ переливный блескъ сверкающихъ огней.

Успѣхъ ли дорогъ ей и обаянье власти?
Ей чуждо ли все то, что привлекаетъ міръ?
Понятенъ ей призывъ краснорѣчивый страсти,
Иль долгъ, суровый долгъ—одинъ ея кумиръ?
Скрываетъ ли она подъ свѣтлою улыбкой
Сомнѣнья жгучія-иль тайную печаль?
Кто, подъ завѣсой мглы, причудливой и зыбкой,
Способенъ разглядѣть заманчивую даль?
Кто, обольщаемый тревожною догадкой,
Проникнетъ въ глубь небесъ и въ бездну синихъ волнъ?
Не вѣчно-ль онъ стоитъ, недоумѣнья полнъ,
Предъ нерѣшенной имъ, тревожною загадкой!

* * *

О, не смѣйся надъ пѣснью печали
И меня за нее не кори:
Тѣмъ, кто долго во мракѣ блуждали,
Тѣмъ не вѣрится блеску зари.

Если сразу темницы затворы
Упадутъ передъ, нимъ, зазвеня,—
Непривычные узника взоры
Ослѣпляетъ сіяніе дня.

Онъ не вѣритъ концу испытаній,
И въ словахъ восхищенья живыхъ,
Въ свѣтломъ гимнѣ его ликованій—
Слышно эхо печалей былыхъ.

Такъ не смѣйся-жъ и ты надо мною,
Малодушіемъ дѣтскимъ коря,
Если взоры, что свыклись со тьмою—
Ослѣпляетъ мнѣ счастья заря.

Провансальскіе мотивы.

Менестрель.

У насъ, въ землѣ Прованса,
Гдѣ все полно значенья,
На родинѣ романса,
Въ отчизнѣ вдохновенья,

Нѣжнѣй рокочутъ струны,
Сильнѣе—ароматы,
И зори вѣчно юны
И радостны закаты.

Глядятся здѣсь твердыни
Во влагѣ водъ зеркальныхъ,
Когда цвѣтутъ въ долинѣ
Кусты цвѣтовъ миндальныхъ.

Тревожа и волнуя
Тревогою опасной,
Здѣсь пламя поцѣлуя
Сжигаетъ нѣгой страстной.

Оно—какъ солнце юга,
Какъ жгучіе мистрали!
У насъ, любя другъ друга,
Весь міръ позабывали,—

У насъ въ землѣ Прованса,
Невѣдомы сомнѣнья,
На родинѣ романса,
Любви и вдохновенья

Châtelaine.

Пойдемъ бродить съ тобою
Дорогою тѣнистой,
Гдѣ ландышъ серебристый
Бѣлѣетъ межъ травою.

Пойдемъ искать на волѣ
Отъ суеты докучной:
Ты—рифмы сладкозвучной,
А я—фіалокъ въ полѣ.

Я превращу въ букеты
Фіалокъ рой пахучій,
А ты—красу созвучій
Преобразишь въ сонеты.

И въ свѣтлый день союза
Весны съ цвѣтущимъ лѣтомъ—
Пускай я буду муза,
А ты—моимъ поэтомъ.

Арфа.

Есть арфа у меня: при имени завѣтномъ,
Гармоніи полна,
Созвучьемъ въ ней звучитъ, восторженно отвѣтнымъ
Мнѣ каждая струна.

И пѣнье съ вѣщихъ струнъ польется неземное,
Когда упомяну
Я имя той — для сердца дорогое —
Кого люблю одну,

Но если имя той порою съ устъ сорвется,
Кѣмъ я любимъ—
На арфѣ золотой струна не отзовется
Мнѣ звукомъ ни однимъ!

~~~~~~~~~~

Въ саду.

Во мракѣ ночи южной
Смолкаетъ пѣснь цикадъ,
Подъ дымкою жемчужной
Спокойно дремлетъ садъ.

Въ запущенной бесѣдкѣ
Фонтанъ замолкъ давно.
И лишь магнолій вѣтки
Къ намъ тянутся въ окно.

И лишь на кровлѣ дома,
Скрываясь межъ вѣтвей,
Весь—нѣга, весь—истома,
Вздыхаетъ соловей.

31

Но я, ему внимая,
Боюсь, что пѣсни звукъ
Тебя въ тиши лаская,
Разбудитъ, милый другъ.

Что ночью благовонной
Магнолій пышный кустъ
Любовью упоенный,
Твоихъ коснется устъ.

~~~~~~~~~~

Изъ кавказскаго альбома.

1.

Въ горахъ.

Какъ царь развѣнчанный, печальны эти горы,
Величья дикого напрасно ищутъ взоры:
Ихъ недоступности и мощи ихъ—конецъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ вторгся въ нихъ непрошенный пришлецъ.
Гдѣ прежняя краса, съ ихъ прежнею свободой,
Когда, лицомъ къ лицу, съ могучею природой
Легко дышалось тутъ, и горные орлы
Одни лишь рѣяли надъ выступомъ скалы,
И смѣло имъ во слѣдъ неслася мысль поэта
Въ обитель горнюю, въ страну любви и свѣта!

Порою воскресить пытаюсь я мечтой
Былую красоту въ ея величьи прошломъ,
Но будничная жизнь, во всеоружьи пошломъ,
Съ ея шумихою и пестрой суетой—
Въ міръ дивныхъ призраковъ вторгается побѣдно,
И гаснутъ образы волшебные безслѣдно,
Какъ отблескъ золотой—въ вечернихъ небесахъ,
Какъ отголоски арфъ—въ крикливыхъ голосахъ.
И поднимая взоръ, печалью омраченный,

Къ темнѣющимъ вокругъ, развѣнчаннымъ горамъ—
Я вижу въ нихъ—толпѣ на жертву обреченный,
Когда то славный храмъ.

2.

Бездна.

Темная бездна влечетъ неотступно меня.
Тщетно стремлюсь я къ сіянію свѣтлаго дня,
Тщетно слѣжу за игрой золотистыхъ лучей:
Сердцу милѣе, милѣй для усталыхъ очей
Сумракъ ущелья, гдѣ—бѣшено дикъ и глубокъ—
Съ шумомъ и плескомъ бѣжитъ своенравный потокъ.
Чутко душою ловлю я таинственный гулъ:
Смѣхъ и рыданья, веселья безумный разгулъ,
Странныя чары, несбыточно дивные сны—
Грезятся мнѣ въ переливахъ мятежной волны.
Шепчутъ мнѣ волны: «Любуешься розами ты;
„Знай же: прекраснѣй—волшебные бездны цвѣты.
„Тотъ, кто вдохнулъ опьяняющій ихъ ароматъ,
„Вѣчно томится, желаніемъ смутнымъ объятъ,
„Онъ, презирая доступный для смертнаго даръ,
„Жаждетъ душою иныхъ, неизвѣданныхъ чаръ;
„Все въ этомъ мірѣ и чуждо ему, и мертво:
„Темная бездна влечетъ неотступно его".

3.

Горная дорога.

Полдень жжетъ. Иду я въ гору...
Каменистыя громады!
Нѣтъ нигдѣ отрады взору,
И для сердца нѣтъ отрады.

Тяжелѣе—путь песчаный,
Смѣны нѣтъ камнямъ и зною,
Отъ акацій запахъ пряный
Разливается волною.

По дорогѣ каменистой,
Поднимая за собою
Тучу пыли золотистой,
Побрели волы съ арбою.

Коростель неугомонный
Все твердитъ мотивъ знакомый,
Умъ охваченъ полусонной,
Непонятною истомой.

Шагъ еще—и полной грудью
Вновь дышу я на вершинѣ,
И къ безмолвью и къ безлюдью
Всей душой я рвуся нынѣ

Здѣсь стихаетъ гулъ нестройный,
Отзвукъ шума городскаго,
Величавый и спокойный—
Вижу я Кавказъ былого.

Небо, горы... Надъ пустыней
Паръ клубится изъ расщелинъ,
Вьется онъ въ лазури синей,
Какъ куренья изъ молеленъ.

Гдѣ раздоры? Гдѣ насилья?
Гдѣ борьба за крохи хлѣба?
Духъ людской, расправивъ крылья,
Какъ орелъ, уходитъ въ небо!

4.

Памяти Лермонтова.

Тянутся горы далекою цѣпью,
Коршунъ въ лазури кружится надъ степью,
Вѣтеръ качаетъ ковыль,
Вѣтеръ повѣялъ вечернею лаской,
Въ сердцѣ воскресла волшебною сказкой
Старая быль.

Здѣсь, у подножья горы великана,
Въ заревѣ молній, во мглѣ урагана,
Палъ онъ—пѣвецъ молодой,
Тамъ, гдѣ пышнѣй разрослася осока,
Высится въ горной степи одиноко
Камень сѣдой.

Люди, въ стремленьѣ къ наживѣ упорномъ,
Путь проложили къ вершинамъ нагорнымъ,
Грозный разрушивъ оплотъ;
Умеръ Кавказъ непокорный и дикій,
Пали твердыни,—одинъ лишь великій
Геній поэта—живетъ.

5.

У провала.

Темные своды пещеры,
Темно-лазурный родникъ!
Символъ спасительный вѣры—
Кроткій Владычицы ликъ.

Мрачнымъ иду переходомъ,
Давитъ суровый гранитъ,
Душно подъ каменнымъ сводомъ,
Ужасъ меня леденитъ.

Къ свѣту и солнцу—скорѣе!
Къ тверди небесъ голубой!
Тамъ, въ глубинѣ галлереи,
Слышу шаги за собой...

Грезы ли смутной видѣнье
Взоры смущаетъ и слухъ,
Мститъ ли за это вторженье
Горный разгнѣванный духъ?

Нѣтъ, изъ волшебной пещеры
Духъ непокорный исчезъ,
Людямъ лишь запахомъ сѣры
Мститъ изгоняемый бѣсъ.

Развѣ бѣсенокъ порою,
Тайно забравшійся въ гротъ—
Тѣшась лукавой игрою,
Камнемъ въ прохожихъ швырнетъ.

Духи подверглись изгнанью;
Нынче, впуская „господъ“,
Сторожъ посильною данью
Ихъ облагаетъ за входъ.

Humoresquen.

1.

Какъ онъ странно обезличенъ,
Поэтическій Кавказъ!
Тщетно, къ дѣлу непривыченъ,
Красоты здѣсь ищетъ глазъ.

Увѣнчали здѣсь кіоски
Горъ высокихъ алтари,
И въ цыганскіе обноски
Облеклись сазандари.

Гдѣ сражались наши предки,
Гдѣ виталъ поэтовъ духъ—
„Леденистыя конфетки“
Услаждаютъ нынче слухъ.

Гдѣ, воинственно отважный,
Прежде высился аулъ—
Слышенъ грохотъ экипажный
И бульвара дальній гулъ.

Не внушаетъ больше страха
Горецъ, мраченъ и угрюмъ:
Ихъ черкеска и папаха—
Опереточный костюмъ!

На водахъ страшнѣй кинжала
И опаснѣй во сто разъ—
Прожужжавшей сплетни жало,
Или взоръ прекрасныхъ глазъ.

Какъ избитые мотивы—
Все прискучило вокругъ;
Даже долготерпѣливый
Нынче хмурится Машукъ;

И бульварнымъ карнаваломъ
Ежедневно раздраженъ,
Къ ночи ливнемъ небывалымъ
Разразится нынче онъ!

2.

На горѣ я... Тамъ, у склона
Полновѣсная матрона
Ищетъ Лермонтова гротъ,
И съ рѣшеткой видя входъ,
Раздражается сугубо...
Безъ сомнѣнья, это грубо,
Но вопросъ не разрѣшенъ:
„Для чего ему Гекуба!
Для чего Гекубѣ онъ?"

ОТДѢЛЪ II.

МИНІАТЮРЫ.

Провансальская баллада.

Въ росписныя стекла оконъ
Свѣтъ струится полосой,
Золотя небрежно локонъ
Королевы молодой.

Королева молодая,
Словно лилія блѣдна,
Тихо гаснетъ, увядая,
Молчалива и грустна.

Отуманились тоскою
Темносиніе глаза,
И блистаетъ въ нихъ порою
Набѣжавшая слеза...

А кругомъ—какъ будто въ сказкѣ—
Мраморъ, золото, атласъ...
Очертанія и краски
Веселятъ невольно глазъ.

Птицы рѣдкія, растенья,
Ткани яркія ковровъ,
На стѣнахъ—произведенья
Знаменитыхъ мастеровъ.

Чу! рокочутъ тихо струны
Подъ искусною рукой...
Это пажъ играетъ юный
Королевѣ молодой.

Бѣлокурый, свѣтлоокій,
Онъ по возрасту—дитя,
Но сіяетъ взоръ глубокій,
Страннымъ пламенемъ блестя..

Здѣсь, отъ свѣта отлученный,
Страсть безумную тая,
Онъ проводитъ, восхищенный,
Цѣлый день у ногъ ея.

Не манятъ его ни слава,
Ни веселый блескъ двора,
Ни охотничья забава,
Ни турниры, ни игра.

Онъ, слѣдя порою взоромъ
За полетомъ журавлей,
За блестящимъ метеоромъ
Иль за бѣгомъ кораблей—

Не завидуетъ ихъ долѣ,
Предпочтя всему, всему:
Жизни, счастію на волѣ—
Золоченую тюрьму!

А она? Склонясь устало
На подушку головой,
Уронила опахало
На коверъ передъ собой...

Снится ей король влюбленный,
Снится, будто во дворецъ
Къ ней—забытой, оскорбленной
Онъ вернулся наконецъ!

Будто, вновь любуясь ею,
Шепчетъ онъ любви слова,
И склонилась передъ нею
Эта гордая глава...

Звуки нѣжнаго напѣва
Раздаются въ тишинѣ,—
Тихо дремлетъ королева,
Улыбаясь во снѣ...

1889 г.

У болота.

(П. А. Козлову).

У пруда съ зеленой тиной,
Надъ которымъ молчаливо
Наклонилася вершиной
Зеленѣющая ива.

На коврѣ изъ мха пушистомъ,
Гдѣ кувшинчиковъ не мало,
Подъ весеннимъ небомъ чистымъ
Птичка мертвая лежала.

А кругомъ, тѣсня другъ друга,
Ужъ слеталися пичужки
И въ болотѣ, съ перепуга,
Громко квакали лягушки.

— Какъ? Убилась? Добровольно?
Вотъ такъ случай! И съ чего-бы?
Возмущалися невольно
Царства птичьяго особы.

— Вѣдь народъ то нынче спятилъ!
Гдѣ приличія законы?—
Возгласилъ суровый дятелъ.
— Вѣрно:—каркнули вороны;

— Случай просто небывалый,
(Дайте мнѣ понюхать соли...)
И другіе вѣдь пожалуй
Пожелаютъ также воли;

И другимъ пожалуй скоро
Лѣсъ покажется нашъ тѣсенъ—
Не найдутъ онѣ простора
Для своихъ безумныхъ пѣсенъ...

Съ жаждой солнечнаго свѣта,
Съ жаждой „новаго“ чего то,
Улетятъ онѣ, какъ эта,
Отъ родимаго болота!—

— Что имъ въ солнцѣ—не пойму я?—
Молвилъ сычъ, сердито хмурясь;
— Въ темнотѣ всегда живу я
И отъ солнца только жмурюсь.—

— Безполезно это пѣнье!—
Крикъ послышался насѣдки;
— Лишь въ курятникѣ спасенье,
И всего нужнѣе—дѣтки...—

— Жизнь дана для наслажденья!—
Молвилъ чижъ, съ цвѣткомъ въ петличкѣ,
Поощренный, безъ сомнѣнья,
Взоромъ ласковымъ синички.

— Ахъ, что слышу я?—крикливо
Тутъ вмѣшалася сорока,
Не сдержавъ нетерпѣливо
Словъ язвительныхъ потока;

— Глупость—эти дарованья
И поэзія и чувство...
Въ мірѣ есть одно призванье—
Акушерское искусство!

Нѣтъ почетнѣе занятья
И прекраснѣе и выше,—

И объ этомъ прокричать я
Хоть сейчасъ готова съ крыши!...

Такъ, собравшися толпою
Подъ весеннимъ небомъ чистымъ,
Птицы, споря межъ собою,
Оглашали воздухъ свистомъ...

А подъ сѣнью ивъ зеленыхъ
Птичка мертвая лежала,—
И сужденій просвѣщенныхъ,
Къ сожалѣнью, не слыхала...

1889

Соловей.

(А. Н. Плещееву).

Каждою весною майскими ночами
Изъ дубравы темной, съ звонкими ключами,
Съ тѣнью липъ цвѣтущихъ и дубовъ вѣтвистыхъ,
Съ свѣжимъ ароматомъ ландышей росистыхъ,
Разносясь далеко надо всей равниной—
Слышались раскаты пѣсни соловьиной.
И внимали пѣснѣ всѣ лѣсныя пташки,
Бабочки на вѣткахъ и въ травѣ букашки,
И подъ звуки эти распускались розы,
Разцвѣтали въ сердцѣ золотыя грезы;
Легче всѣмъ жилося: звуки пѣсни чудной
Облегчали многимъ бремя жизни трудной.

Но однажды какъ то, вовсе безъ причины,
Раздражилъ лягушекъ рокотъ соловьиный,
Разсердился также и надменный дятелъ,

Что внимая пѣснѣ, время даромъ тратилъ.
А за ними слѣдомъ повторили галки,—
Что, молъ, пѣсни эти и скучны и жалки,
Что давно ихъ слушать прочимъ надоѣло
И онѣ мѣшаютъ только дѣлать дѣло...
Зрѣло недовольство съ каждою минутой,
Соловья извѣстность находя раздутой,
Наконецъ созвали общее собранье
И пѣвцу рѣшили объявить изгнанье.

Но бѣды не чуя, нашъ пѣвецъ смиренный,
Изливая душу въ пѣснѣ вдохновенной,
Не видалъ, какъ злоба разросталась глухо,
Какъ его повсюду принимали сухо,—
И когда впервые вѣсть о приговорѣ
До него достигла—онъ, скрывая горе,
Выслушалъ спокойно злыя нареканья
И не отвѣчая, улетѣлъ въ изгнанье.
А друзья, что втайнѣ о пѣвцѣ жалѣли,
Заявить объ этомъ громко не посмѣли.

Съ соловьемъ разставшись, не шутя сначала
Темная дубрава вдругъ возликовала.
Но не долго длилось это увлеченье,
Пробудилось смутно чувство сожалѣнья
И невольной скуки, многимъ очевидно
Стало вдругъ неловко и какъ будто стыдно...
Не лились, какъ прежде лѣтними ночами
Соловья напѣвы звучными волнами,
А съ закатомъ солнца изъ лѣсной опушки
Рѣзко и крикливо квакали лягушки,
Стрекоталъ кузнечикъ, и дрозды безплодно
Подражать пытались пѣснѣ благородной,
Пѣснѣ соловьиной... Заскучали розы,
Лепестки роняя на траву, какъ слезы...

Сумрачно и пусто стало въ этой чащѣ
Безъ знакомой пѣсни, звучной и бодрящей.
Тутъ, сначала втайнѣ, а потомъ и гласно
Раздалися крики, что совсѣмъ напрасно
Соловья изгнали; начались споры,
(Дѣло доходило до открытой ссоры),
И въ концѣ рѣшили: слать гонца за море—
Соловью повѣдать о всеобщемъ горѣ,
Умолять вернуться будущей весною,
Примирясь на вѣки съ чащею родною...

И пѣвецъ вернулся. Онъ великодушно
Все простилъ душою, дѣтски простодушной.
И по всей дубравѣ какъ его встрѣчали,
Какъ неудержимо громко ликовали!
Какъ луга одѣлись пышною травою,
А дубы и липы—яркою листвою,
Какъ благоухали синія фіялки,
И въ пылу восторга стрекотали галки,
Какъ ручьи журчали, и царицы-розы
Съ лепестковъ роняли радостныя слезы!

1890.

Умирающая художница.

(Памяти М. Башкирцевой).

1.

Охвачена минутнымъ забытьемъ,
Покоилась она—бѣлѣе лилій
И ландышей, что въ комнатѣ кругомъ
Свой ароматъ чарующій струили...
Съ ея лица та скорбная черта,
Что говоритъ о мукахъ затаенныхъ,

Сомнѣніяхъ и о ночахъ безсонныхъ—
Изгладилась, и блѣдныя уста
Раскрылися улыбкою счастливой,
Какъ будто ей счастливый снился сонъ,—
И свѣтлый умъ, тревожный и пытливый,
Сомнѣньями такъ часто удрученъ—
На все нашелъ отвѣтъ и разрѣшенье,
И за борьбой пришло успокоенье...

2.

Вокругъ нея ея—созданій рядъ:
Ряды картинъ, начатыя творенья,
Гдѣ съ полотна на зрителя глядятъ
Ея идей живыя воплощенья.
Отъ мелкихъ драмъ изъ жизни бѣдняковъ,
Записанныхъ и схваченныхъ съ натуры,
Гдѣ все живетъ: и лица и фигуры
И говоритъ краснорѣчивѣй словъ,
До чудныхъ сценъ евангельскихъ преданій,
Иль эпопеи Рима роковой
И Греціи: весь циклъ ея созданій—
Все истиной проникнуто одной.
„Святыя жены", „Цезарь", „Навзикая"—
Повсюду—мысль—вездѣ—душа живая.

3.

И снится ей: опасность далека
И снова грудь больная дышетъ смѣло.
Работать! Жить! Вѣдь жизнь такъ коротка,
Такъ коротка, а въ ней такъ много дѣла!
Ужели же не суждено облечь
Ей въ образы задуманное ею?
Ужель оно погибнетъ вмѣстѣ съ нею?

И ей восторгъ не суждено зажечь
Въ сердцахъ людей, чтобъ глядя на творенья
Художницы, могъ каждый оцѣнить,
Постигнуть могъ душою ихъ значенье,
И вмѣстѣ съ ней и мыслить и любить?..
Какъ? Умереть? Когда желаешь страстно
Творить и жить, и жизнь сама—прекрасна!

4.

Со стономъ вдругъ очнулася она!
Какъ тяжело! Какъ ноетъ грудь больная!
Сомнѣнья нѣтъ: она осуждена
И близится минута роковая...
Такъ все любить: природу и людей,
Искусство, жизнь, и тишину, и грозы,
И смѣхъ, и грусть, и радости, и слезы,
Сіянье дня, безмолвіе ночей—
И—умереть!.. Кто плачетъ? Кто, рыдая,
Склонился къ ней? Не надо! До конца,
Она, ни въ чемъ себѣ не измѣняя,
Увидитъ смерть съ рѣшимостью борца,
И не „рабомъ лукавымъ и лѣнивымъ,"
Передъ судомъ предстанетъ справедливымъ...

1889 г.

Три любви.

(Испанская поэма).

Тамъ, въ стѣнахъ Севильи старой,
Что прославили поэты,
Гдѣ съ пѣвучею гитарой
Звонко спорятъ кастаньеты,

Въ романической Севильѣ,
Гдѣ украдкой мечутъ взоры
Изъ подъ кружева мантильи
Сеньориты и сеньоры,

Гдѣ, въ безмолвіи соборовъ,
Назначаются свиданья,
И любовь сильнѣй затворовъ,
И восторгъ сильнѣй страданья—

Въ гордомъ домѣ донъ-Рамиро,
Благороднаго вельможи,
Для кого сокровищъ міра
Родовая честь дороже—

Три прекрасныхъ сеньориты,
Что рожденьемъ и красою
Были равно знамениты,
Говорили межъ собою

О любви, о тайной мукѣ,
О блаженствѣ юной страсти,
И о томъ, что у разлуки
Нѣтъ надъ ней ни силъ, ни власти...

Увлекаяся сильнѣе,
Тутъ онѣ вступили въ пренья:
Кто изъ нихъ въ любви вѣрнѣе,
Въ комъ сильнѣй ея влеченье?

И сказала донья-Анна
Вызывающе и гордо:
— Нѣтъ въ любви моей обмана
И обѣтъ храню я твердо.

Быть женою донъ-Фернандо
Для меня дороже славы
Стать сейчасъ супругой гранда,
Кавалера Калатравы.

Но когда бъ себя дѣяньемъ
Запятналъ онъ недостойнымъ—
Отъ него съ негодованьемъ
Отвернуся я спокойнымъ.

— То не страсть—одно безсилье,
Страхъ одинъ предъ мнѣньемъ свѣта!—
Пылко донья-Инезилья
Возразила ей на это.

— За любовь его готова
Я была бъ на всѣ мученья,
За одно пошла бы слово
На позоръ, на униженье!

И сжимая опахало
Задрожавшею рукою,
Донья-Клара тихо встала,
Глядя вдаль передъ собою.

Только щеки на мгновенье
Поблѣднѣли, какъ отъ боли,
Только голосъ отъ волненья
Обрывался противъ воли...

— Какъ цвѣты, что къ небу страстно
Ароматы шлютъ волною,—
Такъ и я, увы, не властна
Не любить его душою.

Пусть не вѣдаю участья,
Пусть не буду я любима,—
Я люблю, и въ этомъ—счастье
И оно—непобѣдимо!

1890.

Осенніе листы.

(Поэма XVIII вѣка).

1.

Октябрьскій день, но солнце свѣтитъ ярко:
Какъ тихо все и въ глубинѣ долинъ
И въ сумракѣ задумчиваго парка!
Межъ зеленью желтѣющихъ куртинъ
Пестрѣетъ рядъ роскошныхъ георгинъ;
Старинный домъ, воротъ массивныхъ арка —
Окутаны какъ складками плаща,
Гирляндою зеленаго плюща.

2.

И все кругомъ: пурпуровой окраской
И золотомъ сквозящіе листы,
И солнца лучъ своею поздней лаской
Чарующій осенніе цвѣты —
Все дышетъ здѣсь полузабытой сказкой,
Подобіемъ минувшей красоты,—
И солнца лучъ одинъ тому виною,
Что можно счесть осенній день — весною.

3.

Лучъ солнечный! великій чародѣй!
Ты блескъ и жизнь всему даешь собою,
Увядшій листъ, дрожащій межъ вѣтвей
Ты надѣлилъ обманчивой красою.
Надеждою и радостью былою

Плѣнивъ сердца усталыя людей,
Ты воскрешаешь радужныя грезы,
Какъ на щекахъ, давно увядшихъ — розы.

4.

Внося съ собой отраду и тепло,
Волшебный лучъ скользнулъ въ окно графини,
Лѣтъ двадцать пять съ тѣхъ поръ уже прошло,
Какъ прелестью, достойною богини,
Къ ней всѣ сердца и помыслы влекло.
Красавица состарѣлася нынѣ,
И прежній блескъ и счастье прежнихъ дней —
Казались ей все дальше, все блѣднѣй.

5.

Но въ этотъ день, охвачена порывомъ
Невѣдомымъ, проснулася она.
Въ душѣ ея, волшебнымъ переливомъ,
Звучала вновь замолкшая струна,
И чѣмъ-то юнымъ, бодрымъ и счастливымъ,
Напомнившимъ былыя времена,
Напомнившимъ природы свѣтлый праздникъ —
Въ душѣ ея повѣялъ лучъ проказникъ.

6.

Нѣтъ, то не сонъ, не зрѣнія обманъ!
Лучъ солнечный, причудливый и зыбкій,
Разсѣявшій ненастье и туманъ —
Опять вернулъ устамъ ея улыбки.
Сегодня ей не надобно румянъ,
Глаза блестятъ, и станъ изящно гибкій
Плѣнителенъ, какъ въ прежніе года,—
Она опять прекрасна, молода!

7.

И въ паркъ, гдѣ все осталось неизмѣннымъ,
Какъ въ дни ея веселья и побѣдъ —
Она сошла, шумя атласнымъ трепомъ.
Ей вспомнился маркизъ, ея сосѣдъ,
Вернувшійся недавно... Онъ смиреннымъ
Поклонникомъ ея былъ много лѣтъ,
И здѣсь она изъ устъ его слыхала
И бредъ любви, и шепотъ мадригала.

8.

Здѣсь къ озеру они спускались внизъ
Въ вечерній часъ. И что ихъ разлучило?
Кокетство ли, упрямство иль капризъ?..
Графиня вздохъ чуть слышный подавила,
И — вздрогнула... Предъ ней стоялъ маркизъ!
Казалося, таинственная сила,
Могучее природы волшебство —
Въ знакомый паркъ вновь привели его.

9.

Онъ шляпу снялъ съ изысканнымъ поклономъ.
Въ маркизѣ все, отъ граціи манеръ,
До вышитыхъ камзоловъ, съ ихъ фасономъ
Изысканнымъ — все ставилось въ примѣръ.
Наружностью, осанкою и тономъ
Онъ и теперь былъ свѣтскій кавалеръ,—
И вспомнивъ все, что было такъ... недавно,
Она въ отвѣтъ ему присѣла плавно.

10.

Онъ предложилъ ей руку,— и они
Пошли впередъ... Знакомая аллея!

Чрезъ столько лѣтъ здѣсь снова, и — одни!
Онъ говорилъ; она, слегка краснѣя,
Ему внимала, какъ въ былые дни,
Въ душѣ мечту завѣтную лелѣя;
Но вотъ скамья знакомая и вязъ...
Тутъ слышалъ онъ изъ устъ ея отказъ.

11.

Онъ преклонилъ предъ ней одно колѣно.
Опять огнемъ горитъ, какъ прежде, кровь.
Что предъ тобой и годы, и измѣна,
Волшебница, всесильная любовь?
Онъ умоляетъ, пылко и смиренно,
Она въ отвѣтъ притворно хмуритъ бровь,
Но грудь ея волнуется сильнѣе,
И влажный взоръ все мягче, все нѣжнѣе.

12.

Вотъ, наконецъ, онъ овладѣлъ рукой
Трепещущей... О, мигъ невозвратимый!
Все расцвѣло минувшею красой,—
О, счастіе — любить и быть любимой!
Гдѣ времени полетъ неумолимый?
Она сіяетъ прелестью былой,
А онъ — совсѣмъ не измѣнился даже.
Да, онъ все тотъ, она сама — все та-же!

13.

Но вдругъ небесъ померкла синева,
Среди вѣтвей осенній вихрь летучій
Вмигъ прошумѣлъ, и желтая листва
Посыпалась, и закружилась тучей...

И замерли признанія слова
На ихъ устахъ, и, какъ туманъ зыбучій,
Разсѣялось мгновенно волшебство:
Лучъ отсіялъ, и снова все мертво!

14.

Какъ сумрачны небесъ померкшихъ своды,
Какъ падаютъ увядшіе листы!
Но гдѣ-жъ расцвѣтъ ликующей природы,
Гдѣ призракъ ихъ минувшей красоты?..
Ихъ взоръ угасъ, поблекли ихъ черты,
Все унесли неумолимо годы,
И ясно имъ, что грезамъ прежнихъ лѣтъ,
Какъ юности — увы, возврата нѣтъ!

15.

Они сидятъ съ покорной и печальной
Улыбкою, застывшей на устахъ.
Но солнца лучъ — ихъ ласкою прощальной
Даривщій здѣсь — онъ скрылся въ облакахъ.
И въ вянущихъ среди куртинъ цвѣтахъ,
И въ тишинѣ природы погребальной,
Въ листахъ деревъ, поблекшихъ и сухихъ —
Имъ чудится эмблема жизни ихъ.

1895 г.

Подснѣжникъ

(А. Э. Готской-Даниловичъ).

Ah, l'espérance cruellement précoce!
C'est comme le givre au temps du renouveau.

1.

Вмѣстѣ съ первыми зорьками алыми,
На прогалинѣ чащи лѣсной,
У березъ, межъ сугробами талыми,
Распустился цвѣтокъ голубой.

Помнитъ онъ, какъ за стужей томительной,
Оковавшей надолго луга,
Солнца лучъ, золотой и живительный,
Растопилъ на полянахъ снѣга.

Передъ этою силой побѣдною
Зашумѣли въ долинахъ ручьи
И съ улыбкою, нѣжной и блѣдною,
Лепестки развернулъ онъ свои.

И волнуемъ надеждою сладостной,
Притаясь у подножья корней,
Полуробко онъ ждетъ, полурадостно
Этихъ солнечныхъ ясныхъ лучей...

Въ нихъ—отрада и цѣль и значеніе
Кратковременной жизни его,
И безъ нихъ, въ эти дни возрожденія,
Для него все въ природѣ мертво!

Непонятнымъ томленьемъ взолнованный,
    Цѣлый день и въ ночной полумглѣ,
Онъ все грезитъ о нихъ, очарованный,
    Колыхаясь на тонкомъ стеблѣ...

2.

Но съ разсвѣтомъ грядою свинцовою
    Потянулися тучи на югъ,
Вновь повѣяло стужей суровою,
    Все притихло и замерло вдругъ.

И подснѣжникъ въ тревогѣ мучительной
    Ожидалъ, чтобы снова изъ тучъ
Проглянулъ на мгновенье живительный,
    Ободряющій солнечный лучъ.

Но дыханіе вѣтра морозное
    Все покрыло плащемъ снѣговымъ,
Непривѣтное, мрачное, грозное—
    Разстилалося небо надъ нимъ.

И луча не дождавшися яснаго,
    Тосковавшій безумно цвѣтокъ
Ожиданья не вынесъ напраснаго,
    Онъ свернулъ лепестки и поблекъ...

Не боясь новыхъ бурь и ненастія,
    Холодовъ роковыхъ для него,
Слишкомъ рано повѣрилъ онъ въ счастіе,
    И оно обмануло его.

1894 г.

Въ старомъ замкѣ.

К. К. Случевскому.

1.

Въ старой залѣ замка вѣкового
Раздается звонъ веселый чаръ:
Угощаетъ гостя дорогого
И сосѣда гордый графъ Бернаръ.

Льются вина... Трубы и фанфары!
Раскраснѣлись лица у гостей,
Все быстрѣй кругомъ обходятъ чары,
Разговоръ—хвастливѣй и шумнѣй.

Словно громъ звучатъ раскаты смѣха,
Гулъ растетъ, какъ грозный ураганъ,
И ему въ долинѣ вторитъ эхо,
И пугаетъ графская потѣха
Иноковъ и скромныхъ поселянъ.

Графъ Бернаръ не любитъ пѣснопѣній,
Но зато ему бываетъ любъ
Шумъ пировъ, и въ грохотѣ сраженій—
Звонъ мечей и переливы трубъ.

Ненавистны де-Лотреку нынѣ:
Женскій нравъ, причуды и любовь,—
И порой, при мысли о графинѣ,
Графъ Бернаръ сурово хмуритъ бровь...

2.

Далеко отъ этой шумной залы
Заперлась графиня. На щекахъ
Пятнами горитъ румянецъ алый
И сверкаютъ слезы на глазахъ.

И когда ликующіе звуки
Долетятъ порою до нея—
Поблѣднѣвъ, она сжимаетъ руки,
И презрѣнья гордаго и муки
Полонъ взоръ тоскующій ея...

Много лѣтъ страдавшей молчаливо,
Не встрѣчая радости нигдѣ-
Тяжко ей, какъ горлицѣ пугливой
У орла стервятника въ гнѣздѣ!

Ей, рожденной на цвѣтущемъ югѣ,
Не мила суровая Бретань,
Ропотъ волнъ и завыванье вьюги,
Мрачныхъ скалъ чернѣющая грань.

И склонясь усталой головою
Къ амбразурѣ узкаго окна,
Далеко крылатою мечтою
Унеслась въ прошедшее она.

Передъ ней—роскошнаго Прованса
Города и рощи, и сады,
Запахъ розъ, мелодія романса
И любви веселые суды...

При дворѣ—поэтовъ состязанья,
Пѣсни ихъ и лютни ритурнель,
Чудный день, цвѣты, рукоплесканья,
Побѣдитель, юный менестрель...

Присужденъ ему вѣнокъ побѣдный
Изъ руки ея,—и передъ ней
Онъ стоитъ, черноволосый, блѣдный,
Съ чуднымъ взоромъ бархатныхъ очей.

И опять чарующія грезы
Расцвѣли въ больной душѣ ея,
По щекамъ струятся тихо слезы,—
А изъ залы хохотъ и угрозы
Долетаютъ глухо до нея...

1894 г.

Вальсъ.

(монологъ).

Въ разгарѣ балъ, и я его царица,
Поклонниковъ толпой окружена,
Извѣстныя во всѣхъ салонахъ лица,
Знакомыя beau mond'у имена...
Моихъ таблетокъ первая страница
Фамиліями ихъ испещрена,—
Но жаль тѣхъ дней, когда взамѣнъ бывало
Я имя здѣсь завѣтное встрѣчала.

Шесть лѣтъ назадъ! Возможно ли? Ужели
Не цѣлый вѣкъ—прошло всего шесть лѣтъ?
Какъ помню я мой первый выѣздъ въ свѣтъ,
Блестящій балъ, аккорды ритурнели,
Мой дѣвственный воздушный туалетъ...
Онъ также былъ, восторженно горѣли
Его глаза, и этотъ мой успѣхъ
Дороже былъ, милѣй успѣховъ всѣхъ.

Играютъ вальсъ... Вы говорите: старый,
Но хорошо мнѣ памятный мотивъ;
Мелодіи тоскующій призывъ
Опять звучитъ, воспоминаній чары
Въ душѣ моей собою пробудивъ,

И подъ него опять несутся пары
И каждый звукъ напоминаетъ вновь
Мнѣ молодость и первую любовь.

Все—прежнее, и залъ все тотъ же самый,
И вотъ опять встаютъ передо мной,
Какъ милый ликъ изъ пожелтѣвшей рамы:
Восторгъ любви наивно молодой,
Подробности полузабытой драмы...
Какъ въ забытьѣ, съ блестящею толпой
Я уношусь впередъ,—но что же это?

Мнѣ кажется, какъ будто волны свѣта
Померкли вдругъ и музыка слышна
Издалека, какъ ропотъ водопада...
Мнѣ дурно?.. Нѣтъ, слегка утомлена,
Благодарю, мнѣ ничего не надо.
Вы испугались? Развѣ я блѣдна?
Здѣсь хорошо! Душистая прохлада
И вѣтерокъ... Вотъ такъ, шесть лѣтъ назадъ,
Когда то съ нимъ сошла я въ темный садъ.

Мы также здѣсь стояли, какъ теперь,
И полосою свѣтъ ложился лунный,
И музыка въ растворенную дверь
Неслася къ намъ, и также пѣли струны
Намъ пѣснь любви, и онъ шепталъ мнѣ:—Вѣрь!
Какъ были мы неопытны и юны;
Года прошли,—но ясно до сихъ поръ
Я помню все: его улыбку, взоръ...

Я чувствую всю прелесть ночи звѣздной
И теплое пожатіе руки...
Въ душѣ—приливъ восторга и тоски
Мучительной и горько безполезной.
Но эти дни блаженства—далеки.

Прошедшее непроходимой бездной,
Преградою глубокою легло
Межъ тѣмъ что есть и тѣмъ что быть могло.

Смолкаетъ вальсъ... конецъ очарованью...
Гдѣ милый ликъ? Гдѣ милыя слова?
Зачѣмъ нельзя сказать воспоминанью:
— Умри и ты, когда любовь мертва?
Скорѣй туда—къ восторгу, къ ликованью!
Недаромъ я—царица празднества.
Я жажду блеска, лести, поклоненья,—
Я все отдамъ за мигъ одинъ—забвенья!

1895 г.

ОТДѢЛЪ III.

ИЗЪ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ.

1889—1892 г.

* * *

Любовь—мечта и мы ея не знаемъ,
Она—миражъ, видѣніе, туманъ;
То, что мы всѣ любовью называемъ—
Лишь тѣнь любви, одинъ самообманъ.

Любовью мы считаемъ увлеченье,
Капризъ ума, фантазіи игру;
Но часъ придетъ, а съ нимъ и убѣжденье,
Что золотомъ мы звали мишуру.

Но есть любовь. Въ созданіяхъ поэта
Она горитъ немеркнущей звѣздой,
Съ любовью льетъ и солнце волны свѣта,
Что цѣлый міръ животворятъ собой.

Съ любовью льетъ цвѣтокъ благоуханье,
Какъ фиміамъ, къ стемнѣвшимъ небесамъ;
И шумъ лѣсовъ, и свѣтлыхъ водъ журчанье,
Стремящихся къ прибрежнымъ тростникамъ,

И птички пѣснь съ зарею золотистой—
Въ природѣ все любовію полно,—
Но той любви, возвышенной и чистой,
Здѣсь на землѣ узнать намъ не дано.

* * *

Чрезъ рѣки быстроводныя, чрезъ синія моря,
Чрезъ пустоши безплодныя, надеждою горя,
Давно стремятся витязи, презрѣвъ ночную тьму,
Къ далекой правдѣ—истинѣ въ высокомъ терему,

Трудна туда дороженька: дремучіе лѣса,
Тумановъ бѣлыхъ саваны, ночные голоса...
А въ ноченьки ненастныя—не свѣтъ лучистыхъ звѣздъ,
Но свѣтъ огней блуждающихъ мерцаетъ имъ окрестъ.

Идутъ все дальше витязи, но такъ же лѣсъ дремучъ,
По прежнему опасностью грозятъ имъ скаты кручъ,
Ночная тьма кромѣшная сгущается и—глядь—
Рѣдѣетъ, разсыпается отважная ихъ рать.

Однихъ пугаетъ въ сумракѣ зловѣщій крикъ совы,
Другіе, поскользнувшися, не сносятъ головы,
А третьи, обезсилены, вернулись съ полъ-пути,—
Немногимъ лишь назначено до терема дойти...

* * *

They tell: Iam mad...

Я безумной слыву оттого, что мнѣ кажется тѣсенъ
Этотъ будничный міръ, полный мелкихъ тревогъ и заботъ,
Оттого, что душа жаждетъ свѣта, простора и пѣсенъ
И свободной мечтой я стремлюся свободно впередъ.

Я безумной слыву оттого, что болѣзненно чутко
На чужую печаль, на чужой откликаюсь призывъ,
Оттого, что—взамѣнъ хладнокровныхъ рѣшеній разсудка—
Признаю я всегда лишь горячій сердечный порывъ.

Я безумной слыву оттого, что открыто и смѣло
Я неправду и зло никогда и ни въ комъ не щажу,
Оттого, что въ борьбѣ за любимое кровное дѣло
Я всѣ силы свои, да и самую жизнь положу.

Октавы.

Настала ночь. Таинственно журчащій
Почти смолкалъ въ травѣ роснстой ключъ,
И по вѣтвямъ полузаснувшей чащи,
Блестя порой изъ набѣгавшихъ тучъ,
Причудливый, чаруще манящій,
Скользилъ дрожа блестящій лунный лучъ,—
И озаривъ на мигъ кусты сирени,
Спѣшилъ впередъ—къ фіалкамъ и вервенѣ...

Блестящій лучъ увидѣлъ мотылекъ.
Его красой безумно увлеченный,
Съ цвѣтка на вѣтвь и съ вѣтви на цвѣтокъ,
Онъ за лучемъ погнался, ослѣпленный,—
Но уловить нигдѣ его не могъ.
И онъ упалъ—разбитый, утомленный,
А лучъ, скользя надъ яблоней въ цвѣту,
Его дразнилъ, казалось, на лету...

Ты, жаждущій душой идеала—
Таковъ порой и твой удѣлъ, поэтъ!
Тебя его сіянье ослѣпляло,
Манилъ къ себѣ его отрадный свѣтъ,—
Надеждъ и силъ растрачено не мало...
А для тебя не сталъ онъ ближе, нѣтъ!
Ты шелъ впередъ, мечтою окрыляемъ,—
Но и теперь онъ все жъ недосягаемъ!

* * *

Пасть борцомъ на полѣ битвы—
Лишь избранникамъ дано,
Имъ—народныя молитвы,
Имъ безсмертье суждено.

* * *

Пасть геройски подъ ударомъ,
Пасть съ оружіемъ въ рукахъ,
Знать, что отдалъ жизнь не даромъ.
И не знать что значитъ страхъ.

* * *

Отдаваться всей душою
Упоенію борьбы,
Не склоняясь предъ судьбою,
Какъ трусливые рабы.

* * *

Всѣхъ примѣромъ увлекая,
Жить и биться до конца—
Какъ завидна смерть такая,
Смерть героя и борца!

* * *

Но бываетъ смерть иная:
Это—жизнь среди болотъ,
Это—тина роковая
И покой стоячихъ водъ.

* * *

Гдѣ пигмеи такъ велики,
Гдѣ сплотилась ихъ семья,
Гдѣ, увы! лягушекъ крики
Заглушаютъ соловья...

* * *

Гдѣ вокругъ царитъ всецѣло
Непробудный, тяжкій сонъ,
Гдѣ живетъ одно лишь тѣло,
Духъ же—смерти обреченъ.

\~\~\~\~\~

* * *

Занималась заря и весеннія пѣсни звучали,
Не смолкали онѣ на безпечныхъ и юныхъ устахъ,
Отрывались кругомъ необъятно широкія дали
Въ лучезарныхъ мечтахъ.

Жизнь манила къ себѣ, облекаяся въ яркія краски,
Вся—сіянье и свѣтъ—увлекала, манила впередъ,
И казалося нѣтъ, какъ царевичу юному въ сказкѣ,
Недоступныхъ высотъ.

Но померкла заря, набѣжали вечернія тѣни,
И закрыли онѣ необъятно широкую даль,
Звуки пѣсенъ живыхъ заглушаетъ то голосъ сомнѣній,
То укоръ и печаль.

Отлетѣли мечты, потускнѣли блестящія краски,
Все окуталъ собой, все покрылъ непроглядный туманъ...
Вмѣсто грезъ золотыхъ, вмѣсто грезъ очарованной сказки—
Мишура и обманъ!

\~\~\~\~\~

Молитва.

Тучи темныя нависли
Низко надъ землей,
Сонъ оковываетъ мысли
Непроглядной мглой...

Воли нѣтъ, слабѣютъ силы,
Тишина вокругъ...
И спокойствіемъ могилы
Охватило вдругъ.

Замираютъ въ сердцѣ муки...
На борьбу опять
Опустившіяся руки
Нѣту силъ поднять.

Голова въ изнеможеньѣ
Клонится на грудь...
Боже мой! Услышь моленье,
О, не дай заснуть!

Этотъ сонъ души мертвящій
Бурей разгони,
И зажги во тьмѣ царящей
Прежніе огни.

* * *

Я не кляну испытанныхъ страданій,
Тѣхъ, кто ихъ далъ—я также не кляну,
Хоть жаль до слезъ несбывшихся мечтаній,
Какъ жаль зимой погибшую весну.

Да, не легко бороться ежечасно,
Къ отчаянью отъ грезъ переходить,
Любить и ждать и вѣровать напрасно,
Но и страдать—вѣдь также значитъ жить.

Есть жизнь въ борьбѣ, въ порывѣ силъ кипучихъ,
Въ прибоѣ волнъ, что бьются объ утесъ,
Въ дыханьѣ бурь, въ ударахъ грозъ могучихъ
И въ горечи невыплаканныхъ слезъ...

Фантазія.

Онъ людямъ пѣлъ о чудныхъ странахъ,
О краѣ томъ, гдѣ онъ царилъ,
О феяхъ дивныхъ, о титанахъ,
О ходѣ царственныхъ свѣтилъ.

— Тамъ блескъ небеснаго эфира
Синѣй и чище бирюзы,
Тамъ, въ царствѣ счастія и мира,
Не проливалося слезы.

Тамъ шумно плещутъ водопады
И бѣломраморныхъ дворцовъ
Бѣлѣютъ чудно колоннады
Среди невиданныхъ садовъ.

Тамъ нѣтъ нужды, не знаютъ кары,
Тамъ все—и пѣсни и цвѣты—
Сулитъ нѣвѣдомыя чары,
Полно волшебной красоты.

Тамъ неизвѣстны наши муки;
Тамъ нѣтъ понятія о злѣ,
Тамъ раздаются пѣсенъ звуки,
Какихъ не слышатъ на землѣ.

И этой чудною страною
Лишь я владѣю, я одинъ!
Тамъ все живетъ и дышетъ мною,—
Я—полновластный властелинъ!—

Такъ пѣлъ поэтъ.—Владѣетъ краемъ?
Смѣялись многіе кругомъ;
Какъ будто мы его не знаемъ!
Самъ ходитъ въ рубищѣ одномъ,

Выноситъ голодъ и лишенья...
Безумецъ жалкій—нашъ поэтъ!
Ну гдѣ лежатъ его владѣнья?
Вѣдь и страны подобной нѣтъ.—

Передъ грозой.

Темнѣетъ... Черныхъ тучъ несутся вереницы,
Долина и холмы окуталися мглой,
И съ крикомъ носятся испуганныя птицы,
Кружася низко надъ землей...

Все стихло—странною, зловѣщей тишиною,
Но скоро молнія блеснетъ изъ темныхъ тучъ,
И вихрь поднимается надъ сонною рѣкою,
И грянетъ громъ—ужасенъ и могучъ.

И сердце у меня такой же мглой объято,
Такія жъ облака сулятъ и мнѣ бѣду,
И въ страхѣ перваго громоваго раската
Я также жду...

* * *

(М. Л. Вейнбергъ).

Я не вѣрю возможности счастья
Въ эти дни непогоды и бурь,
Я не вѣрю, что послѣ ненастья
Въ небесахъ засіяетъ лазурь.

Я не вѣрю, что-бъ новою красою
Разцвѣтая, воскреснуть могло
Все, что душу живило собою
И—какъ все на землѣ—отцвѣло...

Но, увы, если-бъ даже и снова
Возвратились минувшіе дни—
То явились бы тѣнью былого,
Только блѣдною тѣнью они.

Таковы и осеннія розы,
Красотою плѣнявшія взглядъ,
Но въ которыхъ убили морозы
Всю ихъ свѣжесть и весь ароматъ.

(Памяти моей няни В. В. Ф.).

Могила скромная въ тѣни дубовъ зеленыхъ
И скромный бѣлый крестъ
Среди крестовъ другихъ, вѣтвями осѣненныхъ,
Что въ полѣ широко раскинулись окрестъ.

Могила скромная, гдѣ травка полевая
Изъ подъ оттаявшей пробилася земли,
И легкій вѣтерокъ, со вздохомъ пролетая,
Колышетъ тонкіе стебли.

Въ ней ты нашла себѣ успокоенье;
Живя не для себя, ты знала лишь одни
Труды, страданія и самоотверженье...
Миръ праху твоему! Спокойно отдохни.

Элегія.

Отцвѣтаютъ красавицы розы,
Осыпая траву лепестками . . .
И росы серебристыя слезы
Холоднѣй и обильнѣй утрами.

Холоднѣе сіяютъ утрами
И лучи золотые восхода,
Подъ осенними солнца лучами
Тихимъ сномъ засыпаетъ природа.

Засыпаетъ неслышно природа,
Какъ царевна прекрасная сказки,
И лазури небеснаго свода
Поблѣднѣли блестящія краски.

Поблѣднѣли блестящія краски,
Но смирилась и горечь сомнѣній,
Сердце полно смягчающей ласки
И покоя и грусти осенней.

* * *

Не плачь, мой другъ, о счастьи отлетѣвшемъ,
Его, увы, слезами не вернуть!
Оно огнямъ подобно догорѣвшимъ,
Тебя на мигъ, на кроткій мигъ согрѣвшимъ—
Прости... забудь...

Забудь о томъ, какъ счастіе нежданно
Тебя своимъ коснулося лучомъ,
И вмѣсто мглы, холодной и туманной,
Повѣяло вѣсной благоуханной,
Пахнуло вновь и свѣтомъ и тепломъ.

Забудь о томъ, какъ жизнь тебѣ предстала
Въ красѣ цвѣтовъ и звуковъ и лучей,
Во всей красѣ былаго идеала,—
И сердце вновь собой очаровала
Гармонія и взоровъ и рѣчей.

Забудь, какимъ страданьемъ и тоскою
Полна теперь измученная грудь,
Какой пришлось платить тебѣ цѣною
За счастья мигъ, у жизни взятой съ бою!
Забудь, забудь!

* * *

Онъ отсіялъ—лучъ солнца золотаго,
Онъ отгорѣлъ—твой лучезарный день!
И жизнь грустна, какъ тяжкій бредъ больнаго
И жизнь мрачна, какъ гробовая сѣнь.

Зачѣмъ же вновь встаетъ неумолимо
Минувшее, какъ призракъ предъ тобой?
Оно прошло, оно невозвратимо,
Со всѣмъ его блаженствомъ и тоской,

Со всѣмъ его очарованьемъ жгучимъ
И сладкою отравою рѣчей,
Со всѣмъ его волненіемъ кипучимъ
И счастіемъ навѣкъ минувшихъ дней.

Они прошли—волшебныя мгновенья.
Ихъ не вернуть: такъ было суждено...
Но нѣтъ душѣ желаннаго забвенья
И не придетъ оно!

У моря.

1.

Пеленою темносинею,
Безконечною пустынею
Море стелется вдали,
Кое-гдѣ, какъ чайки бѣлыя,
Перелетныя и смѣлыя,
Чуть бѣлѣютъ корабли...

Величавое, безбрежное,
Въ бури грозное—мятежное
И спокойное въ тиши—
Море—это отраженіе
Ощущеній и волненія
Человѣческой души...

Море съ вѣчными приливами,
Ураганами, отливами,
Съ прихотливою красой,
То чарующее ласками,
Заколдованными сказками,
То грозящее бѣдой—

Я люблю его въ ласкающемъ
Блѣдно-алымъ и мерцающемъ
Свѣтѣ утреннихъ лучей,
Я люблю его и сонное,
Луннымъ свѣтомъ озаренное
Въ мягкомъ сумракѣ ночей...

Но когда валы сердитые
Бьются, пѣною покрытые,
У подножія камней,
И какъ свѣточи огнистые,
Блещутъ молніи змѣистыя—
Я люблю его сильнѣй!

2.

Въ безсонныя ночи
Стараясь заснуть,
Усталыя очи
Пытаясь сомкнуть,
Я слышу, какъ море
Шумитъ и реветъ
И пѣсню о горѣ
Тяжеломъ поетъ...

Въ ней: звуки моленій,
Безумный порывъ,
И голосъ сомнѣній
И смѣлый призывъ...
И рокотъ сердитый
И тихій отвѣтъ
И жизни разбитой
Прощальный привѣтъ.

Воскресло былое,
Какъ смутные сны,
Подъ говоръ прибоя
И ропотъ волны.
И грозное море
Шумя подъ окномъ,
Все плачетъ о горѣ,
О горѣ быломъ...

Въ неволѣ.

Подобно узнику, печально въ тѣсной клѣткѣ
Томится пойманный въ неволю соловей,
Тотъ самый соловей, что пѣлъ въ саду, на вѣткѣ,
Весною, въ сумракѣ чарующемъ аллей.

О, какъ онъ пѣлъ тогда въ ночи благоуханной,
Когда лежитъ кругомъ жемчужная роса!
И пѣснь его лилась, пока зарей румяной
Не загорались ночныя небеса.

Онъ пѣлъ о счастіи, о юности, о волѣ,
Пѣснь торжествующей и радостной любви,—
Теперь же онъ замолкъ, его не слышно болѣ
И пѣсни навсегда онъ позабылъ свои.

Отчаянье его все неотступнѣй гложетъ
И съ каждымъ днемъ сильнѣй томится соловей;
Въ тюрьмѣ онъ не поетъ, въ тюрьмѣ онъ нѣтъ не можетъ —
Свободный даръ пѣвца не созданъ для цѣпей.

Фантазія.

(На мотивъ С. Прюдома).

Словно свѣтомъ зари побѣжденная тьма,
Непосильной разбита борьбою—
Въ яркихъ солнца лучахъ умирала зима,
Побѣжденная юной весною.

И въ лазури небесъ и въ морской синевѣ
Ей насмѣшка мерещилась злая,
И казалося ей, что въ своемъ торжествѣ
Говоритъ ей весна молодая:

—Уходи, уходи... Я съ собою несу
Новыхъ силъ пробужденье и трепетъ...
Слышишь клики и шумъ на поляхъ и въ лѣсу,
Этотъ гомонъ, журчанье и лепетъ?

Я сломила твой гнетъ. Уходи, уходи...
Вмѣстѣ съ жаждой жизни весенней,
Станетъ легче дышать наболѣвшей груди
Посреди аромата сиреней.

И со вздохомъ въ отвѣтъ прошептала зима:
— Для счастливыхъ—твое ликованье!
Для иныхъ же милѣе мой холодъ и тьма,
Чѣмъ весенняго солнца сіянье.

Подъ унылый напѣвъ разыгравшихся вьюгъ,
Подъ немолчную жалобу моря—
Легче бремя тоски, одиночества мукъ,
Легче гнетъ безъисходнаго горя.

Но едва небеса заблестятъ синевой,
Какъ душа, порываясь куда то,
Затоскуетъ сильнѣй неотвязной тоской,
Жаждой свѣта и солнца объята.

Станетъ снова манить эта синяя даль,
Увлекая несбыточной грезой
И невольно въ душѣ обновится печаль
Вмѣстѣ съ первой разцвѣтшею розой.

Ты счастливымъ несешь новыхъ силъ полноту,
Новой жизни несешь упоенье;
Я же—тѣмъ, кто извѣдалъ ея пустоту,
Кто давно схоронилъ за мечтою мечту—
Холодъ смерти, покой и забвенье.

* * *

Все отцвѣтетъ и все кругомъ увянетъ,
Глухая ночь идетъ на смѣну дню,
Но пусть меня грядущее обманетъ —
Былому я во вѣкъ не измѣню.

Оно ушло—быть можетъ слишкомъ скоро,
Ушло какъ все, чѣмъ жизнь была красна,
Но все же я не шлю ему укора,
Въ моей душѣ царитъ печаль одна.

Тамъ иногда, благоуханнымъ лѣтомъ,
Во мглѣ ночей мы видимъ темный лѣсъ,
Какъ серебромъ, залитый луннымъ свѣтомъ,
Струящимся съ безоблачныхъ небесъ.

И блещетъ онъ, въ серебряномъ уборѣ
Красуяся, но вотъ проходитъ мигъ—
И лунный свѣтъ, дробясь въ далекомъ морѣ,
Къ волнамъ его ласкаяся приникъ.

Игрой лучей небрежно прихотливой
Прибрежныхъ волнъ теперь коснулся онъ,
А темный лѣсъ по прежнему тоскливо
Стоитъ, во мглу и сумракъ погруженъ.

* * *

Осенній ясный день. Не шелохнутся клены
И стебли тонкіе желтѣющей травы
И солнце золотитъ причудливые тоны
Полуувянувшей пурпуровой листвы.

Поблекнувшей листвѣ какъ будто придавая
На мигъ красу и цвѣтъ—оно горитъ на ней,
Но вотъ угаснетъ день, и землю усыпая
Собою, желтый листъ посыплется съ вѣтвей.

Такъ иногда и ты, позабывая горе,
Вдругъ оживляешься: румянецъ на щекахъ,
Въ рѣчахъ— знакомый пылъ и вновь огонь во взорѣ
И снова — прежняя улыбка на устахъ.

Но это — лишь на мигъ. О томъ, что позабыто
Ты вспомнишь,—и въ очахъ померкнетъ снова свѣтъ.
Въ душѣ, тяжелыми невзгодами разбитой
Нѣтъ жизни, какъ ея въ листѣ поблекшемъ нѣтъ.

Падучая звѣзда.

Въ вечернемъ сумракѣ порой слѣжу я взоромъ
За промелькнувшею падучею звѣздой,
Скатившейся съ небесъ блестящимъ метеоромъ
И съ ней тебѣ привѣтъ я посылаю свой.

Минута счастія мелькнула слишкомъ скоро —
Скорѣе, чѣмъ съ небесъ скатилася звѣзда,
Но нѣтъ въ душѣ моей ни злобы, ни укора,
Я все еще люблю, какъ прежде, какъ тогда.

И я прощаю все: всю горечь оскорбленья,
Мнѣ кинутаго такъ безжалостно и зло —
За ласку прежнюю, за прежнія мгновенья,
Когда то мнѣ изъ тьмы сіявшія свѣтло.

Не такъ-ли въ небесахъ: проливъ кругомъ сіянье,
Падучая звѣзда мгновенно промелькнетъ,
Но долго, при одномъ о ней воспоминаньѣ,
Свѣтлѣе кажется стемнѣвшій небосводъ.

Художникъ.

(Я. П. Полонскому).

По среди забытыхъ ломокъ
Глыба мрамора нашлася,
Это былъ простой обломокъ,
Лишь безформенная масса;

Но художникъ вдохновенный
Изваялъ изъ этой глыбы
Ликъ прекрасный и надменный,
Стана легкаго изгибы.

И плѣненъ ея красою,
Молодой ваятель слышитъ,
Какъ, сіяя бѣлизною,
Грудь волнуется и дышетъ.

Въ эту статую богини
Съ тайной думою во взорѣ
Душу онъ вдохнулъ отнынѣ,—
Но на радость, иль на горе?..

ОТДѢЛЪ IV.

ОТКЛИКИ.

1893—1897 г.

Поэтъ и пѣснь.

Не пой, пѣвецъ, веселья пѣсенъ,
Къ безпечной радости маня;
Твой даръ плѣнительно чудесенъ,
Но для другихъ, не для меня.

Твоихъ порывовъ беззавѣтныхъ
Не въ силахъ сердцемъ я понять,
Въ душѣ моей нѣтъ струнъ отвѣтныхъ,
Могущихъ пѣснѣ въ ладъ звучать.

Не пой, пѣвецъ, и пѣснь печали;
Лишь на разсвѣтѣ нашихъ дней,
Пока страданій мы не знали—
Мы беззаботно внемлемъ ей.

Теперь, тоскѣ безумной вторя,
Какъ ни рыдай твоя струна—
Но эта пѣснь любви и горя
Сильнѣй душѣ моей слышна.

Не пой, пѣвецъ, и пѣсенъ счастья,
Счастливыхъ мало межъ людей;
Во дни душевнаго ненастья
Намъ тяжелы друзей участье
И память прежнихъ свѣтлыхъ дней.

Не пой любовь. Она—суровый
И жертвы жаждущій кумиръ,
Не розъ вѣнки—вѣнецъ терновый
Она несетъ съ собою въ міръ.

Не пой и пѣсенъ примиренья,
И не ряди въ цвѣты обманъ,

Зови на подвигъ возрожденья
Вслѣдъ за собою насъ, баянъ.

И вновь развертывая крылья,
Свои оковы сокруша,
Пускай стряхнетъ позоръ безсилья
Освобожденная душа.

Не тѣша праздною игрою,
На лучшій путь насъ призови,—
Иль лучше самъ, своей рукою
На лирѣ струны оборви.

* * *

Если снѣжныя вершины
Озаритъ весенній лучъ—
Разорвавъ снѣговъ плотины,
Хлынутъ съ силою въ долины
Воды съ кручъ.

Если думы и волненья
Въ сердцѣ зрѣютъ, какъ зерно—
Имъ излиться въ пѣснопѣнья
Суждено.

Если плѣнъ снося суровый,
На цѣпи орелъ живетъ—
Онъ когда нибудь оковы
Разорветъ.

И когда нигдѣ просвѣта
Не видать, и мракъ глубокъ—

Можетъ быть пророчитъ это,
Что желанный мигъ разсвѣта
Недалекъ.

* * *

Тучки воздушно-туманныя
Тихо клубятся во тьмѣ;
Думы тревожныя, странныя,
Смутно проходятъ въ умѣ.

Вновь-ли воскресло забытое?
Жду-ли чего впереди?
Жало тоски ядовитое
Чувствую снова въ груди?

Близкаго-ль горя угрозою
Чуткое сердце полно?
Вновь-ли несбыточной грезою
Втайнѣ забилось оно?

Кто эти сны безотчетные,
Эти видѣнья пойметъ?
Схожи они, мимолетные,
Съ зыбью на зеркалѣ водъ!

* * *

Достойные жрецы великаго кумира
Вступая въ храмъ его—всѣ чувства, въ ихъ груди
Когда то жившія, и всѣ тревоги міра—
Все оставляютъ позади.

Ихъ духъ неугасимъ; могучей вѣры пламень
Сіяетъ въ ихъ сердцахъ, какъ свѣтлая заря;
Ихъ воля твердая незыблема, какъ камень,
Положенный въ основу алтаря.

Они—избранники. Но есть жрецы иные:
Тѣ въ лучезарный храмъ съ собою принесли
Воспоминанія и горести земныя
И слезы жгучія земли.

Порой въ сіяющемъ и величавомъ храмѣ,
Они, простертые предъ ликомъ божества,
Въ волненіи твердятъ дрожащими устами
Соблазна полныя слова.

Безсильно на пути суровомъ совершенства
Въ сомнѣньяхъ и тоскѣ мятется духъ больной,
И безмятежнаго чуждаются блаженства
Сердца ихъ, полныя любовію земной.

Пловецъ.

Душой тревожною, какъ море,
Стремился онъ къ волненью бурь;
Ему наскучили лазурь
И дня безоблачнаго зори.

Его сильнѣй къ себѣ влекли
Порывы бурь, сѣдые шквалы,
И грознымъ призракомъ вдали
Чернѣвшія въ туманѣ скалы.

И чѣмъ бывалъ сильнѣе громъ,
Чѣмъ ярче—молніи зигзаги—

Тѣмъ больше силы и отваги
Онъ въ сердцѣ чувствовалъ своемъ.

Но дни текли и въ ежечасной
Борьбѣ онъ духомъ изнемогъ,
И въ гавань утлый свой челнокъ
Ввести старается напрасно.

Волна шумитъ, волна ревѣтъ,
Сверкая пѣною сѣдою,
И неминучею бѣдою
Ему грозитъ водоворотъ.

Напрасно ждетъ себѣ спасенья
Волной кидаемый пловецъ:
Не для него успокоенье,
Онъ жаждалъ вѣчныхъ бурь волненья
И въ бурѣ встрѣтитъ онъ конецъ.

Водоворотъ.

Кругомъ шумитъ людской потокъ;
Въ водоворотѣ волнъ
Съ собой побѣдно онъ увлекъ
И закружилъ мой челнъ.

И слышу я безумный гулъ
Несется мнѣ во слѣдъ,
Веселья бѣшеный разгулъ,
Кликъ злобы и побѣдъ.

И вижу пестрый я базаръ
Житейской суеты
И въ торжествѣ постыдныхъ чаръ—
Крушеніе мечты.

Кругомъ шумитъ водоворотъ
И опьяняетъ онъ,
Я слышу плескъ и ропотъ водъ
Какъ будто-бы сквозь сонъ...

И весла выпустивъ свои,
Все дальше я плыву,
Не сознавая въ забытьи—
Во снѣ иль наяву?

Меня теченіе несетъ
Куда? Къ какой странѣ?
И я безъ силъ плыву впередъ,
Отдавшися волнѣ...

Орелъ.

1.

Ты рвешься въ родимыя степи,
Просторъ и свободу любя,
Но ты забываешь, что цѣпи
Къ землѣ приковали тебя.

Вѣрнѣе желѣза и стали
Незримыя цѣпи заботъ
Собою побѣдно сковали
Твой мощный орлиный полетъ.

Порою о нихъ забывая,
Ты снова паришь высоко,
Но цѣпь тяжела роковая
И съ нею летать не легко.

И тщетно могучія силы
Въ борьбѣ недостойной губя,
Ты видишь во мракѣ могилы
Желанный исходъ для себя.

2.

Цвѣтокъ, распустившійся пышно
Подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей—
Жестокіе рои червей
Въ ночи подточили неслышно.

Могучій утесъ—великанъ
Царилъ надъ пучиной морскою,
Онъ грудью встрѣчалъ ураганъ,—
И рухнулъ, подточенъ волною.

Неслышно змѣя подползала,
И выпустивъ острое жало,
Ужалила въ сердце орла
И снова во мракѣ пропала.

Среди наступающей мглы
Онъ гибнетъ, и меркнущимъ окомъ
Слѣдитъ онъ, какъ въ небѣ высокомъ
Свободно кружатся орлы.

Кумиръ.

Не расточай безумно и напрасно
Любви своей сокровищъ передъ тѣмъ,
Кто съ высоты надменно, безучастно
Глядитъ на міръ, загадоченъ и нѣмъ.

Такъ, посреди сіяющаго храма,
Земныхъ страстей не зная и тревогъ,
Царитъ въ волнахъ прозрачныхъ фиміама
Таинственный и лучезарный богъ.

Пускай жрецы поютъ ему хваленья,
Пускай во прахѣ смертные лежатъ —
Ни ихъ мольбы, ни жертвоприношенья
Собой холодный мраморъ не смягчатъ.

На ихъ порывъ молитвенный и страстный,
На ихъ слѣпой благоговѣйный страхъ,
Взираетъ онъ, божественно безстрастный,
Съ улыбкою на мраморныхъ устахъ.

* * *

Когда посѣяно зерно
Добра, и правды, и свободы —
Придетъ пора: и дастъ оно
Благіе всходы.

Когда отъ дольней суеты
Стремится духъ въ обитель свѣта -
Влечетъ къ святынѣ красоты
Мечту поэта.

Когда сильнѣй порывы бурь,
Когда кругомъ бушуетъ вьюга —
Намъ грезятся: небесъ лазурь
И зелень луга.

Когда упасть готовы мы,
Какъ срѣзанный на нивѣ колосъ—
Намъ часто слышится изъ тьмы
Призывный голосъ.

И вновь—герои, не рабы —
Мы подымаемся изъ праха,
Для жизни новой, для борьбы,
Не зная страха.

Пусть говорятъ: пророковъ нѣтъ
И къ пониманью сердце глухо—
Надъ міромъ злобы и суетъ
Есть царство духа!

Есть царство свѣта и добра;
Надъ ложью призрачной и блѣдной
Оно блеснетъ—придетъ пора —
Зарей побѣдной!

ПЕРЕВОДЫ

ИЗЪ

ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ

Изъ Теннисона.

Замокъ Локсли.

(Locksley-Hall).

1

Здѣсь остаться на минуту я-бъ одинъ желалъ.
Если надо—звукомъ рога дайте мнѣ сигналъ.
Предо мною—замокъ Локсли и, какъ въ тѣ года,
Надъ его карнизомъ птицы кружатся всегда,—
Замокъ Локсли, чья громада высится стѣной
Надъ песками и надъ темной гладью водяной.
Сколько разъ съ того балкона въ тишинѣ ночей
Я съ созвѣздья Оріона не сводилъ очей.
Здѣсь же, съ юношей гуляя у прибрежныхъ скалъ,
Увлеченіе наукой въ немъ я пробуждалъ;
Мнѣ казались золотыми прошлые вѣка,
Въ настоящемъ я страданій не знавалъ пока,
И въ грядущее стараясь взоромъ проникать,
Видѣлъ я любовь и братство, миръ и благодать.

Лишь весною такъ румяна первая заря,
Лишь весной такъ ярокъ пурпуръ перьевъ снигиря,
Лишь весной поютъ въ дубравахъ горные ручьи
И весной мечтаетъ юность чаще о любви..
Щеки Эмми были блѣдны,-словно у больной,

И глаза ея слѣдили цѣлый день за мной.
Я сказалъ: кузина Эмми, всей душой любя,
Я хочу такую-жъ правду слышать отъ тебя.
Краска тихо разлилася на ея щекахъ,
Какъ сіяніе разсвѣта алого въ горахъ.
Эмми быстро отвернулась, тяжело дыша,
Но въ глазахъ ея сіяла вся ея душа,
И она шепнула плача:—Я любима, да?
Я сама тебя любила эти всѣ года.—

И любовь остановила времени полетъ,
И, казалось, въ снѣ волшебномъ наша жизнь идетъ.
Часто утромъ мы внимали ропоту волны,
И слова ея дышали прелестью весны.
Часто вечеромъ, гуляя между скалъ вдвоемъ,
Уносились мы мечтами вслѣдъ за кораблемъ.
Мы внимали пѣнью птицы, шороху куста,
И сливались воедино души и уста.

О, моя голубка Эмми—больше не моя!
О, обманчивыя волны,—вамъ ввѣрялся я!
Болѣй лживая, чѣмъ тѣни призрачныя грезъ,
Испугавшаяся крика и пустыхъ угрозъ;
Нерѣшительна душою, волею слаба,
Ты въ рукахъ отца—игрушка, мачихи—раба,
Ты не стоишь пожеланій счастья отъ меня,
Лучшимъ чувствамъ и стремленьямъ низко измѣня!
Да, ты будешь опускаться ниже съ каждымъ днемъ,
И сольешься съ тою грязью, что таится въ немъ:
Ты ничтожество въ супруги избрала себѣ,
И опошлишься въ постыдной, мелочной борьбѣ!
Ужъ таковъ законъ природы: съ пошлякомъ сроднясь,
Вмѣстѣ съ нимъ ты неизбѣжно окунешься въ грязь.
А когда онъ охладѣетъ, въ мнѣніи своемъ
Онъ тебя поставитъ рядомъ со своимъ конемъ

И съ охотничьей собакой... Ты, его жена,
Погляди, вотъ задремалъ онъ, красный отъ вина,
Подойди къ нему съ улыбкой, поцѣлуй его:
Это входитъ въ исполненье долга́ твоего...
Мозгъ милорда тяжелѣетъ, и должны развлечь
Сплинъ его твоя улыбка, ласковая рѣчь.
Онъ отвѣтитъ... Смыслъ отвѣта—тотъ же, что всегда...
О, зачѣмъ, зачѣмъ тебя я не убилъ тогда!
Лучше-бъ мы, заснувъ на вѣки безпробуднымъ сномъ,
Лучше-бъ мы съ тобой лежали тамъ, на днѣ морскомъ!

О, проклятье предразсудкамъ, чей тяжелый гнетъ
Ни любить, ни мыслить смѣло людямъ не даетъ!
О, проклятіе обману, пеленой своей
Закрывающему правду отъ людскихъ очей!
О, проклятье лживымъ формамъ! Ими искаженъ
Общей матери-природы истинный законъ.
И проклятіе двойное золотымъ мѣшкамъ,
Придающимъ блескъ фальшивый даже мѣднымъ лбамъ.

Я любилъ тебя, какъ мало въ мірѣ кто любилъ,
И ужели для забвенья не хватаетъ силъ?
Нѣтъ, я вырву это чувство, еслибъ за одно
Вырвать собственное сердце было суждено!

Я могу ли въ утѣшенье вспоминать о ней,
О подругѣ, мной любимой на разсвѣтѣ дней?
Да, о той, въ комъ все казалось ясно и свѣтло,
И къ кому неудержимо все меня влекло?
Та, которую любилъ я,—для меня мертва,
А любовь ея и клятвы—лишь одни слова!
Утѣшенье?.. Но страданье,—говоритъ поэтъ,—
Лишь одно воспоминанье счастья прежнихъ лѣтъ.
Ты борися также съ ними, отгоняй ихъ прочь:
Но подъ шумъ дождя и вѣтра, въ сумрачную ночь,

Ты увидишь ихъ при свѣтѣ блѣдномъ ночника...
Предъ тобою роковая явится рука
И тебѣ укажетъ ложе, гдѣ тяжелымъ сномъ
Засыпаетъ твой избранникъ, усыпленъ виномъ,
И укажетъ эти слезы, что въ тиши ночей
Одинокихъ, часто льются изъ твоихъ очей...
Ты услышишь звуки пѣсень, пѣвшихся тогда,
Ты услышишь, замирая, слово: никогда!
Предъ тобой опять воскреснутъ золотые дни...
О, зажмурь плотнѣе вѣки! Позабудь... Засни!

Но тебѣ пошлетъ природа утѣшенья мигъ:
Всѣ сомнѣнья заглушаетъ первый дѣтскій крикъ.
Я соперника въ ребенкѣ вижу своего,
И меня ты позабудешь скоро для него.
На отца любви избытокъ ты перенесешь...
Ну, а сынъ? На васъ обоихъ будетъ онъ похожъ!
Я могу себѣ представить, какъ, на склонѣ дней,
Ты мораль читаешь строго дочери своей:
— Увлеченія опасны... На себѣ она
Испытала это прежде... Женщина должна
Покоряться...—О, погибни въ пустотѣ своей,
Въ этой пошлости ходячей будничныхъ идей!
Ты смирилась, покоряся радостно судьбѣ,
Ну, а я найду спасенье въ дѣлѣ и борьбѣ.

Но куда мнѣ постучаться? Гдѣ работа? Въ чемъ?
Нынче двери отворяютъ золотымъ ключемъ,
И просители толпою осаждаютъ ихъ.
Чтоже дѣлать мнѣ съ запасомъ юныхъ силъ моихъ?
Я въ кровавое сраженье шелъ-бы какъ на пиръ,
Но повсюду надъ враждою торжествуетъ миръ.

. . . .

Отдохну пока душою въ думахъ о быломъ,
На меня оно повѣетъ свѣтомъ и тепломъ,

Я почую тотъ же трепетъ, тѣхъ же силъ приливъ,
Тѣхъ же свѣтлыхъ упованій молодой порывъ.
Я опять стремиться буду радостно впередъ,
Словно мальчикъ, что впервые въ дальній путь идетъ,
И, застигнутъ темнотою, видитъ все яснѣй
Въ отдаленьѣ свѣтъ манящій городскихъ огней.
Утомленье забывая, къ этимъ огонькамъ
Онъ стремится, и душою—онъ давно ужъ тамъ.

Люди—труженики! Братья! Честные бойцы!
Геніальнѣйшихъ открытій смѣлые творцы!
Много сдѣлать и доселѣ удалося вамъ,
Но въ грядущемъ я не вижу счета чудесамъ.
Я въ мечтаніяхъ отрадныхъ вижу небеса,
Гдѣ волшебныхъ галіоновъ вѣютъ паруса,
И высоко надъ равниной плоскою земли,
Межъ собой сцѣпясь отважно—бьются корабли.
Въ громѣ бури слышенъ ясно и сраженья громъ,
И на землю капли крови падаютъ дождемъ...
Но стихаетъ гулъ орудій съ шелестомъ знаменъ.
Ихъ смѣняетъ миръ всеобщій и союзъ племенъ.
Миръ настанетъ вѣковѣчный: войны прежнихъ дней
Позабудутся и станутъ сказкой для дѣтей.

Такъ мечталось мнѣ, покуда ненависти ядъ
Не проникъ мнѣ прямо въ сердце, затемняя взглядъ.
Отживающимъ, подгнившимъ кажется порой
Мнѣ общественнаго зданья прихотливый строй.
Я извѣрился и въ знаньѣ: двигаясь впередъ,
Черепахою наука медленно ползетъ...
Но я вѣрю: не безцѣльно шелъ за вѣкомъ вѣкъ,
Съ ихъ теченьемъ развивался духомъ человѣкъ.
Если онъ не пожинаетъ плодъ своихъ трудовъ—
Эта жатва остается для его сыновъ.
Знанье движется, но мудрость медлитъ на пути.
Пусть погибнутъ единицы—лишь бы міръ спасти!

Чу! Я слышу, затрубили въ рогъ мои друзья,
Имъ казалася постыдной эта страсть моя,
Я и самъ ея стыжуся... Да, во мнѣ должна
Навсегда теперь умолкнуть прежняя струна...
О, я вижу, что до селѣ въ сердцѣ сохранилъ
Всѣ стремленія былого и надежды пылъ...,
И теперь же съ замкомъ Локсли я прощусь на вѣкъ,
Я, грозою не сраженный, гибели избѣгъ.
Вотъ, я вижу, надъ болотомъ поднялся туманъ,
Скоро, скоро разразится грозный ураганъ...
Если онъ на замокъ Локсли молніей падетъ—
Я и тутъ не обернуся: я иду впередъ!

1893 г.

Поэтъ.

Поэтъ въ странѣ иной и подъ звѣздой великой
Былъ нѣкогда рожденъ,
Любовію къ любви и злобой къ злобѣ дикой
Богато одаренъ.

И все: добро со зломъ и жизнь со смертью—разомъ
Поэта взоръ проникъ,
И тайну бытія его могучій разумъ
Провидѣлъ и постигъ.

Сроднясь со славою, безтрепетный и смѣлый,
Онъ шелъ ея путемъ,
И были думъ его высокихъ стрѣлы
Окрылены огнемъ.

Какъ молнія, онѣ промчались надъ вселенной,
И ихъ полетъ
Всѣ страны озарилъ зарею вдохновенной,
Блеснувъ съ высотъ.

Какъ сѣмена цвѣтка, онѣ на землю пали
И корни тамъ пустивъ,
Роскошный цвѣтъ они собою дали
На почвѣ нивъ.

И всходы поднялись, и съ силою могучей
Взошли вездѣ, и не одну
Питали молодость съ надеждою кипучей
Въ ихъ первую весну.

И пламя истины, котораго сіянье
Зажегъ одинъ могучій умъ—
Передалось другимъ, будя въ нихъ начинанья
Высокихъ думъ.

И скоро истины священными лучами
Объятъ былъ свѣтъ,
Борясь съ нависшими густыми облаками,
Блеснулъ разсвѣтъ.

Въ его сіяніи явилася *свобода*
И отъ огня очей ея навѣкъ
Всѣ формы старыя предъ взорами народа
Растаяли, какъ снѣгъ.

Но дѣвственной ея одежды не пятнала
Собою кровь,
Вокругъ чела ея, какъ ореолъ блистала
Лишь надпись: *мудрость* и *любовь*.

Изъ устъ ея лилась не проповѣдь насилья,
Собой тревожа міръ:
Надъ нею вѣяли, какъ херувимовъ крылья—
Поэзія и миръ.

Она въ рукахъ своихъ, могучихъ и суровыхъ,
Держала свѣточъ, а не мечъ,
И потрясла весь міръ въ его основахъ—
Поэта рѣчь!

1893 г.

* * *

Когда засну подъ сѣнью гробовою
Съ печатью смерти на устахъ —
Не приходи кропить своей слезою
Холодный прахъ.

Спасти меня ты не имѣла силы,
Когда вся жизнь лежала впереди,
И слезы лить въ тѣни моей могилы
Не приходи.

Ошибкою все было, иль виною,
Твоей виной—мнѣ все равно:
Но отдыха я жажду всей душою
И жду давно.

Свободной будь, свободной и любимой;
Укоровъ ты не жди.
Но гдѣ моя могила будетъ —мимо
Не проходи!

1893 г.

* * *

Разбиваясь волной у камней,
Спой знакомую пѣсню, о море!
Если-бъ такъ же я въ пѣснѣ моей
Могъ излить накипѣвшее горе!

Какъ рѣзвится ребенокъ бѣднякъ,
Вдоль утеса бѣгущій съ сестренкой,
Какъ доволенъ судьбою рыбакъ,
Въ челнокѣ распѣвающій звонко!

Издалека плывутъ корабли,
Въ ожиданіи радостой встрѣчи;
Еслибъ встрѣтить привѣтомъ могли
И меня—чьи то милыя рѣчи!

Разбиваясь у темныхъ камней,
Пой знакомую пѣсню, о море,
О блаженствѣ утраченныхъ дней,
Превратившемся въ жгучее горе.

1893 г.

Прощаніе.

Неси, ручей, серебряныя волны
Свои морямъ! Увы, пройдутъ года,
Но не ступлю на берегъ твой безмолвный
Я никогда.

Бѣги, ручей, разлившійся рѣкою
Вдоль луговинъ, гдѣ разбрелись стада;
Прощаюся съ завѣтною тропою
Я навсегда.

Попрежнему дрожащія осины
Здѣсь зашумятъ въ грядущіе года,
И будетъ пѣть веселый рой пчелиный
Тебѣ всегда.

И много разъ забрежжитъ надъ тобою
Сіянье зорь въ грядущіе года,
Но ухожу отъ мѣстъ, любимыхъ мною—
Я навсегда.

1893 г.

* * *

Чѣмъ сильнѣй бушуютъ грозы—
Тѣмъ вечерній ярче свѣтъ;
Если тьма полна угрозы,—
Будетъ радостенъ разсвѣтъ.

Всѣхъ впередъ грядущихъ съ вѣрой—
Всѣхъ любовь благословитъ;
И воздастся полной мѣрой
Тѣмъ, кто въ битвѣ устоитъ.

Слово чуждое сомнѣнья
Намъ-залогъ поры иной,
И въ минуту пробужденья
Пробудимся мы душой!

1892 г.

Владѣлица Шэллота.

(The Lady of Shallot).

I.

Вдоль изумрудныхъ береговъ
Дорога шла среди луговъ,
Покрытыхъ массой васильковъ,
Къ твердынямъ Камелота.
Идя дорогой, каждый могъ
Цвѣтущій видѣть островокъ,
Кому народъ въ странѣ нарекъ
Названіе Шэллота.

* * *

И вѣтра легкаго порывъ,
Собою рѣку замутивъ,
Проносится межъ темныхъ ивъ
Къ твердынямъ Камелота.
На берегу прозрачныхъ водъ
Чернѣетъ замка темный сводъ,
Гдѣ въ тишинѣ одна живетъ
Владѣлица Шэллота.

* * *

Мелькаютъ быстрыя суда,
Бѣла, какъ лебедь, и горда,
Плыветъ и лодка иногда
Къ твердынямъ Камелота;
Но кто изъ жителей извнѣ
Хоть разъ видалъ ее въ окнѣ
И кто знавалъ во всей странѣ
Владѣлицу Шэллота?

* * *

Жнецы, за жатвою трудясь,
Одни слыхали въ ранній часъ
Порою пѣсню, что неслась
Къ твердынямъ Камелота;
И въ часъ, когда надъ гладью водъ
Луна блестящая взойдетъ—
Они шептали:—то поетъ
Волшебница Шэллота.

II.

А тамъ, на пряжѣ съ давнихъ поръ
Она волшебный ткетъ узоръ,
И ей суровый приговоръ

Не дозволяетъ бросить взоръ
По направленью Камелота;
И такъ, въ теченьи долгихъ дней,
Сидитъ за пряжею своей
Владѣлица Шэллота.

* * *

Предъ нею въ зеркалѣ съ рѣзьбой
Проходятъ тѣни чередой:
Тамъ отраженъ и путь крутой,
Ведущій къ Камелоту.
Тамъ отраженъ небесный сводъ
И на рѣкѣ—водоворотъ,
И группа женщинъ, что идетъ
Изъ города къ Шэллоту.

* * *

Видать какъ вслѣдъ за пастухомъ
Викарій слѣдуетъ верхомъ,
Иль пажъ въ костюмѣ дорогомъ,
Спѣша къ твердынямъ Камелота.
Въ своихъ доспѣхахъ боевыхъ
Не мало рыцарей лихихъ
Мелькаетъ тамъ,—но не для нихъ—
Владѣлица Шэллота.

* * *

Порой въ безмолвіи ночей,
При яркомъ пламени свѣчей,
Являлись дроги передъ ней,
Спѣша къ твердынямъ Камелота.
И разъ свиданье при лунѣ
Пришлось ей видѣть въ тишинѣ.
— Наскучили видѣнья мнѣ!—
Промолвила, какъ въ полуснѣ,
Владѣлица Шэллота.

III.

Въ вооруженьѣ и бронѣ,
Онъ ѣхалъ гордо на конѣ,
Горѣли латы, какъ въ огнѣ
И мечъ сэръ-Ланселота.
И, какъ полночная звѣзда,
Блистали сбруя и узда
Игрою яхонтовъ, когда
Онъ проѣзжалъ вблизи Шэллота,

* * *

Подъ яркимъ солнечнымъ лучомъ:
И шлемъ блистающій съ перомъ,
И мѣдный щитъ его съ сѣдломъ—
Слились въ сіяньѣ огневомъ.
Передъ далекимъ Камелотомъ
Онъ былъ похожъ на метеоръ,
Что, поразивъ собою взоръ,
Пронесся надъ Шэллотомъ.

* * *

Его прекрасное чело
Глядѣло гордо и свѣтло,
Чернѣй, чѣмъ ворона крыло
Вилися кудри. Все влекло
Сердца къ сэръ-Ланселоту.
Такимъ—предъ нею отраженъ—
Поднявшись на высокій склонъ,
Въ уборѣ ратномъ ѣхалъ онъ,
Стремяся къ Камелоту.

* * *

Оставивъ пряжу у окна,
Сама, какъ лилія, блѣдна,
Привстала медленно она—
Взглянуть на башни Камелота.

Порвалась ткань... Само собой
Разбилось зеркало съ рѣзьбой...
— Судьба свершилась надо мной!—
Промолвила себѣ съ тоской
Владѣлица Шэллота.

IV.

Въ осенній день, когда рѣка
Шумитъ—мутна и глубока,
И вѣтеръ гонитъ облака
По направленью Камелота;
Она сошла въ вечерней тьмѣ
Въ челнокъ, гдѣ были на кормѣ
Слова: *„Владѣлица Шэллота"*.

* * *

Ея глубокій, грустный взоръ,
Таившій горестный укоръ,
Направленъ былъ въ нѣмой просторъ,
Къ высокимъ башнямъ Камелота.
Кончался день. На дно челна
Въ безмолвіи легла она,
И увлекла ее волна
Отъ острова Шэллота.

* * *

Въ одеждѣ бѣлой и простой,
Сіяя странной красотой,
Она неслась во тьмѣ ночной
Къ высокимъ башнямъ Камелота.
Лилась во мракѣ пѣснь ея,
И ей, дыханье затая,
Внимали небо и земля,
Внимали рощи и поля
Владѣлицѣ Шэллота.

* * *

Звучала пѣснь, какъ слабый стонъ,
Какъ похоронный тихій звонъ,
И взоръ печальный обращенъ
Былъ къ башнямъ Камелота.
Туда волна ее несла,
На очи ей одѣла мгла
И съ этой пѣсnью умерла
Владѣлица Шэллота.

* * *

И, снѣга вешняго бѣлѣй,
Она неслася все быстрѣй,
Вдоль темныхъ стѣнъ и галлерей,
И башенъ Камелота;
На встрѣчу ей толпою шли:
Простой ремесленникъ въ пыли,
Купцы и сильные земли,
И на кормѣ они прочли:
„Владѣлица Шэллота".

* * *

Въ недоумѣньѣ безъ конца
Стояли всѣ, а изъ дворца
Къ нимъ доносилась пѣснь пѣвца,
И сжалось сердце Ланселота;
И вздохъ невольный заглуша,
Онъ молвилъ:—чудно хороша!
Да успокоится душа
Владѣлицы Шэллота!—

1892 г.

Маріана

I.

Въ старомъ домѣ.

Передъ куртиною цвѣточной
Травой дорожки заросли;
Гдѣ золотился персикъ сочный—
Подставки брошены въ пыли.
Кругомъ—обрушились строенья,
Сарай—со сломаннымъ замкомъ.
Давно картину разрушенья
Собой являетъ старый домъ.
Она вздыхаетъ:—День унылый!
Онъ не идетъ!—она твердитъ,
—Терпѣть и ждать нѣтъ больше силы..
Устала я, и тѣнь могилы
Отдохновенье мнѣ сулитъ!—

* * *

Съ вечерней свѣтлою росою
Слеза катится за слезою
Изъ глазъ ея, и слезы льетъ,
Встрѣчая утренній восходъ,
Она опять. Къ теплу и блеску
Ей не поднять своихъ очей,
И лишь отдернувъ занавѣску
Въ глубокомъ сумракѣ ночей,
Она вздыхаетъ:—Ночь уныла!
— Онъ не идетъ!—она твердитъ.
—Устала я, и лишь могила
Отдохновенье мнѣ сулитъ!—

* * *

Порой, въ безмолвіи полночи
Крикъ филина ее пугалъ,
Пѣтухъ, передъ уходомъ ночи,
Кричалъ, взлетѣвъ на сѣновалъ.
Но и во снѣ, въ тоскѣ жестокой
Она страдала одиноко,
Пока съ разсвѣтнымъ вѣтеркомъ
Не просыпался старый домъ.
Она вздыхала:—День унылый!
Онъ не придетъ, онъ не придетъ!
Терпѣть и ждать нѣтъ больше силы...
Устала я, во тьмѣ могилы
Меня желанный отдыхъ ждетъ!—

* * *

Стропила старыя на крышѣ
Весь день скрипѣли тяжело,
И за стѣной скреблися мыши
И муха билась о стекло.
Когда скрипѣла половица—
Шаги мерещилися ей,
Знакомыя глядѣли лица
Изъ старыхъ оконъ и дверей.
Она вздыхала:—Жизнь уныла!
Онъ не придетъ, онъ не придетъ!
Устала я, и мнѣ могила
Отдохновенье принесетъ.

* * *

И все: шумъ вѣтра межъ листвою,
И бой часовъ въ вечерней тьмѣ,
И дождь, шумѣвшій за стѣною—
Сливались у нея въ умѣ.

Но для нея ужаснѣй вдвое,
Невыносимѣй —былъ закатъ.
И ей сіянье золотое
Всегда вливало въ душу ядъ.
Она въ отчаяньѣ рыдала:
— Нѣтъ силы долѣе терпѣть!
Онъ не придетъ—я это знала...
О, Боже мой, какъ я устала!
О, Боже, если-бъ умереть!—

II.

На югѣ.

Полдневнымъ зноемъ безпощаднымъ
Все словно выжжено кругомъ,
Обвитъ узоромъ виноградныхъ,
Среди равнины виднѣнъ домъ.
Закрыты ставни молчаливо,
А тамъ вдали, у береговъ,
Синѣетъ ярко гладь пролива
На желтомъ бархатѣ песковъ.
— Мадонна! Я томлюсь жестоко!—
Она взываетъ.—Все стерпѣть...
Забытой жить и одинокой,
И одинокой умереть!—

* * *

Съ лица прозрачною рукою
Откинувъ пряди темныхъ косъ,
Она глядитъ съ нѣмой тоскою;
Въ глазахъ ея не видно слезъ.
Она глядитъ на отраженье
Своей волшебной красоты,
Ея прекрасныя черты

Полны печали и сомнѣнья.
— Вотъ, -тихо молвила она,
— Краса, что онъ цѣнилъ высоко.
И все-жь я день и ночь одна,
И умираю одиноко!—

* * *

Замолкла жаворонка трель;
Объято мертвеннымъ покоемъ,
Затихло все подъ южнымъ зноемъ.
И смолкла дальняя свирѣль.
Она спала, и на чужбинѣ
Родной ей снился уголокъ:
Трава высокая въ долинѣ,
Ручей и свѣжій вѣтерокъ.
Вздыхая тяжко и глубоко,
Она подумала во снѣ:
— Мой духъ томится одиноко,
И не найти забвенья мнѣ.—

* * *

Она спала и сознавала,
Что это сонъ, одинъ лишь сонъ,—
Мечта ее околдовала:
Онъ съ нею былъ, и не былъ онъ.
Она проснулась. Лугъ зеленый
Исчезъ,—и были передъ ней:
Просторъ нѣмой и раскаленный,
И блескъ полуденныхъ лучей.
—Мадонна!—молвила съ глубокой
Она печалью и тоской:
—Спаси отъ жизни одинокой
И умереть не дай одной!—

* * *

Она взяла любви посланье—
Кругомъ исписанный листокъ,

И тамъ стояло:—Кто-бы могъ
Забыть твое очарованье?—
Но тутъ-же чьи-то голоса
Шепнули ей съ насмѣшкой злою:
—Увяла прежняя краса,
И будешь ты всегда одною.
Она шептала:—Все стерпѣты..
О, горечь мукъ любви жестокой!
Забытой жить и одинокой,
И одинокой умереть!—

* * *

Услышавъ вечеромъ цикаду,
Къ окну приблизилась она
И, опершись на балюстраду,
Вдыхала лѣтнюю прохладу.
Кругомъ—прозрачна и ясна,
Лежала мгла весенней ночи.
Блестѣвшія слезами очи
Она на небо возвела:
Казалося, она ждала,
И съ грустью молвила глубокой:
—Настала ночь, но для меня
Не заблеститъ сіянье дня.
И я, въ тоскѣ моей жестокой
Не буду скоро одинокой!—

1889 г.

Двѣ сестры.

(БАЛЛАДА).

Изъ древняго рода мы были съ сестрою,
Она затмѣвала меня красотою.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..

Ее обольстилъ онъ. Несчастной паденье
Внушило мнѣ жажду глубокую мщенья.
Графъ былъ красавецъ собой.

Со смертію душу она загубила
И домъ нашъ старинный позоромъ покрыла.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..
И мыслью съ тѣхъ поръ я жила ежечасно:
Быть графомъ любимой безумно и страстно.
Графъ былъ красавецъ собой.

На пиръ я послала ему приглашенье,
И въ сердцѣ его пробудила влеченье.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..
А ночью на ложѣ заснулъ онъ со мною,
Склоняся къ плечу моему головою;
Графъ былъ красавецъ собой.

И страстно въ безмолвьѣ и сумракѣ ночи
Ему цѣловала уста я и очи.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!
Жестокая злоба мнѣ сердце сдавила,
Но я, ненавидя, безумно любила.
Графъ былъ красавецъ собой.

Въ безмолвіи ночи неслышно я встала,
Я сталь отточила сама у кинжала.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..
И что-то во снѣ прошепталъ онъ невнятно,
А я поразила его троекратно.
Графъ былъ красавецъ собой.

Онъ такъ былъ прекрасенъ! Я кудри съ любовью
Ему расчесала, склонясь къ изголовью.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..
И матери графа—подарокъ желанный—
Я трупъ отослала его бездыханный.
Графъ былъ красавецъ собой.

Идуэрдъ Грэй.

(БАЛЛАДА.)

Эми Морлэндъ, уроженка знакомаго края,
Встрѣтивъ меня на завѣтной тропинкѣ моей,
Молвила тихо, глаза предъ мной опуская:
—Что вы не женитесь, Идуэрдъ Грэй?

Сердце свое потеряли вы здѣсь безъ возврата!—
Весь поблѣднѣвъ, отвѣчалъ я въ волненіи ей:
— Эми Морлэндъ, я любилъ всей душою когда то;
Вновь полюбить—можетъ ли Идуэрдъ Грэй!

Эллэнъ Эдэйръ, не взирая на гнѣвъ и угрозы
Строгихъ родныхъ, отдавала мнѣ сердце свое,
Нынѣ съ зарей проливалъ я обильныя слезы
Тамъ надъ холмомъ, гдѣ они схоронили ее.

Робко она все таила: и радость и горе,
Робость ея показалась холодностью мнѣ.
Боже! Пока уѣзжалъ я въ досадѣ за море—
Эллэнъ Эдэйръ по моей умирала винѣ.

Горькій упрекъ сорвался у меня въ ослѣпленьѣ,
Горче теперь онъ въ душѣ отдается моей.
— Вы заслужили,—сказалъ я,—одно лишь презрѣнье,
Жалкой кокеткой гнушается Идуэрдъ Грэй!—

Палъ я лицомъ межъ высокой зеленой травою,
Камень могильный виднѣлся, безмолвенъ и сѣръ.
Долго я плакалъ, взывая съ безумной тоскою:
—Молви хоть слово, о жизнь моя, Эллэнъ Эдэйръ!—

Снова привставъ, я досталъ карандашъ. Имъ водили
Тихо персты и катилась слеза изъ очей.
„Элленъ Эдейръ,“ написалъ я, „легла въ той могилѣ,
Сердце свое схоронилъ съ нею Идуэрдъ Грэй.“

Пусть же вокругъ разцвѣтаетъ любовь молодая,
Самъ я живу лишь мечтою о радостномъ днѣ,
Днѣ воскресенья, когда изъ загробнаго края
Эллэнъ Эдэйръ возвратится съ любовью ко мнѣ.

Слезы мои долго камень надгробный кропили,
Молча поднявшись, побрелъ я дорогой своей...
Эллэнъ Эдэйръ отдыхаетъ въ зеленой могилѣ,
Сердце свое схоронилъ съ нею Идуэрдъ Грэй.—

1893 г.

Изъ Лонгфелло.

Приговоръ.

(The birds of killingsworth).

ПОЭМА ЛОНГФЕЛЛО

1.

Была пора, когда, гнѣздо свивая,
Поютъ въ лѣсахъ малиновка и дроздъ,
Когда собой дубравы оглашая,
Несется пѣснь весенняя изъ гнѣздъ,
Когда свѣтлѣй бываетъ тьма ночная
И ярче блескъ золотоокихъ звѣздъ,
Когда весна развертываетъ смѣло,
Какъ рядъ знаменъ, листочки розы бѣлой...

Была пора, когда на днѣ долины
Едва блеститъ серебряный ручей,
Иль, съ грохотомъ дробятся межъ камней,
Онъ падаетъ отвѣсно со стремнины;
Когда поетъ съ зарею каватины
Въ тѣни вѣтвей зеленыхъ соловей,
И каркаетъ воронъ голодныхъ стая,
О пропитаньѣ къ небесамъ взывая...

Черезъ проливъ, какъ шумный караванъ,
Неслися птицъ залетныхъ вереницы,
На языкѣ иныхъ, чудесныхъ странъ,
Казалося, болтали эти птицы,
Какъ моряки, которымъ отпускъ данъ,
Бродящіе по улицамъ столицы.
Когда народъ, глазѣющій на нихъ,
Дивятъ ихъ рѣчь и вся повадка ихъ.

Такъ въ Киллингсвортъ явилася весна
Лѣтъ сто назадъ до нынѣшней эпохи,
Вороній крикъ въ такія времена
У фермеровъ способенъ вызвать вздохи,
А птицами кишѣла вся страна,
И, ратуя о хлѣбѣ и горохѣ,
Рѣшило тутъ собранье мудрецовъ
Предать на казнь грабителей пѣвцовъ.

На головы отважныхъ мародеровъ
Давно въ тиши точилися ножи,
И комитетъ, безъ дальнихъ разговоровъ,
Предупредить рѣшился грабежи,
Извѣстенъ всѣмъ лукавый птичій норовъ
И подвиги въ поляхъ овса и ржи...
Не страшенъ имъ рядъ пугалъ въ огородѣ,
Гдѣ хитрецы пируютъ на свободѣ.

Рѣшили такъ: помѣщикъ величавый
Съ надменною осанкой и лицомъ,
А съ нимъ—деканъ всегда и всюду правый,
Среди села слывущій мудрецомъ.
Онъ съиздавна такой покрылся славой,
Что улицѣ, гдѣ былъ декана домъ,
Со гражданами было въ назиданье
По имени его дано названье.

Тутъ былъ пасторъ—испытанный Неврродъ,
Звѣрей и птицъ великій истребитель,
Предъ кѣмъ дрожалъ ихъ беззащитный родъ.
Здѣсь также былъ идеалистъ—учитель,
Поэтъ въ душѣ и юныхъ думъ властитель,
Привившій имъ ученья сладкій плодъ.
Въ досуга часъ, настроивъ робко лиру,
Онъ воспѣвалъ красавицу Эльмиру.

2.

Собраніе открылъ помѣщикъ самъ,
(Онъ избранъ былъ главой единогласно),
Въ молчаніи оратора словамъ
Внимали всѣ кругомъ подобострастно,
И солоно пришлося тутъ пѣвцамъ:
Всѣмъ имъ вина такой казалась ясной,
Что оправдать ничто ихъ не могло;
А если такъ—съ корнями рвите зло!

Когда въ концѣ всѣ высказали мнѣнье,
Учитель всталъ, трепещущій, какъ листъ,
Поколебать рѣшившись обвиненье,
(Недаромъ онъ въ душѣ былъ гуманистъ);
Отъ помысловъ славолюбивыхъ чистъ,
Эльмирою прекрасной, безъ сомнѣнья,
На подвигъ свой незримо вдохновленъ,
Заговорилъ краснорѣчиво онъ:

„Платонъ, боясь найти судью въ поэтѣ
И критика, изгналъ ихъ изъ страны,
И вы сейчасъ рѣшили въ комитетѣ
Убить гонцовъ, предвѣстниковъ весны.
Пѣвцовъ полей, крылатыхъ менестрелей,
Что прелестью своихъ воздушныхъ трелей
Плѣняютъ насъ, когда нашъ духъ скорбитъ,
Какъ нѣкогда плѣнялъ царя Давидъ.

Ихъ умертвить! За пригоршню пшеницы,
За зернышко овса иль ячменя,
Которое ногами топчутъ жницы!
Убытокъ свой безмѣрно оцѣня,
Вы удѣлить жалѣете крупицы
Отъ благъ своихъ пѣвцамъ смиреннымъ дня,—
Но склеванныя ягоды не слаще
Мелодій ихъ, звучащихъ въ темной чащѣ.

Никто изъ васъ не вспоминалъ о Томъ,
Кто создалъ ихъ, кто даромъ пѣснопѣнья
Ихъ одарилъ, въ которомъ лишь въ одномъ,
Ихъ думъ и чувствъ—живое выраженье!
Забыли вы въ минутномъ ослѣпленьѣ,
Что гнѣзда ихъ тамъ въ вышинѣ звеномъ,
Невидимымъ, таинственнымъ, чудеснымъ,
Являются межъ дольнимъ и небеснымъ!

„Безъ пѣвчихъ птицъ печаленъ каждый садъ
И темныя древесныя вершины,
Гдѣ видѣнъ гнѣздъ осиротѣлыхъ рядъ:
Въ больномъ мозгу, подъ слоемъ паутины
Безумія, порой хранятся такъ,
Собой сгущая наступившій мракъ—
Обрывки словъ, утратившихъ значенье,
Безсвязныхъ думъ тревожное броженье.

„Несчастныхъ птицъ названіями:—воръ,
Клеймите вы:—и хищникъ и грабитель,
Но какъ неправъ подобный приговоръ!
Вѣдь этотъ воръ—онъ лучшій охранитель
Садовъ и жатвъ,—лишь онъ даетъ отпоръ
Ихъ недругамъ, какъ грозный истребитель
Всѣхъ слизняковъ, улитокъ и червей,
Губящихъ цвѣтъ и завязи вѣтвей.

„Какъ проповѣдь любви и всепрощенья,
Я повторю моимъ ученикамъ,
И къ жизни имъ внушу я уваженье,
Что разлита во всемъ Его твореньѣ,
И какъ завѣтъ Господень передамъ
О милости къ несчастнымъ бѣднякамъ,
Когда отцы, упорно негодуя,
Идутъ въ разрѣзъ со всѣмъ, чему учу я?

8.

Учитель смолкъ, и ропотъ межъ собранья
Въ мигъ пробѣжалъ, какъ легкій шумъ листвы,
И многіе оратора воззванье
Одобрили кивками головы;
Но тѣхъ, кто цѣль всего существованья
Нашелъ въ уходѣ за скотомъ—увы!
Нельзя смягчить... Всѣ слушали охотно,
Но былъ вопросъ рѣшенъ безповоротно.

Зато успѣхъ иного рода въ школѣ
Стяжалъ себѣ защитникъ бѣдныхъ птицъ;
Оваціи предметомъ по неволѣ
Явившійся со стороны дѣвицъ
И юношей, онъ въ новомъ ореолѣ
Предсталъ очамъ одной изъ учениць—
Красавицы Эльмиры. Такъ учитель,
Хоть побѣжденъ, былъ все-же побѣдитель!

И начались убійства безъ числа.
Сады, поля желтѣющей пшеницы
Окутала пороховая мгла,
И падали отъ пули вражьей птицы.
Повсюду кровь невинная текла,
Пятнавшая исторіи страницы.
Вездѣ тоска и ужасъ безъ границъ:
Варѳоломеевская ночь для птицъ!

Прошла весна, и наступило лѣто,
Съ небесъ лились палящіе лучи,
И ими такъ земля была нагрѣта,
Что даже камни были горячи.
На яблоняхъ погибла масса цвѣта,
И лугъ исчезъ подъ тучей саранчи,
А рой червей въ поляхъ и въ огородѣ
Хозяйничалъ повсюду на свободѣ.

Какъ Иродъ, ими пожираемъ былъ,
Весь городокъ зато, что избіенью,
Какъ этотъ царь, невинныхъ осудилъ.
Тамъ, гдѣ листва своей манила тѣнью,
Рой гусеницъ пріютъ надежный свилъ,
И, къ общему испугу и смущенью,
На головы гуляющихъ съ вѣтвей
Вдругъ падалъ дождь улитокъ и червей.

Нашествіемъ ужасныхъ насѣкомыхъ
Испуганный, задумался народъ,
И многіе сознали сразу промахъ;
Произошелъ въ умахъ переворотъ;
Кто обвинялъ начальство и знакомыхъ,
А кто искалъ желаемый исходъ,
Но каждый былъ въ смущеніи немаломъ,
Какъ ученикъ, съ дурнымъ пришедшій балломъ.

И осень къ нимъ явилась въ томъ году,
Не золотомъ одѣта и багрянцемъ,—
Листы, кой гдѣ висѣвшіе въ саду
И отъ стыда сгоравшіе румянцемъ,
Спѣша опасть, топилися въ пруду
И августъ имъ казался самозванцемъ.
А буйный вихрь на сотни голосовъ
Оплакивалъ замолкнувшихъ пѣвцовъ.

Прошла зима, и вотъ съ весною новой
Былъ пораженъ спокойный городокъ,
(Рѣшили всѣ что случая такого
И старожилъ запомнить бы не могъ).
Большой фургомъ, родъ ящика простого,
Въѣзжалъ туда. Онъ вдоль и поперекъ
Уставленъ былъ рядами новыхъ клѣтокъ,
Гдѣ стая птицъ рѣзвилась между вѣтокъ.

Сюда, со всей окрестной стороны
Собрали ихъ. Открылась дверь темницы
Ихъ временной—и отыскать вольны
Пристанище, взвилися къ небу птицы;
И по лѣсамъ тотчасъ ихъ вереницы
Разсѣялись, какъ вѣстники весны,
А пѣсня ихъ, скажу я между нами,
Насмѣшкою звучала надъ властями.

Но радостнѣй на слѣдующій день
Неслися ихъ серебряныя трели,
Когда вступалъ съ Эльмирою подъ сѣнь
Церковную—учитель. Звонко пѣли
Колокола, изъ дальнихъ деревень
Спѣшилъ народъ, и наши менестрели,
Къ безоблачнымъ взвиваясь небесамъ,
Ихъ пѣснею благословляли тамъ!

1893 г.

Псаломъ жизни.

1.

Не твердите мнѣ съ тоскою:
„Жизнь безцѣльна и пуста“.
Стыдъ мертвящему покою!
Жизнь бываетъ не такою,
Какъ рисуетъ намъ мечта.
    Жизнь правдива! Жизнь сурова,
    Не въ могилѣ— цѣль ея.
    „Въ прахъ земной отыдешь снова“—
    Не о духѣ это слово
    Возвѣстилъ намъ Судія.
Не печаль, не наслажденье
Человѣка въ жизни ждетъ,
Но работа, но движенье,
Неустанное—впередъ!
    Краткій срокъ судьбы закономъ
    Людямъ данъ, и стукъ сердецъ
    Служитъ маршемъ похороннымъ,
    Съ каждымъ часомъ проведеннымъ
    Намъ пророчащимъ конецъ...
Трудъ же дологъ. Въ ежечасной
Битвѣ жизненной со зломъ,
Ты не стой, какъ рабъ безгласный,
Равнодушный, безучастный,—
Будь героемъ и бойцомъ.
    Ты не вѣрь мечтамъ блестящимъ,
    И о прошломъ не скорбя,
    Дѣлай дѣло въ настоящемъ,
    Вѣря въ Бога и себя.

Намъ примѣръ людей съ душою—
Указанье и завѣтъ:
Какъ они, борись съ судьбою,
Послѣ смерти за собою
Мы властны оставить слѣдъ.
    Слѣдъ, который ослабѣвшимъ
    Силы прежнія вернетъ,
    Имъ—крушенье потерпѣвшимъ
    Посреди житейскихъ водъ...
Такъ—впередъ, не унывая!
Что бъ ни ждало впереди—
Будемъ, рукъ не покладая,
Вѣкъ трудиться, созидая,
Съ вѣрой твердою въ груди!

1892 г.

Стрѣла и пѣсня.

Стрѣлу пустилъ на воздухъ я,
Но гдѣ легла стрѣла моя—
Безсиленъ былъ увидѣть глазъ,
Такъ быстро вверхъ она взвилась.

И пѣснь послалъ на воздухъ я,
Куда умчалась пѣснь моя—
Не видѣлъ я, и кто пойметъ,
Кто услѣдитъ ея полетъ?

Но отыскалася стрѣла,
Межъ дуба листьями—цѣла;
А пѣснь, во всей красѣ ея,
Нашелъ въ душѣ у друга я!

1892 г.

[redacted]

Золотой закатъ.

Какъ золото расплавленное—море,
И золотомъ сіяютъ небеса,
И между нихъ на золотомъ просторѣ—
Земли и тѣни полоса.

Громады скалъ, что схожи съ облаками,
И облако подобное скалѣ—
Какъ бы плывутъ въ сіяньи передъ нами,
И дремлетъ челнъ межъ сонными водами
Въ лучистой мглѣ.

И съ моремъ схожъ сводъ неба золотого,
И съ небомъ—водъ сіяющихъ просторъ:
Небеснаго границы и земного
Не различаетъ взоръ.

Когда придетъ въ покоѣ и молчаньѣ
И нашъ закатъ—пусть также и для насъ
Небесное съ земнымъ въ одномъ сіяньѣ
Сольются въ этотъ часъ.

1892 г.

Духъ и плоть.

(Suspiria)

Прими ихъ смерть! Прими лишь прахъ,
Что можешь ты назвать своимъ,
Твоя печать—въ его чертахъ,
И ты надъ нимъ властна однимъ.

Прими ихъ ты и схорони,
Могилы мракъ! Въ твоей тиши
Пускай покоятся они—
Покровы бренные души.

Прими ихъ, вѣчность! Жизнь людей—
Вихрь, налетѣвшій издали,
Онъ прошумѣлъ среди вѣтвей,
Влача цвѣты ея въ пыли!

1892 г.

Вальтеръ Ф. Д. Фогельвейдъ.

1.

Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, знаменитый менестрель,
Что преслѣдуя святую и возвышенную цѣль,
Всѣ труды и всѣ усилья, благородный сердца пылъ
На служеніе искусству пѣснопѣнья посвятилъ,
Фогельвейде—гость желанный въ каждомъ замкѣ, чародѣй,
Вызывающій то слезы, то улыбку у людей;
При Вартбургѣ заслужившій славу перваго пѣвца,
И своей волшебной лютней увлекающій сердца,
Фогельвейде, чьи напѣвы повторялись въ городахъ
И въ селеньяхъ, и которымъ эхо вторило въ горахъ,—
Опочилъ по волѣ Божьей и подъ сѣнію колоннъ
Былъ въ соборѣ кафедральномъ, какъ вельможа, погребенъ.

Предъ кончиной завѣщалъ онъ всѣ сокровища свои
На обитель, но съ условьемъ, чтобъ стрижи и соловьи,
Чтобы всѣ лѣсныя пташки, съ воробья и до дрозда,
Получали кормъ обильный отъ обители всегда...
„Я хочу вознаградить ихъ, ихъ уроки оцѣня:
Вѣдь онѣ, лѣсныя пташки, научили пѣть меня,
Соловья рулады слыша, слыша жаворонка трель,

Вдохновляяся, нерѣдко подражалъ имъ менестрель;
Такъ пускай же раздаются надъ могилою моей
Полоса моихъ пернатыхъ менестрелей и друзей!—

И, слетаясь отовсюду, ежедневно стая птицъ
Опускалася на кровлю, на высокій храма шпицъ,
На деревья у ограды, на раскрытое окно,
И прислужники малютки разсыпали имъ зерно.
И порой влетали птицы въ отдаленный тотъ предѣлъ,
Гдѣ усопшаго поэта скромный памятникъ бѣлѣлъ,
Тамъ, летая и кружася надъ могилою пѣвца,
Пташки имя Фогельвейде повторяли безъ конца.
— Фогельвейде!—раздавалось въ этихъ сумрачныхъ стѣнахъ.
— Фогельвейде!—откликалось эхо дальнее въ горахъ.

Но пріоръ бенедиктинцевъ порѣшилъ въ концѣ-концовъ,
Что не стоитъ тратить деньги на пернатыхъ пришлецовъ;
— Пусть они пойдутъ на пользу нашей братіи святой,
Изнуряемой постами и молитвою ночной.
И о грѣшникѣ воспомня за трапезою, въ тиши,
Мы помолимся соборне о спасеніи души.—
Съ этихъ поръ напрасно птицы, прилетѣвъ въ урочный часъ,
Оглашали воздухъ крикомъ, надъ обителью кружась,
И напрасно, опускаясь у открытаго окна,
Ожидая тамъ раздачи золотистаго зерна,—
Это время миновало... Но за то въ монастырѣ
Изъ за пира часто братья расходилися на зарѣ...

Чередой прошли столѣтья, и преданье лишь одно
Намъ указываетъ мѣсто, гдѣ въ землѣ погребено
Тѣло Вальтера; истерлась даже надпись на стѣнѣ:
Только птицы, поднимаясь и кружася въ вышинѣ,
Все щебечутъ тамъ легенду про собрата ихъ, пѣвца,
Въ пѣсняхъ имя Фогельвейде повторяя безъ конца...

1892 г.

Изъ Байрона.

Пѣсни къ Тирсѣ.

1.

Послѣдній вздохъ, исторгнутый утратой,
Любви моей послѣднее прости,
И одинокъ, какимъ я былъ когда то,
Пойду я вновь по трудному пути.
Пускай борьбы изведаю я сладость
И горечь всю я осушу до дна,
Когда навѣкъ исчезла въ жизни радость—
Печали тѣнь въ грядущемъ не страшна.

Вокругъ меня—безумный чадъ похмѣлья,
Быть одному нѣтъ мужества и силъ,
Я буду тѣмъ, кто раздѣлялъ веселье
И кто ни съ кѣмъ печали не дѣлилъ.
Ты не такимъ меня когда-то знала
Въ дни свѣтлые блаженства моего,
Но съ той поры, когда тебя не стало,
Какъ ты мертва—и все кругомъ мертво.

На легкій ладъ я тщетно лиру строю,
Улыбкою не скрыть не зримыхъ слезъ,
Какъ насыпи могильной не прикрою

Я ворохомъ полурасцвѣтшихъ розъ.
На пиршествахъ, даря на мигъ забвенье,
Пускай кипитъ и пѣнится струя,
Я жадно пью изъ чаши наслажденье,
Но одинокъ, какъ прежде, сердцемъ я.

Любуяся просторомъ, озареннымъ
Сіяніемъ серебряныхъ лучей,
Ихъ отблескъ дивный видѣлъ отраженнымъ
Я въ глубинѣ задумчивыхъ очей.
Я созерцалъ, какъ яркій лучъ свѣтила,
Лаская ихъ, въ волнахъ эгейскихъ гасъ,
Увы, луна лишь надъ твоей могилой,
Не для тебя всходила въ этотъ часъ!

Когда, безъ сна простертаго на ложѣ,
Томилъ меня мучительный недугъ,
Я говорилъ:—какое счастье, Боже,
Что взоръ ея не видитъ этихъ мукъ!
И, какъ порой возвращена свобода
Безсильному и дряхлому рабу,
Такъ жизнь мою вернула мнѣ природа.
Межъ тѣмъ какъ ты покоилась въ гробу.

Тѣхъ дней залогъ, когда лишь расцвѣтали
Любовь и жизнь на утрѣ бытія,
Залогъ любви, подъ дымкою печали
Тебя, увы, отнынѣ вижу я!
Затихло сердца кроткаго біенья,
Которое съ тобою мнѣ дано,
Лишь моему все нѣтъ успокоенья,
Хотя мертво и холодно оно.

Печальный даръ ея рукой любимой
Врученный мнѣ—обѣтъ моей любви.
Молю тебя, блюди ненарушимо,
Иль сердце мнѣ собою разорви.

Гдѣ счастію не можетъ быть возврата—
Страданіемъ очищена любовь
И тотъ, кому утраченное свято,
Живой любви не отдастся вновь.

2.

Замолкни, о пѣсня печали,
Замри рокотанье струны!
Отрадой вы прежде звучали
Теперь же тоскою полны.
Той пѣсни душою я всею
Изъ устъ ея нѣжныхъ внималъ,
Я вспомнить не въ силахъ, не смѣю,
Чѣмъ былъ я, чѣмъ нынѣ я сталъ.

Гдѣ голосъ ея незабвенный?
Замолкъ онъ подъ мраморомъ плитъ,
И прежній напѣвъ вдохновенный,
Какъ реквіемъ скорбный звучитъ.
Тобою какъ прежде онъ дышетъ,
О, Тирса! О прахъ дорогой!
Но ухо въ немъ больше не слышитъ
Гармоніи звуковъ былой.

Все стихло, но чуть уловимый
Въ душѣ отдается моей.
Мнѣ слышится голосъ любимый,
Какъ эхо исчезнувшихъ дней.
Онъ чудится мнѣ въ сновидѣньи
И грезу мою наяву,
Напрасно я въ мигъ пробужденья
Душой потрясенной зову.

О другъ мой, такъ рано почившій,
Ты свѣтлою стала мечтой,
Свой лучъ отъ земли отклонившей

Небесъ лучезарной звѣздой.
И путникъ подъ небомъ холоднымъ
Во тьмѣ осужденный брести,
Скорбитъ о лучѣ путеводномъ,
Сіявшемъ ему на пути.—

1896 г.

Изъ Вальтеръ-Скотта.

Колыбельная пѣсня.

Баю-баюшки, спи въ колыбели своей!
Твой отецъ былъ однимъ изъ народныхъ вождей,
И красавицей мать въ нашемъ кланѣ слыла,
Но обоихъ, увы, рано смерть отняла.

Баю-баюшки, спи въ колыбели своей!
И долины и даль изумрудныхъ полей—
Все твое! охраняя твой сонъ отъ врага,
На стѣнѣ крѣпостной затрубили рога.

Баю-баюшки, спи! А настанетъ чередъ—
Поведешь ты полки за собою впередъ;
Приближается жизнь съ вѣковою борьбой
И приноситъ заря пробужденье съ собой.

1895 г.

Эпитафія.

Гонимый невзгодою странникъ,
Соблазна грѣховнаго данникъ,
Лишенный отчизны изгнанникъ—
Навѣкъ успокоился онъ.

Обрядъ совершился прощальный,
Пропѣли псаломъ погребальный,
Вдали замираетъ печальный,
Торжественный звонъ.

Съ тоскою воздѣтыя руки,
Рыданья предсмертнаго звуки,
И—кончились тяжкія муки
И путь безнадежный пройденъ:

Теперь не страшны ему: холодъ,
Нужда и недуги и голодъ;
И гвозди вбивающій молотъ—
Нарушить-ли вѣчности сонъ?

1895 г.

Боевая пѣснь.

На вершинахъ—туманъ, надъ долиною—ночь,
И не въ силахъ мы сонъ роковой превозмочь,
По велѣнью врага, длится онъ безъ конца,
Ослабѣла рука, охладѣли сердца.

И наслѣдственный мечъ паутиной обвитъ,
И позорно въ углу тутъ же ржавѣетъ щитъ;
Если выстрѣлъ въ горахъ и раздастся, какъ встарь—
Упадутъ отъ него только лось иль глухарь.

И безъ краски стыда ни одинъ изъ пѣвцовъ
Не дерзнетъ воспѣвать намъ дѣянья отцовъ;
Да умолкнетъ на вѣкъ съ отзвучавшей струной
Да умолкнетъ оно—эхо славы родной.

Но проходятъ часы: отъ тяжелого сна
Пробуждается вновь по немногу страна,
Надъ вершинами горъ, яркимъ блескомъ горя,
Занимается вновь молодая заря.

Вамъ героевъ сыны, этотъ яркій разсвѣтъ
Не сулитъ ли зарю долго жданныхъ побѣдъ!
Вамъ не нуженъ пѣвца вдохновенный напѣвъ,
Что бъ въ сердцахъ пробудить жажду мщенья и гнѣвъ

Подниматесь, бойцы—изъ долинъ, изъ за горъ,
Заблистала вдали сталь широкихъ клейторъ,
И волынка гудитъ, но сзываетъ собой
Не къ ловитвѣ она—а въ отчаянный бой.

Высоко надъ холмомъ развивается стягъ,
Но не дремлетъ въ тиши выжидающій врагъ,
Вы низвергнуть должны чужеземную власть,
И, какъ ваши отцы, побѣдить или пасть!

1895 г.

Смерть барда.

Прости, край родимый! Безумно любя,
Давно воспѣвалъ я и славилъ тебя,
Но часъ наступаетъ,—и рокотъ струны
Въ тиши не сольется съ журчаньемъ волны,

Простите, долины, холмы и лѣса,
Умретъ не воспѣтою ваша краса;
Погаснутъ тѣ взоры, умолкнутъ уста,
Которымъ была дорога красота.

По прежнему, гордой отваги полны,
Врага одолѣютъ отчизны сыны,
Но кто вдохновенною арфой своей
Бойцевъ обезсмертитъ, прославитъ вождей?

Какъ пѣлъ я, отчизна, твоихъ дочерей,
Ихъ чудныя очи, волну ихъ кудрей,
И вторило струнамъ біенье сердецъ,
Но тьма наступаетъ и пѣснѣ конецъ!

Струна отзвучала... Отчизна, прощай!,
Геройскою мощью навѣки блистай,
Красой лучезарной, какъ прежде, цвѣти!
И ты, моя арфа, на вѣки прости!—

1895 г.

Джэкъ Гэзельдинъ.

(БАЛЛАДА).

О чемъ красавица моя,
Ты плачешь дни и ночи?
Отри скорѣй, молю тебя,
Заплаканныя очи.
Ты моему обручена
Возлюбленному сыну!
Но, безутѣшна и блѣдна,
Какъ прежде, слезы льетъ она
По Джэку Гэзельдину.

— Дитя, умѣрь печаль свою,
Живи съ семьею въ мирѣ,
Мой сынъ не первый ли въ бою,
Въ пирахъ и на турнирѣ?
Ему—богатство и почетъ!
Но въ скорби и кручинѣ,
Она, какъ прежде, слезы льетъ,
Рыдая ночи напролетъ
О Джэкѣ Гэзельдинѣ.

— Ты въ даръ получишь отъ меня
Кольцо и ожерелье,
И бѣлоснѣжнаго коня.
Гдѣ царствуетъ веселье—
Царицей будешь ты на немъ,
Забудь-же о кручинѣ!—
Но слезы съ каждымъ новымъ днемъ
Изъ глазъ ея лились ручьемъ
По Джэкѣ Гэзельдинѣ.

Сіялъ огнями Божій храмъ,
Огни горѣли въ залѣ,
Не мало рыцарей и дамъ
Къ вѣнцу невѣсту ждали.
Но гдѣ-жъ невѣста? Гдѣ она?
Какъ рабъ за господиномъ,
Въ нарядъ вѣнчальный убрана,
Бѣжала изъ дому она
За Джэкомъ Гэзельдиномъ.

1895 г.

Клятва лэди Норы.

(БАЛЛАДА).

1.

Кто знаетъ клятву лэди Норы:
— Скорѣй падутъ лѣса и горы,
Скорѣй затмится свѣтъ дневной,
Чѣмъ стану графа я женой!
Цѣной безчисленныхъ владѣній
И драгоцѣнныхъ украшеній
И всѣхъ земель его цѣной,—
Останься мы вдвоемъ на свѣтѣ,
Въ своемъ увѣрена обѣтѣ—
Не буду я его женой!—

2.

— Не вѣрьте клятвамъ никогда;
Сегодня: нѣтъ! а завтра: да!—
Сказалъ шутя Дугласъ маститый.
— Обѣты будутъ позабыты;
И прежде, чѣмъ на склонахъ горъ

Цвѣтущій вереска узоръ
Покроютъ снѣжные узоры—
Изъ устъ прекрасной лэди Норы
Услышитъ графъ отвѣтъ иной
И назоветъ ее женой.—

3.

— Скорѣй, воскликнула она,
— Изсякнетъ моря глубина,
Скорѣе лебедь бѣлокрылый
Окажется въ гнѣздѣ орла,
И въ ночь обрушится скала;
Скорѣй предъ вражескою силой
Бѣжитъ позорно кланъ родной,
Забывъ навѣкъ о славѣ ратной,
И потечетъ волна обратно,
Чѣмъ стану графа я женой!—

4.

Попрежнему у свѣтлыхъ водъ,
Гдѣ пышно лилія цвѣтетъ,
Гнѣздо свиваетъ лебедь бѣлый;
Попрежнему безумно смѣлы
Бойцы Шотландіи родной,
И надъ морскою глубиной
Вздымаются какъ прежде, горы...
Но что же клятва лэди Норы?..
Она дала обѣтъ иной:
Быть графу доброю женой!

1895 г.

Пилигриммъ.

(Баллада)

В. И. Острогорскому.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Канунъ веселый Рождества, и пышный залъ въ огняхъ.
Хотите выслушать разсказъ о стародавнихъ дняхъ?
Волшебный свитокъ развернетъ невидимо поэтъ,
Былому—слава и хвала, грядущему—привѣтъ!

1.

Пришли рождественскіе дни, въ Шотландіи родной
Прощался благородный графъ съ красавицей женой.
Онъ цѣловалъ и очи ей, и блѣдный мраморъ плечъ,
И предъ разлукою повелъ онъ ей такую рѣчь;

— Когда зари багряной лучъ затеплится во мглѣ—
Отправлюсь я въ далекій путь. Мой путь—къ Святой Землѣ.
Иду сражаться я съ ордой невѣрныхъ сарацинъ.
Меня ты будешь ожидать семь лѣтъ и день одинъ?

И былъ прекрасный взоръ ея печалью омраченъ,
И съ поблѣднѣвшихъ устъ ея сорвался тихій стонъ:
— О, благородный мой супругъ! Въ отсутствіи твоемъ
Кто охранитъ меня своимъ испытаннымъ мечемъ?

Кто изъ вассаловъ поведетъ твои дружины въ бой?
И на кого оставишь ты свой замокъ родовой?
И графъ отвѣтилъ:—У меня вассаловъ много есть,
Вѣрнѣйшему довѣрю я жену мою и честь.

Какъ рыцарь, клятву я сдержу и какъ христіанинъ,
Пока сражаюсь я въ землѣ невѣрныхъ сарацинъ,
Молю тебя, краса моя, меня не забывай,
И пусть Господь поможетъ мнѣ въ родной вернуться
край!—

Но вотъ румяною зарей зардѣлись небеса,
Проснулся благородный графъ и съ ложа поднялся.
Лицо свое онъ освѣжилъ студеною водой;
Предъ нимъ почтительно стоялъ его вассалъ сѣдой.

Надѣты рыцарскій уборъ, съ опушкой епанча,
Сіяютъ золотомъ шеломъ и рукоять меча.
И обращаясь къ старику, тутъ графъ ему сказалъ:
— Тебѣ я вѣрю, какъ себѣ, мой доблестный вассалъ!

Семь лѣтъ въ отсутствіи моемъ ты властвуй и суди,
И честь графини для меня ты свято соблюди.
Семь лѣтъ пробуду я вдали, и смѣло поручу
Все дорогое я тебѣ и твоему мечу.—

Но тотъ отвѣтилъ напрямикъ:—Труднѣе чѣмъ страну,
Отъ нападенія беречь и охранять жену.
На вѣрность брошенной жены, по мнѣ, надежды нѣтъ:
Я за семь дней не поручусь, не то что за семь лѣтъ!—

И, опечалясь, отошелъ отъ старца господинъ.
Но былъ тутъ рыцарь молодой, О'Фланагана сынъ;
Его увидѣлъ добрый графъ и сразу просвѣтлѣлъ:
— Ты юнъ годами, знаю я, но вѣренъ ты и смѣлъ.

Пока сражаюсь я въ землѣ невѣрныхъ сарацинъ,
Будь предводителемъ моихъ воинственныхъ дружинъ.
Графини вѣрность охраняй, дай клятвенный обѣтъ,
Что будешь ты блюсти ее семь долгихъ, долгихъ лѣтъ.—

Былъ вѣренъ рыцарь молодой, тверда его рука,
Но слишкомъ юности пора безпечна и пылка;

И молвилъ онъ:—Спокоенъ будь, мой благородный графъ,
Никто нарушить не дерзнетъ твоихъ священныхъ правъ.

Да будетъ-же къ святой землѣ твой путь благословенъ!
Я дамъ отпоръ твоимъ врагамъ и сберегу твой ленъ.
Твоя графиня сохранитъ супружескій обѣтъ,
Будь ты въ отсутствіи не семь, а цѣлыхъ двадцать лѣтъ!—

Развеселился добрый графъ, разгладилось чело,
И снова стало на душѣ и ясно, и свѣтло.
Въ далекій путь пустился онъ; на быстромъ кораблѣ,
Безъ свиты, онъ, какъ пилигриммъ, отплылъ къ Святой
Землѣ.

2.

Прошли года. Сражался графъ съ ордою сарацинъ,
И вотъ семь лѣтъ уже прошло, остался день одинъ.
Въ канунъ великій Рождества онъ спалъ въ тѣни шатра;
И вдругъ услышалъ надъ собой!—Проснися, графъ! Пора!

Другой беретъ жену твою, твой замокъ родовой.
Ему—и соколъ дорогой, и конь любимый твой.
На башнѣ поднятъ стягъ его, онъ въ замкѣ—властелинъ:
Къ вѣнцу графиню поведетъ О'Фланагана сынъ.—

Въ тоскѣ проснулся добрый графъ.—О, лучше бъ никогда
И не рождался я на свѣтъ для горя и стыда!
Терять наслѣдіе отцовъ мнѣ тяжко, но больнѣй
Утратить вѣрную жену, подругу свѣтлыхъ дней.

О, Боже правый, помоги! Покуда защищалъ
Я Гробъ Господень отъ враговъ, невѣрный мой вассалъ
Беретъ жену мою и ленъ, а я—вдали отъ нихъ
И оградить ихъ не могу отъ замысловъ лихихъ!—

Умилосердился Господь надъ рыцаремъ своимъ,
И былъ во снѣ перенесенъ въ отчизну пилигриммъ.

Очнулся графъ, и видитъ онъ знакомыя мѣста:
Вотъ башня старая и ровъ подъемнаго моста,

И воды свѣтлыя рѣки, и мельница, и лугъ...
Онъ озирается, дрожа отъ радости, вокругъ.
Изъ трубъ клубится синій дымъ, вездѣ горятъ огни:
Настали радостные дни, рождественскіе дни.

И графъ на посохъ оперся и двинулся впередъ.
На старой мельницѣ никто его не узнаетъ.
— Скажи, хозяинъ, нѣтъ у васъ какихъ-либо вѣстей?
И есть-ли въ замкѣ празднество и много-ль тамъ гостей?—

— Какія вѣсти! Знаютъ всѣ—отъ князя до пажа,
Супруга новаго беретъ графиня госпожа.
Скончался благородный графъ, миръ памяти его!
Онъ господиномъ добрымъ былъ для края своего.

Я самъ, по милости его, здѣсь мельницу завелъ,
И вотъ, какъ только получу уплату за помолъ,
За упокой души его, въ придачу къ стихарю,
Я причту нашему еще на рясу подарю.—

И въ гору путникъ поднялся. Измученъ и усталъ,
У входа въ замокъ родовой онъ съ трепетомъ стоялъ.
— Пошли мнѣ силы, Боже мой! Въ очахъ и въ сердцѣ—мракъ.
Не допусти, что-бъ былъ свершенъ грѣховный этотъ бракъ!—

Онъ постучался у дверей. Былъ робокъ этотъ стукъ,
Едва не выпалъ молотокъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.
— Скажи графинѣ: у воротъ—усталый пилигриммъ,
Изъ Палестины онъ идетъ, усталостью томимъ.

Когда отверженнымъ уйдетъ отъ этой онъ двери,
Не видѣть болѣе ему сіянія зари.

И если былъ ея супругъ графинею любимъ,
Пріютъ радушный у нея да встрѣтитъ пилигриммъ!—

Передъ графинею предсталъ съ докладомъ кастелянъ:
— О, госпожа, пришелъ сюда изъ чужедальнихъ странъ,
Изъ Палестины пилигриммъ,—и пріютить его
Во имя графа проситъ онъ, супруга твоего!—

И взволновали сердце ей завѣтныя слова.
— Пускай раздѣлитъ съ нами онъ веселье Рождества,
А такъ какъ имя онъ назвалъ супруга моего—
Въ теченьи года замокъ мой да пріютитъ его!—

3.

Дверь отворилася,—и графъ, не узнанный никѣмъ,
Вступилъ подъ сѣнь палатъ своихъ, печаленъ, тихъ и нѣмъ.
Онъ опустился на скамью, и головой поникъ,—
И безконечнымъ для него казался каждый мигъ.

Пахнуло сразу на него и свѣтомъ, и тепломъ;
Не мало рыцарей и дамъ сидѣло за столомъ,
Сіялъ каменіемъ цвѣтнымъ роскошный ихъ нарядъ:
Свершиться въ полночь долженъ былъ вѣнчанія обрядъ.

Во всемъ расцвѣтѣ красоты, въ уборахъ дорогихъ
Сидѣла тутъ его жена, а рядомъ съ ней—женихъ.
Разсказы, пѣсни и вино лилися чередой,
И обратился къ пришлецу хозяинъ молодой.

— Да смолкнетъ лютни переборъ и звонъ веселый чашъ,
Исполни, Богомъ данный гость, обычай древній нашъ:
Потѣшь насъ пѣснею своей,—и золото, звеня,
Къ тебѣ посыплется въ кошель—наградой отъ меня!

„Печальной будетъ пѣснь того,
Кто одинокъ и сиръ.

А былъ когда то для него
Отраденъ Божій міръ!

„Какъ ты, съ безоблачнымъ челомъ,
Вотъ такъ-же—юнъ и смѣлъ,
За пышно убраннымъ столомъ
Когда то онъ сидѣлъ.

„Въ нарядъ вѣнчальный убрана,
Сидѣла рядомъ съ нимъ
Его красавица жена;
Какъ ты, онъ былъ любимъ.

Но шли года. Посеребрилъ
Густыя кудри снѣгъ,
И для того, кто полонъ силъ—
Покинуть онъ навѣкъ.

„Утратилъ онъ родимый кровъ,
Богатство и почетъ:
Печальный гость чужихъ пировъ—
О скорби онъ поетъ!"

Графиня тронута была. Скатилася, дрожа,
Съ густыхъ рѣсницъ ея слеза,—и, подозвавъ пажа,
Велѣла гостю отнести немедленно она
Тяжелый кубокъ золотой янтарнаго вина.

И принялъ благородный графъ душистое вино
И въ кубокъ перстень дорогой онъ опустилъ на дно,
Тотъ самый перстень золотой, залогъ священныхъ узъ,
Которымъ ею былъ скрѣпленъ когда то ихъ союзъ.

И молвилъ благородный графъ стоявшему пажу:
— Твою услугу, можетъ быть, я щедро награжу,
Исполни то, что я скажу: къ графинѣ ты ступай
И съ кубкомъ этимъ мой привѣтъ и перстень передай.—

И пажъ приблизился къ столу, колѣна преклоня.
— О, госпожа! Достойный гость тебѣ черезъ меня
Вотъ съ этимъ кубкомъ золотымъ шлетъ перстень и привѣтъ
И счастья молитъ онъ тебѣ на много, много лѣтъ!

Графиня съ трепетомъ взяла знакомое кольцо,
И побѣлѣло, словно снѣгъ, прекрасное лицо,
И замеръ вопль въ ея устахъ, рыданьемъ заглушенъ:
— Кольцо супруга моего! Онъ живъ! Вернулся онъ!

И слезы градомъ полились. (Чѣмъ вызваны онѣ?—
Объ этомъ знаютъ, можетъ быть, красавицы однѣ).
Но къ графу кинулась она, Творца благодаря,
Не допустившаго ее солгать у алтаря.

Пусть не винитъ ее супругъ ея и господинъ:
Она ждала его семь лѣтъ, семь лѣтъ и день одинъ!
Она хранила свой обѣтъ, но въ эту полночь срокъ,
Когда-то графомъ для нея назначенный, истекъ.

Тутъ подошелъ О'Фланаганъ и на колѣна палъ,
— Нарушилъ клятвенный обѣтъ невѣрный твой вассалъ,
Возьми-же, благородный графъ, мой закаленный мечъ,
И голова моя пускай падетъ сейчасъ-же съ плечъ!—

Но графъ отвѣтилъ:—Поумнѣлъ твой старый господинъ,
Пробывъ отъ родины вдали семь лѣтъ и день одинъ,
Невѣстой стала дочь моя; красавицей въ краю
Она слыветъ,—и въ жены я тебѣ ее даю!

Двѣ свадьбы празднуемъ заразъ: женѣ — супругъ сѣдой,
А юной дочери ея—красавецъ молодой.
Хвала—сдержавшей свой обѣтъ и преданной женѣ,
Хвала тебѣ, мой кастелянъ, открывшій двери мнѣ:

Вѣдь, запоздай сегодня я всего на часъ одинъ—
Утратилъ бы права свои твой старый господинъ!—

И ликовало все кругомъ, и въ праздникъ Рождества,
На мѣсто брака одного—ихъ праздновалось два!

Блѣднѣютъ свѣчи, камелекъ пылающій погасъ,
О стародавнихъ, чудныхъ дняхъ кончается разсказъ...
Глядитъ въ окно святая ночь, морозна и свѣтла:
Зарѣ грядущаго привѣтъ, минувшему, хвала!

1896 г.

Изъ Роберта Бернса.

Видѣніе.

У башни стоялъ я, у старыхъ развалинъ,
Поросшихъ стеблями травы;
Вдали раздавался, тревожно печаленъ,
Рыдающій окрикъ совы.

Царило безмолвье надъ спящею степью,
Лишь гдѣ-то кричала лиса,
И падали звѣзды огнистою цѣпью,
Собой бороздя небеса.

Рѣка омывала старинныя стѣны,
И мимо разрушенныхъ плитъ
Катилась къ утесамъ, гдѣ въ облакѣ пѣны
Потокъ не смолкая бурлитъ.

Въ холодномъ сіяньѣ, какъ легкія тѣни,
Какъ дымъ, улетающій въ высь,—
Во мглѣ вереницы туманныхъ видѣній
Стезею воздушной неслись.

Я голову поднялъ,—и вдругъ изъ ложбины,
Вперяя сверкающій взоръ,
Явился мнѣ призракъ, носившій старинный
Шотландскаго барда уборъ.

Вся мощь вѣковая родного народа
Свѣтилась въ чертахъ у него,

И явственно лозунгъ священный — свобода!
Виднѣлся на шлемѣ его.

Запѣлъ онъ,—такой вдохновенною силой
Была эта пѣсня полна,
Что мнилось: и взятыхъ на вѣки могилой
Для жизни разбудитъ она.

Восторженно пѣлъ онъ о дняхъ миновавшихъ,
О дняхъ наступившихъ—съ тоской,
И звукъ этихъ пѣсенъ, мнѣ въ сердце запавшихъ,
Остался на вѣки со мной.

Смерть.

Ты, бичъ великій мірозданья,
Чье смертоносное дыханье
Уноситъ царства и людей—
Привѣтъ тебѣ съ твоею свитой:
Душой, страданіемъ разбитой,
Я не боюсь грозы твоей.

Стрѣла твоя, сразивъ жестоко
Любви моей и жизни цѣль,
Пронзила сердце мнѣ глубоко
И въ немъ трепещетъ и досель.
И вижу я безъ содроганья,
Какъ надъ поникшей головой
Изъ темной тучи грозовой,
Сверкаетъ молніи сіянье.

Зову тебя, слѣпая сила!
Все, что живетъ, и все, что жило —
Тебя страшится и клянетъ;
Но я зову тебя, какъ друга,
Приди ко мнѣ, какъ гнетъ недуга,

Стряхни постылый жизни гнетъ!
Желанное успокоенье —
Когда придетъ оно, когда?
И сердца скорбнаго біенье
Въ гробу затихнетъ навсегда?
Въ чертахъ безжизненныхъ—ни страха
Ни горькихъ слезъ, ни мукъ былыхъ!
Могильный холодъ, царство праха
И сонъ въ объятіяхъ твоихъ!

Довольство судьбой.

Свободенъ и веселъ, я малымъ доволенъ;
Міръ Божій мнѣ кажется чудно приволенъ;
Я радуюсь солнцу, я радуюсь дню,
И призракъ заботы я пѣсней гоню.
Взгрустнется-ль порой подъ ударомъ судьбы —
Я вспомню, что жизнь намъ дана для борьбы;
Веселье равняется звонкой монетѣ,
Свобода же — санъ высочайшій на свѣтѣ,
И этого сана лишить не могли
Великіе міра—ничтожныхъ земли!
Мой путь не безъ терній, но разъ ужъ пройденъ—
Кто вспомнитъ, какъ труденъ былъ путнику онъ?
Фортуну слѣпую мы часто поносимъ,
Но какъ бы ея ни звалися дары:
Любовь, пѣснопѣнья, работа, пиры,—
На все отвѣчаю я:— милости просимъ!

Мольба.

Осенній день бросаетъ тѣнь
На рощи и луга,
Въ горахъ — глубокъ—бѣжитъ потокъ
И бьется въ берега.

Тумана мгла кругомъ легла
И буря — все грознѣй,
Но мнѣ туманъ и ураганъ
Милѣе вешнихъ дней.

Грозы порывъ и водъ разливъ
Сродни душѣ моей;
Любовь мертва, она — листва,
Опавшая съ вѣтвей.
Но если свѣтъ минувшихъ лѣтъ
Не свѣтитъ въ вышинѣ,
Дай силу жить и позабыть,
Дай примиренье мнѣ.

Осенній туманъ.

Повѣяло первымъ дыханьемъ зимы,
Покровомъ туманнымъ одѣлись холмы,
Скрывая бѣгущій въ долинѣ ручей.
Ни красокъ осеннихъ, ни яркихъ лучей!
Тоскливо поникнулъ безлиственный боръ;
Въ поляхъ, потерявшихъ зеленый уборъ,
Печально брожу я по листьямъ сухимъ,
Одной неотвязною думой томимъ.

Какъ время уходитъ, и день ото дня
Преслѣдуетъ жребій суровый меня:
Какъ много я прожилъ, какъ тщетно я жилъ,
Какъ мало осталось и жизни и силъ, —
Какъ все измѣнили истекшіе дни
И узы какія порвали они!
Безпечно мы съ пѣснею въ гору идемъ,
Но грустно плетемся обратнымъ путемъ.
Ужель за предѣлами жизни земной
Нѣтъ высшаго смысла и жизни иной?

Солнце и мѣсяцъ.

Растопились снѣга,
Зеленѣютъ луга,
Омываемы свѣтлой волною,
Только въ сердцѣ печаль,
И кого-то мнѣ жаль,
Кто сюда не вернется весною...
Словно солнечный свѣтъ,
Неизмѣнный привѣтъ
Ежедневно несущій вселенной:
Такъ любила и я,
Такъ была и моя,
Молодая любовь неизмѣнной.
Но, увы, холодна
И какъ мѣсяцъ блѣдна
Мнѣ любовь его часто казалась:
Измѣнялась она,
И какъ въ небѣ луна—
Съ каждымъ разомъ она уменьшалась.

На чужбинѣ.

Я сердцемъ не здѣсь, я въ шотландскихъ горахъ,
Я мчусь, забывая опасность и страхъ,
За дикимъ оленемъ, за ланью лѣсной,—
Гдѣ бъ ни былъ, я—сердцемъ въ отчизнѣ родной.

Шотландія, смѣлыхъ борцовъ колыбель,
Стремленій моихъ неизмѣнная цѣль,
Съ тобой я разстался, но въ каждомъ краю
Люблю я и помню отчизну мою!

Простите, вершины скалистыя горъ,
Долинъ изумрудныхъ цвѣтущій просторъ!
Простите, поляны и рощи мои,
Простите, потоковъ шумящихъ струи!..

Я сердцемъ—въ родимыхъ шотландскихъ горахъ;
Я мчусь, забывая опасность и страхъ,
За дикимъ оленемъ, за ланью лѣсной,—
Гдѣ бъ ни былъ, я—сердцемъ въ отчизнѣ родной.

Избранники.

Чѣмъ прекраснѣй она и нѣжнѣе
На высокомъ и тонкомъ стеблѣ—
Тѣмъ грозой налетѣвшей сильнѣе
Пригибаетъ лилею къ землѣ.

Чѣмъ отраднѣй съ зарею румяной
Пѣсня птички въ лазури звенитъ—
Тѣмъ вѣрнѣй надъ добычей желанной
Черной точкою ястребъ кружитъ.

И чѣмъ дальше отъ насъ совершенство—
Тѣмъ къ себѣ неотступнѣй влечетъ;
Величайшее въ мірѣ блаженство—
Величайшее горе несетъ.

Красавицѣ.

Прекрасна ты, въ томъ нѣтъ и спору,
Я жаждалъ бы твоей любви,
Когда бъ ты милости свои
Не расточала безъ разбору.

И кто увлечь тебя не могъ
И обмануть готовой сказкой?
Ты—словно вѣшній вѣтерокъ,
Дарящій всѣхъ своею лаской!

Взгляни на розу: межъ листвой
Она скрывается отъ взора,
Небрежной сорвана рукой,
Она увянетъ слишкомъ скоро.

Ты, къ наслажденію стремясь,
Цвѣтешь такою же красою,
Но дерзкой сорвана рукою,
Погибнешь, брошенная въ грязь!

Въ грозу.

Мнѣ снилась долина, залитая блескомъ,
Весенняго полдня краса,
И рѣчка, бѣгущая съ радостнымъ плескомъ,
И пташекъ лѣсныхъ голоса.
Но вдругъ отдаленнаго грома угрозы,
Какъ стонъ пронеслись въ тишинѣ,
И вѣтви склонивъ, зашумѣли березы,
Грозя потемнѣвшей волнѣ...

Такъ было и въ жизни со мною когда-то:
Весенняго полдня лазурь
Смѣнили собою въ минуту заката—
Порывы суровые бурь.
Развѣяли бурные вихри собою
Цвѣтущее счастье мое.
И все жъ устоялъ я, какъ дубъ подъ грозою,
И грудью встрѣчаю ее.

Пѣсня.

Я женатъ и не для свѣта,—
Для меня жена моя,
За душой одна монета,—
Но ея не занялъ я.
Въ долгъ ничѣмъ я не ссужаю
Изъ сосѣдей никого,
Да и самъ не занимаю
У сосѣда ничего.
Не бывалъ я господиномъ
И слугой ни для кого,—
Но съ мечомъ моимъ стариннымъ
Не страшусь я ничего!
Пусть мой голосъ мало значитъ,
Пусть живу я бѣднякомъ—
Обо мнѣ никто не плачетъ.
Я не плачу ни о комъ!

Неровня.

За долиною той старый Робинъ живетъ,
И ему ото всѣхъ по заслугамъ почетъ.
И земель, и казны вдоволь есть у него.
Но красавица дочь мнѣ дороже всего.

Хороша, какъ весенняя зорька, она
И, какъ вечеръ весенній, кротка и ясна,—
Беззаботна, какъ лань,—и для сердца милѣй,
Чѣмъ сіяніе дня для печальныхъ очей...

Но не пара мы съ ней: древнимъ именемъ гордъ,
Старый Робинъ отецъ—по рожденію лордъ,
Я же сынъ бѣдняка и, любовь затая,
Знаю: въ этой любви смерть таится моя.

И не радостно свѣтъ я встрѣчаю дневной
И забвенія нѣтъ мнѣ порою ночной,
Я какъ призракъ брожу, не могу я уснуть,
И щемящая боль надрываетъ мнѣ грудь.

Будь не графская дочь, а проста и бѣдна—
Улыбнулась бы мнѣ, пожалѣла бъ она;
И для счастья тогда не хватило бъ рѣчей,
Какъ въ рѣчахъ не излить мнѣ печали моей!

Лордъ Грегори.

Бушуетъ буря, ночь темна
И у твоей двери,
Я одинока и грустна
Стою, лордъ Грегори.

Меня отринула семья
За то, что я люблю!
Пусть не любима больше я —
О жалости молю.

Ты помнишь тѣнь густыхъ аллей,
Гдѣ, внявъ твоей мольбѣ,
Впервые я въ любви своей
Открылася тебѣ?

Мнѣ въ душу рѣчь твоя лилась,
И вѣрности полна—
Тебѣ навѣки въ этотъ часъ
Довѣрилась она.

Но ты жестокъ и лживъ душой,
Слова твои—обманъ!
О, разразись же надо мной
Ты смертью, ураганъ!

Казни меня, меня одну
Небесною стрѣлой.
И отпусти его вину
Предъ Господомъ и мной!

Дженни

(баллада).

Дженни платье разорвала:
Прицѣпился колосъ;
За собой она слыхала
Въ полѣ чей-то голосъ.

Дженни бѣдная бѣжала
Все по бездорожью,
Дженни платье разорвала,
Пробираясь рожью.

Если кто встрѣчалъ кого-то
Въ полѣ знойнымъ лѣтомъ—
Что кому-то за охота
Толковать объ этомъ?

Если кто во ржи кого-то
Цѣловалъ случайно—
Не для насъ объ томъ забота
И не наша тайна.

Веселый вдовецъ.

Женился я осеннимъ днемъ:
Безумью нѣтъ предѣла,
И оттого-то сентябремъ
Жена моя глядѣла.

Я четверть вѣка прожилъ съ ней.
Былъ мужемъ терпѣливымъ,
Но ни одинъ изъ этихъ дней
Не назову счастливымъ.

Влачилъ я долго бытіе,
Томяся и страдая,
Но смерть похитила ее,
Меня освобождая.

Витаетъ духъ ея въ аду,
Паритъ-ли въ горнемъ мѣстѣ—
Куда угодно я пойду,
Но лишь не съ нею вмѣстѣ.

Въ могилѣ прахъ похороненъ,
По милости Господней,
А духъ ея? Не нуженъ онъ
И чорту въ преисподней!

Когда-жъ грозѣ внимаю я,
Потрясшей стѣны дома—
Мнѣ голосъ слышится ея
Среди раскатовъ грома.

Когда сгустятся облака
Въ темнѣющей лазури—
Ея душа опять близка
Моей—въ порывахъ бури!

1895 г.

Изъ Роберта Гамерлинга.

Голосъ истины.

(Сонетъ).

Пусть голосъ истины побѣдно
Надъ міромъ грянетъ, какъ раскатъ,
Пусть онъ гудитъ трубою мѣдной,
Иль раздается, какъ набатъ—

Призывъ его пройдетъ безслѣдно:
Борьбы и ненависти адъ,
Шипѣнье зависти зловредной—
Его на время заглушатъ.

Но чѣмъ озлобленнѣе крики,
Чѣмъ громче ревъ упорно дикій—
Тѣмъ онъ скорѣе отшумитъ;
А слово истины спокойной
Звучитъ разумно и достойно,—
Оно въ грядущемъ побѣдитъ.

Лилея и Лебедь.

Эмблема чистоты, прекрасная лилея,
Ты—лебедь межъ цвѣтовъ, поникла надъ ручьемъ
Ты въ одиночествѣ мистическомъ своемъ,
Небесную мечту въ душѣ своей лелѣя.

О, лебедь, свѣтлыхъ водъ роскошнѣйшій цвѣтокъ,
Вдали отъ суеты, одною думой полный,
Серебрянымъ крыломъ ты разсѣкаешь волны,
Въ своихъ возвышенныхъ мечтаньяхъ одинокъ.

Чей духъ, исполненный стремленіемъ высокимъ,
Его дорогою свободною ведетъ—
Какъ лебедь, какъ цвѣтокъ на лонѣ свѣтлыхъ водъ—
Тотъ долженъ навсегда остаться одинокимъ.

1895 г.

Два облака.

Свободно, радостно, легко,
Разставшись съ тучками другими,
Въ эфирѣ синемъ высоко
Несется облако надъ ними.
Игрой лучей озарено
И яркимъ пурпуромъ блистая,
Въ лучахъ заката словно тая,
Исчезнетъ медленно оно.

За нимъ по небу голубому
Другое облако плыветъ;
Его, какъ первое, влечетъ
Къ красѣ и къ солнцу золотому,—
Но отгорѣть не суждено
Ему съ вечерними лучами:
Надъ нивой горькими слезами
Прольется дождикомъ оно.

1895 г.

Звѣзды.

Много звѣздъ во мракѣ ночи
Мнѣ сіяетъ съ вышины;
Много звѣздъ чаруетъ очи
Изъ подводной глубины.

Высоко на небѣ чистомъ
Льется ихъ волшебный свѣтъ;
Но къ созвѣздьямъ золотистымъ
Для меня дороги нѣтъ.

Глубоко въ пучинѣ водной
Блещутъ звѣзды сквозь туманъ,
Но, увы, ихъ свѣтъ холодный—
Только призракъ и обманъ.

Символъ счастія жестоко,
Звѣзды, вами воплощенъ:
Все небесное—далеко,
Все земное—тѣнь и сонъ.

1895 г.

* * *

Если-бы сонмы плывущихъ въ эфирѣ міровъ
Душу имѣли—въ теченіи многихъ вѣковъ
Правильный ходъ совершать не могли бы свѣтила.
Въ тѣхъ, кто душою страдать и бороться привыкъ—
Въ тѣхъ изсякаетъ безвременно жизни родникъ:
Долго живетъ лишь слѣпая, бездушная сила.

1895 г.

Подъ гнетомъ.

Бываютъ дни, когда на всемъ просторѣ
Мы чувствуемъ необъяснимый гнетъ,—
Какъ будто бы невѣдомое горе
И тайный страхъ природу всю гнететъ.

Не дышетъ лѣсъ; текутъ безшумно воды;
На всемъ лежитъ уныніе и мгла;
И кажется, что жизнь самой природы
Въ предчувствіи тяжеломъ замерла.

И ждешь среди зловѣщаго молчанья:
Когда-жъ гроза надъ міромъ прогремитъ
И потрясетъ его до основанья,
Иль сердце намъ собой испепелитъ?..

1895 г.

Сонетъ.

Пришла весна; дарамъ ея богатымъ
Дивилися, ловя ихъ на расхватъ.
Несла она: даръ пѣнія — пернатымъ,
Лазурь — волнѣ и розамъ — ароматъ.

Пришла весна, и вотъ, съ ея возвратомъ,
Одѣлись вновь листвой зеленой — садъ,
И даль луговъ — въ весенній свой нарядъ;
Повѣяло красой и ароматомъ.

Когда-жъ поэтъ, весною обдѣленъ,
Предсталъ предъ ней, — промолвила царица:

— Не многимъ здѣсь былъ каждый награжденъ,
Тебѣ, пѣвецъ, даровъ моихъ копница:
Разлитые кругомъ красу и свѣтъ —
Ты соберешь въ душѣ своей, поэтъ!

1895 г.

Къ пташкѣ.

О, не пой, пѣвунья пташка,
Подъ моимъ окномъ!
Замолчи, — мнѣ слышать тяжко
Пѣсню о быломъ.

И къ томящимся въ неволѣ
Ты не прилетай,
Жажду счастья, жажду воли
Въ нихъ не пробуждай.

Не спускайся надъ дерновой
Насыпью могилъ
И не пой о жизни новой —
Тѣмъ, кто опочилъ...

Избѣгай страдавшихъ тяжко,
Тѣхъ, кто нелюбимъ:
Не садись, пѣвунья-пташка,
Подъ окномъ моимъ!

1895 г.

Изъ старыхъ мелодій.

Пусть тобой внушены пѣснопѣнья—
Отъ тебя имъ внимать я не въ силахъ:
Эти пѣсни въ устахъ твоихъ милыхъ—
Сокровеннаго полны значенья.

И мое колебанье понятно:
На призывы я жажду отвѣта,
Но стрѣлу моихъ пѣсенъ обратно
Направляешь ты въ сердце поэта.

* * *

Солнце любитъ нѣжный ропотъ набѣгающей волны,
И порой ее ласкаетъ съ недоступной вышины;
Для нея оно не кинетъ голубой небесный сводъ,
Но глубоко образъ солнца отраженъ лазурью водъ.

1895 г.

Звукъ и слово.

Обрывки тучъ несутся,
Плыветъ созвѣздій рой,
И жаворонки вьются
Въ лазури голубой.

Влекомы вдохновеньемъ
Къ далекимъ небесамъ,
Небеснымъ пѣснопѣньямъ,
Они внимаютъ тамъ.

И вѣсти о чудесномъ
Намъ каждый принесетъ —
О дольнемъ, о небесномъ —
Съ заоблачныхъ высотъ.

И въ звонкихъ переливахъ
Разскажетъ ихъ ручьямъ,
И колосу на нивахъ,
И вѣтру, и цвѣтамъ.

Шепнетъ волнѣ залива
 О томъ же лунный свѣтъ.
Услышитъ ихъ пытливо
 Внимающій поэтъ,—

И тайной неземною
 Напѣва овладѣвъ,
Онъ музыкою слова
 Переведетъ напѣвъ.

1895 г.

Ѳалесъ.

Забывъ о земномъ, о его суетѣ и тревогѣ,
Любуясь сіяніемъ звѣздныхъ небесъ,
Споткнулся и въ лужу упалъ на дорогѣ Ѳалесъ.

И тутъ, обгоняя его по дорогѣ,
Вскричала торговка: «Ты лучше глядѣлъ бы подъ ноги,
О, мудрый учитель, чѣмъ звѣзды считать въ небесахъ!»
А такъ какъ на свѣтѣ не мало подобныхъ торговокъ,
Отвѣтъ ея многимъ покажется ловокъ,
А мудрый Ѳалесъ, безъ сомнѣнья, смѣшонъ въ ихъ глазахъ?
И все же скажу я: покуда намъ сѣтью алмазной
Сіяютъ свѣтила на небѣ высокомъ—всегда
Мыслителя взоры скорѣй обратятся туда,
 Чѣмъ къ лужѣ глубокой и грязной.

1895 г.

Разладъ.

Я не вправѣ любить, и забыть не могу,
И терзаюсь душой я на каждомъ шагу;
Быть съ тобою нельзя, а разстаться нѣтъ силъ,
Безъ тебя-же весь міръ—безнадежно унылъ;
О забвеньи моля, проклиная недугъ,
Я ищу этихъ жгучихъ и сладостныхъ мукъ.

Я забыть не могу и не смѣю любить.
Ни порвать, ни связать эту тонкую нить!
И разлуки съ тобой я не въ силахъ снести
И нельзя намъ идти по тому-же пути.
Безпощадной судьбы ужъ таковъ приговоръ;
Кто пойметъ, кто рѣшитъ этотъ тягостный споръ?

И во мракѣ ночей и въ сіяніи дня
Та-же дума крушитъ и терзаетъ меня:
Быть съ тобою нельзя, а разстаться—нѣтъ силъ,
И недугъ роковой мнѣ мучительно милъ.
Я забыть не могу, и не вправѣ любить.
Чѣмъ рѣшу я вопросъ? какъ съ собою мнѣ быть?

1895 г.

Псаломъ жизни.

О, радостный лучъ бытія,
Ты блещешь зарею багряной
Надъ полною тайны нирваной,
Сливаясь съ пучиной ея!
О, волны житейскаго моря,
Волненье борьбы и побѣдъ,
И отдыхъ—работѣ во слѣдъ,
Порывы блаженства и горя!

Я съ каждымъ цвѣткомъ полевымъ
Хотѣлъ бы воскреснуть весною,
И съ каждой вечерней звѣздою
Подъ сводомъ сіять голубымъ.
И съ облакомъ плыть надъ долиной,
И каждому вторить ручью,
И въ пѣснѣ излить лебединой
Хотѣлъ бы я душу мою!

Хотѣлъ бы я въ солнечномъ блескѣ
Съ пучиною слиться морской
И съ нею же—пѣной сѣдой
Дробиться и въ шумѣ, и плескѣ...
Хотѣлъ бы съ громадою тучъ
Я вихремъ упасть на долины,
И рухнуть, какъ дубъ, чьей вершины
Коснулся божественный лучъ.

1895 г.

Завѣщаніе.

Пламя люблю я, когда съ высоты
Свѣтитъ оно яркой россыпью звѣздною,
Молніи блескомъ сіяетъ надъ бездною
Намъ съ высоты.

Воздухъ люблю я, свободный эѳиръ!
Въ немъ, высоко надъ скалистыми кручами,
Носятся вихри съ орлами и тучами,
Зыбля прозрачный эѳиръ.

Волны люблю я—въ теченьѣ своемъ
Вѣчно шумливыя, вѣчно бѣгущія,
Къ каждому берегу ласково льнущія,
Въ вѣчномъ теченьѣ своемъ.

Землю, гдѣ вѣетъ отрадный покой,
Сердцемъ люблю я! По лугу зеленому
Сладостно взору бродить утомленному,
Сладостнѣй—вѣчный покой.

Имъ завѣщаю я душу и прахъ:
Пламени—духъ мой, эѳиру безбрежному—
Душу мою, океану мятежному—
Сердце, землѣ же—мой прахъ.

Духу огнемъ пламенѣть суждено,
Жадно стремиться душѣ къ безконечному,
Сердцу—отдаться волненью вѣчному,
Праху—истлѣть суждено.

1895 г.

Служеніе красотѣ.

(Сонетъ).

Кто сдѣлался жрецомъ добра и красоты,
Тотъ полный горечи извѣдаетъ напитокъ,
И встрѣтитъ на пути возвышенныхъ попытокъ
Шипѣнье зависти и ропотъ клеветы.

Кого вѣнчаютъ лавры и цвѣты—
Находитъ въ нихъ порой и тернія избытокъ,
И откровенія развертывая свитокъ,
Слезою платитъ онъ за свѣтлыя мечты.

Ему, парящему въ недостижимыхъ грезахъ,
Какъ жизнь его порою ни полна—
Не суждено покоиться на розахъ:
Избранникъ музъ, кѣмъ смерть побѣждена,
Предъ игомъ жизни, чуждымъ и наноснымъ,
Склоняется челомъ побѣдоноснымъ.

1895 г.

Сила любви

(Macht der Minne).

Есть ли гдѣ такая сила,
Чтобы сердцу запретила,
Въ упоеніи тревожномъ,
Жить мечтой о невозможномъ,—

И, въ душѣ лелѣя свято
Милый образъ, безъ возврата,
Навсегда отдаться власти
Роковой, безумной страсти?

Не одинъ, судьбы избранникъ
Передъ ней—невольный данникъ—
Въ жизни этой преклонялся,
Умирая—улыбался.
Сколько славныхъ и безвѣстныхъ
Навсегда въ могилахъ тѣсныхъ,
Повинуясь этой силѣ,
Отъ страданій опочили!

Сколько ихъ—безумья полны
Черезъ пламя, черезъ волны
Вмѣстѣ шли въ адъ безмолвный,
Отдавая жизнь и кровь!
Неизбѣжна ты, могила,
Плодотворна—жизни сила,
Но обѣихъ побѣдила
Всемогущая любовь.

1895 г.

Орелъ.

Тѣшитъ орла безграничный небесный просторъ.
Въ вѣчномъ стремленьѣ къ чертогамъ лазурнымъ,
Смѣло купаясь въ сіяньѣ пурпурномъ,
Въ солнце безстрашно вперяетъ онъ взоръ.

Даромъ сугубымъ природа его надѣлила,
Щедро его одарила она:
Зоркость орлиному взору дана,
Мощнымъ крыламъ—небывалая сила.

Крылья такія же духу природа даетъ,
Но безъ орлинаго смѣлаго ока.
Если же взоромъ онъ въ высь проникаетъ глубоко,
Нѣтъ ему крыльевъ, чтобъ съ ними достигнуть высотъ.

1895 г.

Ночныя вѣянія.

Чу! вершина ели
Шепчетъ въ полуснѣ,
Словно прошумѣли
Крылья въ вышинѣ...

Что пророчитъ шопотъ—
Тайною полна,
И сама не знаетъ
Этого она.

Такъ въ душѣ порою
Трепетный испугъ,
Тихія созвучья—
Возникаютъ вдругъ...

Что въ нихъ: близость горя?
Радость торжества?
Смутно въ насъ глаголетъ
Голосъ божества.

1895 г.

Одиночество.

Безмятежнымъ все дышетъ покоемъ,
Надъ землею—волшебные сны;
Только море немолчнымъ прибоемъ
Бьется въ берегъ при свѣтѣ луны.

Тамъ, у берега, чудная роза
Распустилась съ возвратомъ весны
Къ ней несутся: влюбленная греза
И вечерніе вздохи волны.

И вздыхаетъ волна:—Еслибъ стала
Я жемчужною каплей росы—
Я слезою бы чистой блистала
Въ сердцевинѣ у розы-красы.

Но напрасно во мракѣ ей внятно
Все о томъ же лепечутъ струи:
Ей томленье мое непонятно,
Непонятны ей вздохи мои.

И влекутъ меня звѣзды-царицы;
На прозрачную влагу мою
Проливаютъ онѣ—чаровницы—
Золотаго сіянья струю.
Но, увы! безконечно далеко
Отъ меня алой розы уста
И сіяетъ изъ бездны глубокой
Недоступныхъ свѣтилъ красота!—

1895 г.

Жрецъ богини Герты.

(поэма)

На сѣверномъ прибрежьѣ, у свинцовыхъ
Шумящихъ волнъ, въ тѣни вѣтвей сосновыхъ
Богини жрецъ задумчиво сидѣлъ.
И странныхъ думъ кружилась вереница
Въ его мозгу, и взоръ его горѣлъ...
Невдалекѣ богини колесница

Виднѣлася, передъ которой всѣ
Склонялися, хотя никто доселѣ—
И самые жрецы—не лицезрѣли
Богини ликъ во всей его красѣ:
Алтарь ея, скрываемъ темной тканью,
Былъ недоступенъ смертныхъ созерцанью.

Но юнаго жреца все существо
Безуміе желанья охватило,
Оно росло съ неудержимой силой:
Онъ хочетъ знать и видѣть божество!

Онъ поднялся, и къ алтарю богини,
Не трепетнымъ хранителемъ святыни
Приблизился,—но, блѣденъ и суровъ,
Какъ дерзкій воръ, сорвалъ съ нея покровъ!
И что-же?.. Тамъ, гдѣ, тайну нарушая,
Не стаивалъ досель еще никто—
Лишь пустота зіяла роковая,
Зіяло грозное *ничто*.

Но взоръ его все ярче разгорался
И въ пустоту проникнуть онъ старался,
А тьма кругомъ зіяла все мрачнѣй,
Зловѣщѣе; какъ хлопья снѣговыя,
Передъ глазами искры огневыя
Кружилися и вихрилися въ ней...
А онъ глядѣлъ. Предъ нимъ—безумно дики
Являлися чудовищные лики
И странныя видѣнья безъ числа,
Дышавшія презрѣніемъ и гнѣвомъ...
И ширилася бездна и росла
У ногъ его, готовясь страшнымъ зѣвомъ
Пожрать его и цѣлый міръ... И онъ
Отпрянулъ вдругъ, и, страхомъ ослѣпленъ,
Онъ ринулся въ бушующее море.

Тогда жрецы воскликнули:—О, горе!
Онъ палъ, огнемъ священномъ опаленъ,
Приблизившись къ своей богинѣ Гертѣ!
Никто не зналъ, что самъ на встрѣчу смерти
Онъ кинулся безумно съ высоты—
Испуганъ, ослѣпленъ зіяньемъ пустоты.

Изъ В. Гюго.

Поэтъ.

Sa parole luit comme unfeu...

Держа въ рукахъ святую лиру,
Проходитъ онъ, далекій міру
И чуждый дольней суеты.
Вся жизнь его—лишь трудъ суровый,
Его чело вѣнокъ лавровый
Собой вѣнчаетъ, не цвѣты.

Земная скорбь, земныя нужды
Душѣ возвышенной не чужды,
Поэтъ лишь радостей лишенъ.
Безсмертною увѣнчанъ славой,
Слезой отчаянья кровавой
За эту славу платитъ онъ.

Онъ все клянетъ: и радость нашу,
И опьяняющую чашу,
Гдѣ въ нектарѣ таится ядъ.
И жизнь, и свѣтъ, и вдохновенье,
И тѣ небесныя видѣнья,
Что сердцу счастья не сулятъ.

Онъ прозрѣваетъ вѣщимъ окомъ
Все, что открылося пророкамъ,
Но самъ онъ—тайна для людей.
Небесъ чистѣйшіе восторги
И упоенье дикихъ оргій—
Постигнулъ онъ душой своей.

Когда враждой горитъ полъ-міра,
Вѣщать слова любви и мира
Его порою муза шлетъ.
И онъ сомнѣнія не зная,
Какъ Моисей съ высотъ Синая,
Нисходитъ съ пламенныхъ высотъ.

И жгутъ слова его, какъ пламень,
И имъ внимаетъ даже камень,
И сила духа не мертва!
Онъ смотритъ вдаль спокойнымъ окомъ,
И на челѣ его высокомъ
Сіяетъ отблескъ Божества.

* * *

Quand l'impie a porté l'outrage au sanctuaire...

Когда осквернена святыня дерзновенно—
Испуганный народъ спѣшитъ покинуть храмъ,
И только вѣрный жрецъ богини неизмѣнно
Еще восторженнѣй склоняя тамъ колѣна,
Приноситъ ей мольбы и куритъ фиміамъ.

Свобода Франціи, и ты лежишь во прахѣ,
Но съ вѣрой прежнею, въ благоговѣйномъ страхѣ
Спѣшатъ жрецы твои къ разбитымъ алтарямъ...

1894 г.

Сожалѣніе.

Недолго длилися счастливыя мгновенья.
Въ объятьяхъ счастія на мигъ забывшись сномъ,
Обмануты мы имъ, какъ жертва обольщенья,
Что видитъ вдругъ, въ минуту пробужденья,
Себя покинутой тайкомъ.

Съ тѣхъ поръ грустя о немъ и на пути встрѣчая
Лишь блескъ и мишуру веселья одного —
Съ воспоминаніемъ утраченнаго рая,
Блуждаемъ мы отъ края и до края,
Не находя его.

Я твердо оттолкну напитокъ наслажденья,
Соблазну я скажу:—Дары твои—позоръ!
На смѣну счастію явилось сожалѣнье,
А ты во слѣдъ себѣ оставишь угрызенье
И роковой укоръ.

Печаль души своей я не открою міру
И не повѣдаю испытаннымъ друзьямъ.
Въ часы унынія отъ нихъ я прячу лиру,
Съ улыбкою веселому ихъ клиру
Я вторю самъ.

Не каждый ли изъ нихъ страдаетъ одиноко?
Но вмѣсто жалобы отъ нихъ мы слышимъ смѣхъ
Не всѣ ли крестъ несутъ безъ стона и упрека,
Страданія въ душѣ своей глубоко
Тая отъ всѣхъ?

Зачѣмъ стыдимся мы своихъ воспоминаній?
Зачѣмъ отъ нашихъ слезъ краснѣемъ предъ собой,
Какъ будто наша жизнь для вѣчныхъ ликованій—
Не для борьбы и тяжкихъ испытаній—
Дана судьбой.

Да, счастье отцвѣло, и было бы ошибкой
Вновь ожидать его, но въ сладостныхъ мечтахъ
Являясь предо мной какой-то тѣнью зыбкой,
Оно мнѣ кажется—сіяющей улыбкой
На дорогихъ устахъ.

1894 г.

Муза.

Я былъ еще дитя, но муза—чаровница
Явилась мнѣ, и указала цѣль.
„Дары мои—со мной!“ промолвила царица,
„Бери любой изъ нихъ. Вотъ—звонкая цѣвница,
Вотъ скромная свирѣль.

„Но я молю тебя: бѣги соблазновъ міра,
Гдѣ зло царитъ, какъ грозный властелинъ,
Гдѣ люди признаютъ лишь ложнаго кумира!
Когда настроена высокимъ строемъ лира—
Пусть вторитъ ей безмолвіе долинъ.

„Въ уединеніи живи съ душою ясной,
Свѣтильникъ свой укрой въ его тѣни,
Далеко отъ толпы льстецовъ подобострастной,
Отъ злобной зависти, отъ похвалы пристрастной—
Не лучше ли окончить дни?

„Надъ дольнымъ и земнымъ твой духъ паритъ высоко,
Ему нужна гармонія во всемъ,
Что окрыляетъ духъ и вдохновляетъ око;
И въ тайны бытія проникнетъ онъ глубоко—
Пытливымъ сердцемъ и умомъ.

„Скользя по озеру вечернею порою
И убаюканный движеньемъ челнока,
Любуяся лучей причудливой игрою,
И видя огонекъ, блеснувшій подъ горою,
И отраженныя волнами облака.

„Вдыхая нѣжное цвѣтовъ благоуханье,
Внимая, какъ шумятъ зеленые лѣса,
Постигнешь ты красу и прелесть мірозданья;
Поймешь душою ты и дивное молчанье,
И тайныя природы голоса.

„А утромъ на зарѣ, съ сіяніемъ денницы,
Напоминаніемъ о жизни трудовой—
Ворвется въ комнату простая пѣсня жницы,
И въ рощѣ запоютъ проснувшіяся птицы
Межъ ароматною зеленою листвой.

„Вдали отъ суеты, въ величьи одинокомъ
Тебѣ откроется священный идеалъ.
Явись же тѣмъ бойцомъ, тѣмъ пламеннымъ пророкомъ,
Который все провидя вѣщимъ окомъ—
Въ пустынѣ голосъ возвышалъ!“

Такъ говорила ты, о муза, о царица!
И все жъ я не ушелъ отъ шумной суеты,
Вокругъ меня—борьба, измученныя лица,
Вокругъ меня кипитъ, волнуяся, столица,—
И нѣтъ простора мнѣ для творческой мечты.

Но я не одинокъ въ борьбѣ моей и горѣ,
Пусть этотъ міръ бездушенъ, золъ и пустъ,
Пускай вокругъ меня кипитъ людское море—
Всѣ радости мои—въ одномъ любимомъ взорѣ,
И всѣ мечты—въ улыбкѣ милыхъ устъ.

1894 г.

Ожиданіе.

(Посвящается О. К. Нотовичу).

I.

Ночью бурной и беззвѣздною
Даль морская темной бездною
Глазу кажется. Валы,
Въ упоеньѣ злобы мстительномъ,
Бьются съ ревомъ глушительнымъ
У подножія скалы.

И съ тревогой возрастающей,
Пѣснѣ бури надрывающей,
Внемлютъ жены рыбаковъ.
Ихъ преслѣдуютъ видѣнія:
Рифы грозные, крушенія...
Гибель смѣлыхъ рыбаковъ...

Словно чайки надъ утесами,
Надъ песчаными откосами
Забѣлѣли ихъ чепцы.
И томима думой горькою,
Плачетъ мать... Съ румяной зорькою
Возвратятся-ли пловцы?

Тьма глухая, непроглядная!
Ни одна звѣзда отрадная
Не сіяетъ сквозь туманъ.
И тоскою безъисходною,
Вмѣстѣ съ влагою холодною,
Обдаетъ ихъ ураганъ.

Иногда съ глухими стонами,
Шумомъ вѣтра заглушенными,
Непонятныя слова
Шепчутъ: дочь осиротѣвшая,
И невѣста поблѣднѣвшая,
И печальная вдова...

Такъ, томяся ожиданіемъ,
Внемля бури завываніямъ,
Часто бодрствуетъ село.
И сіяютъ въ ночи мрачныя,
Какъ звѣзда, огни маячные
Деревушки Сенъ-Мало.

II.

И многимъ, сквозь сумракъ и тучи,
Подобною ночью беззвѣздной,
Скользящій надъ темною бездной—
Являлся «голландецъ летучій».

Пусть жалобно плачется море—
Все тихо на суднѣ проклятомъ,
Зловѣщимъ покоемъ объятомъ,—
Но встрѣчнымъ—погибель и горе!

Онъ былъ у полярныхъ окраинъ,
И вмигъ онъ явился оттуда,
Имъ правятъ: предатель Іуда
И страхомъ терзаемый Каинъ.

Проходятъ вѣка чередою,
Но такъ-же, во мракѣ ненастья,
Скользитъ онъ, и смерть и несчастье
Повсюду влача за собою.

Какъ сердце пловцовъ ни отважно—
Оно замираетъ тоскою,
И колоколъ самъ надъ кормою
Уныло звонитъ и протяжно...

Безмолвнаго ужаса полный,
Несется онъ полночью бурной,
И, кажется, кровью пурпурной
Окрашены самыя волны...

Рыдаетъ и плачется море,
И всѣмъ роковое видѣнье.
Пророчитъ погибель и горе,—
И нѣтъ для несчастныхъ спасенья!

III.

Надъ утесами суровыми,
Словно залпами громовыми,
  Разразился ураганъ.
Море стонетъ, будто скованный,
Злою силой заколдованный
И поверженный титанъ.

А рыбачки ждутъ въ волненіи,
Не мелькнетъ-ли въ отдаленіи
  Лодка старая во мглѣ?
Вспоминаютъ о чудовищахъ
Дна морского, о сокровищахъ,
  О зловѣщемъ кораблѣ...

Дождь и мракъ... Валы огромные
Омываютъ камни темные,
  Но свѣтлѣютъ небеса.
И, въ началѣ чуть примѣтная,
Забѣлѣла предразсвѣтная,
  На востокѣ полоса.

Исчезаетъ мгла туманная,
Скоро вновь заря румяная
  Улыбнется съ высоты.
Легче - муки ожиданія,
Страхъ смѣнили упованія,
  Проясняются черты.

Что-же тамъ, за далью зыбкою,
Показалось имъ?.. Ошибкою
  Это не было? Въ тоскѣ
И въ томительномъ сомнѣніи
Ждутъ онѣ... Еще мгновеніе—
  Парусъ, парусъ вдалекѣ!

1894 г.

Невѣста.

Средневѣковая баллада.

Подъ знамена герцога Бретани,
Въ ожиданьѣ схватокъ боевыхъ,
Все стеклось, отъ Нанта до Мортани;
Монсеньоръ повелъ на поле брани
Самъ дружины воиновъ своихъ.

Съ нимъ—краса и гордость обороны
Много юныхъ рыцарей лихихъ,
Ратники, вассалы и бароны,—

И среди защитников короны,
На войну ушелъ и мой женихъ.

Литавристомъ служитъ онъ въ отрядѣ,
Съ виду-же на рыцаря похожъ.
И въ своемъ воинственномъ нарядѣ,
Съ гордою отвагою во взглядѣ —
Словно принцъ, надмененъ и пригожъ.

О создатель, будь ему защитой
И своею властью охрани!
Онъ—повсюду съ герцогскою свитой;
За него передъ святой Бригитой
Я молилась ночи всѣ и дни.

Я просила нашего аббата
Помолиться Господу о немъ,
И, тоской глубокою объята,
Обѣщанье выполняя свято,
Двѣ свѣчи зажгла предъ алтаремъ.

Безутѣшной горестью томима,
На груди ношу я съ этихъ поръ
Ладонку, подарокъ пилигрима;
На груди моей она хранима—
И ея чужой не видитъ взоръ.

О себѣ ни слова извѣщенья
Не прислалъ за это время другъ.
О, какъ длится каждое мгновенье!
Но, увы, въ его распоряженьѣ
Нѣтъ пажей и нѣтъ усердныхъ слугъ...

Съ монсеньоромъ герцогомъ Бретани,
Посреди товарищей своихъ,
Послѣ долгихъ, тяжкихъ испытаній,
Наконецъ-то, съ поля славной брани
Возвратится нынче мой женихъ!

Нашими дружинами разбитый,
Врагъ бѣжалъ въ безсиліи своемъ.
Славою безсмертною покрытый,
Монсеньоръ, среди блестящей свиты,
Въ городъ нашъ вступаетъ съ торжествомъ

Поспѣшимъ! Веселыми толпами
Къ площади стекается народъ.
Празднуя побѣду надъ врагами,
Городъ нашъ украсился цвѣтами
И гостей давно желанныхъ ждетъ.

Мой женихъ всегда при монсеньорѣ.
Горяча, красиваго коня,
Въѣдетъ онъ въ блистающемъ уборѣ,
И съ улыбкой нѣжною во взорѣ,
Онъ въ толпѣ привѣтствуетъ меня..

Радостью полна я непонятной...
Мѣста нѣтъ сомнѣніямъ былымъ..
Чернокудрый, молодой и статный,
Какъ хорошъ въ своей одеждѣ ратной
Будетъ онъ! Какъ я горжуся имъ!

А вчера, встрѣчаясь, прошептала
Мнѣ цыганка голосомъ глухимъ,
(Я въ душѣ смутилася сначала!) —
Что въ отрядѣ монсеньора стало
Литавристомъ менѣе однимъ...

Но вѣдь я за цѣлый годъ разлуки
Такъ молилась, такъ ждала его!
Я такой не вынесла-бы муки...
Чу! я слышу радостные звуки,
Ликованье, клики, торжество!

Громче бой раздался барабанный,
Тысячи народа вдоль стѣны...
Наступаетъ этотъ мигъ желанный.
Сколько дамъ въ одеждѣ златотканной,
Какъ дома цвѣтами убраны!

Извиваясь лентою, дружины
Двинулись рядами къ площади.
Копьеносцы, съ виду исполины,
Уроженцы сѣверной равнины,
И стрѣлки изъ лука—впереди.

Вотъ бароны знатные со свитой...
Вотъ ряды развернутыхъ знаменъ...
Вотъ герольды... Золотомъ расшитый,
Древній гербъ Бретани знаменитый
На колетѣ ихъ изображенъ.

Предъ нимъ трепещутъ изувѣры!
Вотъ бойцы, защитниками вѣры
Бывшіе отъ юношескихъ лѣтъ.
Рыцари-монахи, тампліеры,
Отреченья давшіе обѣтъ.

Вотъ и герцогъ... Темнозолотистый
Конь его ѣздой разгоряченъ,
Гордостью блистаетъ взоръ лучистый...
Звуки трубъ! Въѣзжаютъ литавристы...
Наконецъ! Но, Боже, гдѣ-же онъ?...—

И невѣста, въ мукѣ безпредѣльной,
Тщетно ждетъ,—но вотъ они прошли...
Гаснетъ взоръ, блуждающій безцѣльно.
И она, поражена смертельно,
У дороги падаетъ въ пыли...

1894 г.

Сильфъ.

„Красотой и мечтательнымъ видомъ
Ты, подобная нѣжнымъ сильфидамъ—
Отвори мнѣ, о дѣва—краса.
Опустились ночные туманы
Пеленою своей на поляны,
На луга и лѣса.

«Я не странникъ, чей опытъ и разумъ
Увлекаютъ красавицъ разсказомъ
О святыняхъ и дальнихъ мѣстахъ;
Я не рыцарь въ блестящей кольчугѣ,
О которомъ въ стыдливомъ испугѣ
Грезятъ юныя дѣвы въ мечтахъ.

Ни сѣдой бородою пушистой,
Ни волною кудрей золотистой
Не могу я участье привлечь,
Не ношу ни меча я, ни четокъ,
Нравъ мой робокъ, застѣнчивъ и кротокъ,
Безъискуственна—рѣчь.

«Я—дитя голубого эфира,
Обитатель волшебнаго міра
И невѣдомой людямъ страны,
Я рождаюсь съ лучами денницы,
Съ первой лаской весны чаровницы,
Свѣтлоокой весны.

«Наблюдая за юной четою,
Я застигнутъ въ лѣсу темнотою,—
О, не будь безучастной къ мольбѣ!
Въ этомъ мракѣ таится угроза...

Слишкомъ поздно! Закрылась та роза,
Гдѣ пріютъ нахожу я себѣ.

«Всѣ мои легкокрылыя братья
Въ эту пору укрылись въ объятья
Нѣжныхъ лилій и царственныхъ розъ.
Только я осужденъ до разсвѣта
Здѣсь томиться во тьмѣ безъ просвѣта,
Полной смутныхъ угрозъ.

«Посмотри какъ я малъ и безсиленъ!
Все пугаетъ меня: даже филинъ
Заунывно кричащій въ дуплѣ.
Въ этотъ часъ на болотахъ унылыхъ,
На чернѣющихъ грозно могилахъ
Зажигается пламя во мглѣ.

«Въ этотъ часъ на далекомъ кладбищѣ
Мертвецы покидаютъ жилище
И блуждаютъ, тоскою полны.
Непонятною силой влекомы,
Появляются карлы и гномы
Изъ земной глубины.

«Я дрожу, я страдаю—за что же?
О позволь мнѣ на дѣвственномъ ложѣ
Отогрѣться твоемъ,—и гурьбой
Будутъ рѣять до самой денницы
Обольстительныхъ грезъ вереницы
Надъ тобой.

«Отвори мнѣ,—я дивно прекрасенъ,
Взоръ мой кротокъ, мечтательно ясенъ,
Рѣчь звучитъ, словно пѣсня любви.
Бѣлизною прозрачной своею
Затмѣваютъ въ долинахъ лилею—
Серебристыя крылья мои.

«Умоляю: не будь непреклонной;
Не боишься ли ты, что влюбленный
Подъ личиною сильфа къ тебѣ
Пробирается ночью ненастной,
Изливая всю душу въ опасной
И горячей мольбѣ?»—

Онъ заплакалъ,—но вдругъ изъ тумана
Чей то голосъ раздался нежданно,
Онъ какъ будто бы вторилъ ему,
И красавица, внявъ безъ сомнѣнья
Безъискусственной силѣ моленья,
Отворила окно,—но кому?..

1894 г.

Побѣдитель.

(Поэма).

I.

Съ дружиною своей оставилъ Карлъ Великій
Испанію, и ликъ могучаго владыки
Печалью омраченъ, и восклицаетъ онъ
Съ глубокою тоской:—О, гнусный Ганелонъ,
О, Ронсевальская зловѣщая долина!
Тамъ палъ въ бою Роландъ, а съ нимъ—его дружина:
Надежда Франціи и цвѣтъ ея сыновъ.—

Печаленъ государь, заплакать онъ готовъ,
При мысли о своей утратѣ безпримѣрной;
Всего лишился онъ, своей дружины вѣрной,
Двѣнадцати вождей, Роланда своего!
Но побѣдителю Испаніи всего
Невыносимѣй мысль, что сложатъ пѣснопѣнья
О понесенномъ имъ тяжеломъ пораженьѣ.

Такъ подвигался онъ. Къ концу второго дня
Достигнувъ Пириней высокаго гребня,
Остановился онъ, въ мечтанья погруженный,
И городъ вдалекѣ увидѣлъ, обнесенный
Высокою стѣной. У всѣхъ его воротъ
Двѣ башни грозныя оберегали входъ;
И были оловомъ залиты черепицы;
Въ стѣнахъ виднѣлися несчетныя бойницы,
А въ центрѣ—башенокъ зубчатыхъ кружева
Красой плѣняли взоръ. Изъ каждой амбразуры
Виднѣлись часовыхъ безмолвныя фигуры.
Налѣво искрилась морская синева,
Сливаясь съ синевой небесной на просторѣ.

И Карлъ заговорилъ съ сіяніемъ во взорѣ:
— Баварскій герцогъ, другъ, совѣтникъ мудрый мой!
Кто городъ выстроилъ, лежащій предо мной?
Вы, ратники мои, бойцы, герои, дѣти,—
Прекраснѣе его не видѣлъ я на свѣтѣ!
Предъ этимъ городомъ пускай мы простоимъ
Три пятилѣтія,—но будетъ онъ моимъ.
И герцогъ задрожалъ, хоть былъ недоступенъ
Для страха.—Государь, купите-же его:
Иного средства нѣтъ. Вашъ городъ неприступенъ,
Защитники его—бсарцы; сверхъ того
Въ немъ турокъ тысячи на бой вооруженныхъ,
А вашихъ храбрецовъ, больныхъ и утомленныхъ—
Не много государь. Они—слабѣе женъ,
Я болѣе другихъ годами удрученъ,
Но меньше всѣхъ усталъ. Вотъ правда безъ прикрасы:
Снарядовъ нѣтъ у насъ, изрублены кирасы,
Чуть живы лошади... Безумцемъ надо быть,
Чтобъ съ луками въ рукахъ твердыни осадить—
И молвилъ государь средь общаго молчанья:
— Но все-же города ты не сказалъ названья?—

— Забывчивость въ мои простительна года!
Нельзя, о государь, лишь побѣждать всегда,
Не наслаждаяся побѣдъ своихъ плодами.
Надъ нами сжальтеся! Измучены трудами
И покоривъ для васъ десятки городовъ,
Вернуться мы хотимъ подъ свой домашній кровъ.
Нашъ приступъ для врага могучаго не страшенъ;
Смѣяться съ высоты своихъ громадныхъ башенъ
Надъ нами будетъ онъ. Тамъ, въ этой сторонѣ,
Два хода вырыто, и первый ходъ подземный
Ведетъ въ окрестности, второй-же—къ сатанѣ?—
— Но какъ зовется онъ, тотъ городъ иноземный?—
Промолвилъ государь, беспечно разсмѣясь.
— Нарбонной!—По сердцу Нарбонна мнѣ пришлась,
Красавицы такой привычки не имѣю
Я мимо пропускать; и о корсажъ ея
Всѣ пальцы исколоть готовъ до крови я!—
Тогда онъ подозвалъ отважнаго сеньора
Де-Мондидье.—Мессиръ, нашъ бѣдный герцогъ скоро
Умретъ отъ старости,—но, благородный графъ,
Вы отличитеся, Нарбонну съ бою взявъ.
За это всю страну я вамъ даю въ награду...
На приступъ-же, скорѣй! Не надо длить осаду.—
Но графъ де-Мондидье отвѣтилъ:—Государь,
Теперь не биться мнѣ, какъ я бивался встарь,
Все тяготитъ меня: забрало и кольчуга,
Лекарство нужно мнѣ отъ тяжкаго недуга,
Ужъ скоро годъ, какъ я не раздѣваясь сплю,
Я нынѣ, государь, объ отдыхѣ молю.—

У императора не вырвалось движенья
Неудовольствія. Еще сеньоръ одинъ
Былъ вызванъ. Это былъ надменный палатинъ,
Гюго де-Котантенъ. Нарбонну во владѣнье
Я вамъ даю, мессиръ! Что-бъ ею обладать

Вамъ стоитъ лишь пойдти и съ бою городъ взять.—
Гюго де-Котантенъ сказалъ ему съ поклономъ:
— Нашъ пахарь во сто кратъ счастливѣй! Негодяй
День отработаетъ, и съ плугомъ заостреннымъ
Пройдется по полямъ, а ночь отдыхай!
А я и въ холода, и подъ палящимъ зноемъ
Ношу броню и мечъ, и барабаннымъ боемъ
Разбуженъ на зарѣ... Истерлись у сѣдла
Подпруги и ремни; удары безъ числа
Я наношу другимъ, и самъ ихъ получаю...
Нарбонной овладѣть другимъ предоставляю.—

Король задумался. Съ надеждою въ душѣ
Позвалъ онъ герцога нормандскаго, Ришэ.
— Сеньоръ, я знаю васъ, вы близки мнѣ и трону
Вы—храбрый дворянинъ... Хотите взять Нарбонну?—
— Ношу по праву я нормандскую корону,
Тому-же, кто ее носить имѣетъ честь,
Не надо, государь, на приключенья лѣзть.—

И графу гентскому тогда онъ молвилъ слово:
— Не даромъ ты рожденъ у берега морского,
Я помню, какъ сіялъ отвагой этотъ взоръ,
Когда въ сраженіи давали мы отпоръ
Насъ окружающимъ толпами сарацинамъ;
Нарбонну побѣди и будь въ ней властелиномъ.—
— Великій государь, безъ пищи и питья
Давно мы странствуемъ въ горахъ и по долинамъ.
Шатаясь по жарѣ, совсѣмъ испекся я.
Когда вернусь я въ Гентъ, меня жена моя
Способна не признать подъ этимъ чернымъ глянцемъ
И негромъ назоветъ,—никакъ ужь не фламандцемъ;
Любовникъ у нея завелся можетъ быть?...
Нѣтъ, я вернусь домой, гдѣ можно ѣсть и пить.—

— Такъ,—молвилъ государь,—фламандцамъ кушать надо;

Я это позабылъ... Но, Боже упаси,
О чемъ я думаю?... Евстафій де-Нанси,
Тебя не устрашитъ подобная преграда?
Какъ мощному орлу, тебѣ невѣдомъ страхъ.—
— Я болѣе похожъ на воробья въ кустахъ;
Къ себѣ, въ гнѣздо свое стремлюся я къ покою.
Я окруженъ солдатъ голодною толпою,
А для уплаты имъ нѣтъ мѣднаго гроша...
Нѣтъ, слава въ юности бываетъ хороша,
Теперь, когда я старъ и на рукахъ мозоли—
Опасности меня не привлекаютъ болѣ.—

II.

Конь императора о землю билъ ногой,
Густыя облака надвинулись грядой,
Но видя во главѣ гасконцевъ батальона,
Лихого рыцаря, Жераръ де-Руссильона,
Сказалъ онъ:—Ты похожъ на римскаго вождя
И прямо за бревно, не видя въ немъ гвоздя,
Берешься смѣло ты рукою обнаженной.
Иди и овладѣй прекрасною Нарбонной!—
Жераръ де-Руссильонъ угрюмый кинулъ взглядъ
На жалкій лоскутокъ отъ стяга боевого;
Онъ искоса взглянулъ на скакуна хромого
И на зазубрины своихъ желѣзныхъ латъ...
Ты смотришь,—молвилъ Карлъ,—какъ стряпчій изъ Сорбонны,
Какъ? Ты задумался надъ взятіемъ Нарбонны?
— Благодарю за честь, на родинѣ своей
Владѣю я землей.—И такъ, толпою всей
Судили рыцари о предстоящемъ дѣлѣ,

А горные ручьи среди дубовъ шумѣли.
Всѣхъ рыцарей своихъ, съ нимъ тысячи чудесъ
Свершавшихъ нѣкогда, окликнулъ Карлъ Великій,—
Всѣ отказалися отъ боя наотрѣзъ.
Тогда блеснулъ огнемъ орлиный взоръ владыки,
Въ негодованіи, привставъ на стременахъ,
И вынувъ острый мечъ, врагу внушавшій страхъ,
Могучій, какъ орелъ въ степи необозримой,
Воскликнулъ этотъ вождь, доселѣ непобѣдимый:
— Бароны Франціи, героевъ лучшій цвѣтъ,
Великіе вожди, отчизны исполины,
Чьи кости славныя усѣяли долины;
Роландъ и Оливье, зачѣмъ васъ больше нѣтъ?
Останься вы въ живыхъ—вы взяли-бы Нарбонну!
Вы не страшилися подвергнуться урону,
Не колебалися, считая каждый шагъ!
И я, при помощи побѣдоносныхъ шпагъ,
Завоевалъ бы міръ! Героя съ духомъ смѣлымъ
Гдѣ нынѣ я найду? Передъ великимъ дѣломъ
Они пугаются, ихъ не страшитъ позоръ.
Вы, шедшіе со мной до этихъ самыхъ горъ,
Бургундцы, рыцари Германіи, фламандцы,
Бретонцы дальніе, французы и нормандцы,—
Ступайте! Отъ моей особы навсегда
Я изгоняю васъ! Бѣгите безъ стыда
Отъ звуковъ моего воинственнаго рога,
Спѣшите по домамъ, открыта вамъ дорога.
Живите, спрятавшись постыдно отъ врага,
И будетъ ваша жизнь спокойна и долга.
Одинъ пойду я въ бой и я восторжествую!
Когда-жь вернетесь вы во Францію родную,
Гдѣ спросятъ обо мнѣ, отвѣтьте: До-того-ль
Намъ было? Отъ врага такъ скоро мы бѣжали
Въ канунъ сраженія, что нынче мы едва-ли
Припомнимъ, гдѣ тогда остался нашъ король?—

Такъ Франціи монархъ, Германіи властитель,
Экзархъ Равенны, вождь, державный побѣдитель,
Карлъ, по прозванію Великій, говорилъ,
И голосъ короля какъ громъ небесный былъ.
Молчали рыцари. Съ почтительнымъ поклономъ
Красивый юноша, полудитя на видъ,
Какимъ предсталъ царю Израиля Давидъ,
Явился передъ нимъ и молвилъ твердымъ тономъ
— Монарха Франціи Господь да сохранитъ!—
Для этихъ воиновъ въ бронѣ тяжеловѣсной,
Съ рапирой у бедра,—ничтожный и безвѣстный
Пришелецъ, чья рука, какъ дѣтская слаба,
Въ одеждѣ бѣдняка, безъ перьевъ и герба
И съ краскою, въ лицѣ застѣнчиво алѣвшей,
Казался дѣвушкой, мужской нарядъ одѣвшей.
— Съ какою просьбою являешься ты къ намъ?
Спросилъ его король, и молвилъ тотъ спокойно:
— Великій государь, тебя прошу я самъ
О томъ, что прочіе отвергли недостойно.
Съ Господней помощью, пускай я буду тѣмъ,
Чье имя славное извѣстно будетъ всѣмъ,
Какъ имя воина, который взялъ Нарбонну.—

И всѣ дивилися увѣренному тону
И простотѣ его.—Вотъ штука! Да никакъ
Вѣдь это Эмери, мальчишка и бѣднякъ?
Замѣтилъ гентскій графъ смѣявшейся дружинѣ.
— Поди сюда!—король воскликнулъ.—говори,
Откуда ты и кто?—Зовусь я Эмери,
Я званьемъ баккалавръ и знаю по латыни.
Съ ученостью моей я бѣдствовалъ донынѣ,
Оставшись въ сторонѣ отъ милостей судьбы,
Когда дѣлилися наслѣдства и гербы.
Породой знатною хвалиться я не смѣю,
Владѣнія мои не стоютъ двухъ монетъ,

Но въ сердцѣ у себя ношу я цѣлый свѣтъ!
Я, съ Божьей помощью, Нарбонной овладѣю,
А тамъ насмѣшниковъ я наказать сумѣю.—
И Карлъ, сіяющій улыбкой торжества,
Воскликнулъ:—За твои надменныя слова
Я дѣлаю тебя великимъ палатиномъ
И графомъ де-Нарбоннъ! Иди къ моимъ дружинамъ,
Кто оскорбитъ тебя—тотъ будетъ очень смѣлъ!—

На утро Эмери Нарбонной овладѣлъ.

1895 г.

Бѣдные люди.

1.

Ночь. Въ бѣдной хижинѣ, разсѣевая мракъ,
Бросаетъ отблески чуть тлѣющій очагъ
На шкафъ съ посудою и рядомъ грубыхъ полокъ,
На старую кровать, что прикрываетъ пологъ,
На множество вдоль стѣнъ развѣшанныхъ сѣтей
И на матрацъ въ углу, гдѣ пятеро дѣтей
Заснули крѣпкимъ сномъ. Закрывъ лицо руками,
Въ тревогѣ женщина припала на кровать
Усталой головой и плачетъ... Это—мать.
Она то молится дрожащими устами,
То поблѣднѣетъ вся и въ ужасѣ замретъ...
Она одна съ дѣтьми и внемлетъ океану,
Который небесамъ и ночи и туману
Свои рыданія отчаянныя шлетъ.

2.

Хозяинъ на морѣ. Ставъ рано рыболовомъ,
Онъ пріучилъ себя къ случайностямъ суровымъ
Въ борьбѣ съ природою. Закинуть надо сѣть

Въ грозу ли, въ бурю ли: не дать же умереть
Малюткамъ съ голоду! И въ море за уловомъ
Онъ отправляется одинъ, съ закатомъ дня,
Хозяйка въ хижинѣ хлопочетъ у огня,
Починиваетъ сѣть; когда же ночью поздно
Все успокоится вокругъ нея—она
Усердно молится. Глухая ночь темна.
У самыхъ буруновъ, гдѣ бѣшено и грозно
Во мракѣ слышится прибой сѣдыхъ валовъ,
Покрытыхъ пѣною—всего удачнѣй ловъ.
Мѣстечко самое не болѣе трехъ саженъ,
Но какъ онъ долженъ быть и ловокъ, и отваженъ,
Какъ долженъ знать рыбакъ, и вѣтеръ и приливъ,
Чтобъ отыскать его, когда пора ненастью
Осеннему придетъ и дикихъ бурь порывъ
Проносится во тьмѣ и стонетъ между снастью.
Онъ думаетъ о ней, о дѣтяхъ, а жена
Тоскуетъ, ждетъ его, тревогою полна
И мысли ихъ летятъ другъ къ другу, словно птицы.

3.

Да, Жанна молится, и чайки рѣзкій крикъ
Смущаетъ сердце ей, и передъ нею вмигъ,
Являются картинъ зловѣщихъ вереницы
И тѣни блѣдныя погибшихъ моряковъ.
А время тянется и мѣрный бой часовъ,
Какъ пульса ровное и мѣрное біенье,
Отсчитываетъ дни, недѣли и мгновенья
И года времена, и цѣлый рядъ годовъ.
И открывается, при звукѣ ихъ удара,
На протяженіи всего земнаго шара—
Гдѣ—колыбелей рядъ, гдѣ—рядъ нѣмыхъ могилъ.
Она задумалась и душу ей стѣснилъ
Невыносимый гнетъ. Нужда, одни лишенья...

Дѣтишки бѣгаютъ зимою босикомъ,
Ѣдятъ ячменный хлѣбъ, да и того кускомъ
Порою дорожатъ... А вѣчныя мученья...
И вѣтеръ такъ шумитъ, какъ въ кузницѣ мѣха!
Ей кажется порой, что въ ураганѣ черномъ
Созвѣздья кружатся, какъ туча искръ надъ горномъ.
О, Боже праведный, ну долго-ль до грѣха!..
Да, наступаетъ часъ, когда въ разгарѣ пляски
У полночи глаза сверкаютъ изъ-подъ маски
Весельемъ оргіи, и наступаетъ часъ,
Когда, одѣта мглой и въ сумракѣ таясь,
Ждетъ полночь рыбака среди морской пучины,
Чтобъ натолкнуть его на острыя вершины
Подводныхъ скалъ, предъ нимъ явившихся изъ мглы.
О, ужасъ! Крикъ его громадные валы,
Нахлынувъ, заглушатъ,—и, въ бездну увлеченный,
Увидитъ берегъ онъ, закатомъ озаренный,
И пристань старую съ заржавленнымъ кольцомъ...
И Жанна бѣдная, съ измученнымъ лицомъ,
Терзается душой отъ этихъ думъ...

4.

О, жены
Суровыхъ рыбаковъ, ужасны ваши стоны
Въ тѣ ночи темныя, когда игрушкой волнъ,
Бросающихъ его, бываетъ жалкій челнъ!
А Жанны мужъ—одинъ! Туманъ и тьма, и скалы,
И некому помочь... Ребята слишкомъ малы...
Ты хочешь, чтобъ они большими стали, мать?
Когда же имъ придетъ пора сопровождать
Отца ихъ, ты сама не скажешь ли въ печали:
— О, еслибъ долѣе они не подростали!—
Она беретъ фонарь. Теперь и до зари
Недалеко уже, пора взглянуть на море,

Спокойнѣй ли оно, и въ сумрачномъ просторѣ
Не засіяютъ ли на мачтѣ фонари?
И вотъ она идетъ. Но вѣтеръ предразсвѣтный
Еще не поднялся и бѣлой полосы
На горизонтѣ нѣтъ. Печальные часы!
Повсюду мракъ царитъ глухой и безпросвѣтный
Накрапываетъ дождь. Въ окошкахъ свѣта нѣтъ,
И, какъ дитя, въ слезахъ рождается разсвѣтъ...
Она идетъ. Предъ ней убогая лачуга,
Полуразвалина. На крышѣ треплетъ вьюга
Солому жалкую, дверь ходитъ ходуномъ,
Ни свѣта, ни огня. Какъ будто вымеръ домъ.
И Жанна думаетъ: — А что вдова? Бѣдняжка!
Я слышала, на дняхъ ей было очень тяжко.
Провѣдать бы ее.
Она стучится въ дверь.
Отвѣта нѣтъ, лишь вихрь, какъ разъяренный звѣрь,
И злится, и реветъ. Больна, а дѣтокъ двое
И, чай, голодныя? Вдовѣ житье плохое.
Она стучится вновь. — Сосѣдка! — Все молчитъ,
— Не откликается... Должно быть, крѣпко спитъ...
Но тутъ, какъ будто бы изъ чувства состраданья.
Дверь, глухо заскрипѣвъ, открылася сама.

6.

Она вошла туда. Кругомъ царила тьма
И доносилося прибрежныхъ волнъ рыданье.
Дождь лилъ потоками сквозь щели въ потолкѣ.
При свѣтѣ фонаря, дрожавшаго въ рукѣ,
Теперь пришедшая могла увидѣть ясно
Фигуру женщины, недвижной и ужасной,
Лежащей въ глубинѣ — фигуру мертвеца,
Съ чертами блѣднаго, застывшаго лица
И тусклымъ взоромъ глазъ! Да, полную здоровья

Когда-то женщину!... Вонъ тамъ, у изголовья,
Съ кровати свѣсилась холодная рука,
Позеленѣвшая, какъ бы ища защиты
И помощи... Въ чертахъ — глубокая тоска
И нищеты печать... Уста полуоткрыты,
Съ которыхъ въ ужасѣ слетѣлъ предсмертный крикъ
Въ послѣдній, роковой, неотвратимый мигъ.
И тутъ же въ хижинѣ, тутъ у ея постели,
Малютки — братъ съ сестрой заснули въ колыбели!
Сама несчастная предъ смертію своей
Ихъ платьемъ и платкомъ заботливо укрыла,
Стараяся о томъ, чтобъ имъ теплѣе было,
Межъ тѣмъ какъ холодно одной лишь будетъ ей.!

7.

Какъ мирно спятъ они, какъ ровно ихъ дыханье!
Казалось бы, ничто не можетъ ихъ покой
Нарушить, — даже видъ архангела съ трубой
Въ день Страшнаго Суда: невиннымъ наказанья
Страшиться нечего и нѣтъ для нихъ судьи.

Сквозь крышу ветхую вездѣ дождя ручьи
Ужъ просочилися, и капля дождевая
Порою падаетъ на блѣдное чело,
Какъ крупная слеза. Въ разбитое стекло
Стучится буйный вихрь, уныло завывая,
И тьма глядитъ въ него, зловѣщая, нѣмая.
Живите, радуйтесь, весенній рвите цвѣтъ
И наслаждайтеся! Все суета суетъ;
Какъ въ темный океанъ текутъ рѣчныя воды —
Такъ все кругомъ: пиры и торжество свободы,
И дѣти малыя, и мать во цвѣтѣ лѣтъ,
Веселье шумное и пѣсни, и улыбки,
Лобзанія любви, восторги и ошибки —
Въ могильномъ сумракѣ найдутъ себѣ конецъ.

8.

Но что же долго такъ она въ лачугѣ бѣдной
Замѣшкалась. Зачѣмъ лицо ея такъ блѣдно
И словно смущено? Съ собою, наконецъ,
Что унесла она? Походкой торопливой,
Не озираяся, тревожно, боязливо,
Зачѣмъ спѣшитъ она по улицѣ села?
Что прячетъ у себя за пологъ, на постели?
Какое воровство свершить она могла?

9.

Когда она домой вернулася — бѣлѣли
Утесы черные, и Жанна, сѣвъ на стулъ,
Глядѣла предъ собой печально робкимъ взоромъ,
Какъ будто совѣсти терзалася укоромъ.
И маятника стукъ, и дальній моря гулъ
Съ ея безсвязными сливалися рѣчами...
— Мой бѣдный муженекъ! Онъ цѣлыми ночами
На ловлѣ... Господи! Ну, что мнѣ скажетъ онъ?
Работой онъ и такъ по горло заваленъ —
Вѣдь пятеро дѣтей, а тутъ я навязала
Заботу новую... Своей-то, видно мало!
Идутъ?.. Не онъ-ли? Нѣтъ, все тихо... никого.
Ужъ если и прибьетъ — сама скажу: за дѣло!
Никакъ идутъ и дверь на петляхъ заскрипѣла?..
Нѣтъ, я ослышалась. Мнѣ боязно его
И увидать теперь... — Вся отдаваясь думамъ,
Сидѣла женщина, и даже рѣзкій крикъ
Морского ворона ни разу не достигъ
Ушей ея...
Но вдругъ дверь отворилась съ шумомъ,
А съ нею въ хижину разсвѣта лучъ проникъ,
И съ неводомъ въ рукѣ, намокшимъ и тяжелымъ,
Рыбакъ вошелъ туда, и ей съ лицемъ веселымъ
Сказалъ здороваясь: — Ну, вотъ и я, жена!

10.

— Ты! — Жанна вскрикнула и, радости полна,
Къ нему прильнула вся въ своемъ порывѣ страстномъ,
И на лицѣ его, довѣрчивомъ и ясномъ,
Она могла прочесть, какъ любитъ онъ ее.
— Ну, время безъ толку потратилъ я свое,
Да радъ еще, къ тебѣ вернувшись и къ ребятамъ.
И вѣтеръ же какой! Вѣдь сладу нѣтъ съ проклятымъ!
Сорвало съ якоря... Я продырявилъ сѣть...
Вотъ ночка выдалась! Чуть-чуть не доглядѣть —
И захлестнуло бы! А безъ меня ты что же
Подѣлывала тутъ? — Невольно смущена,
Какъ виноватая, вся вздрогнула она.
— Я? Право, ничего особаго... Все тоже:
Чинила, штопала, да все тебя ждала
И безпокоилась. А, знаешь, умерла
Сосѣдка-то... Вчера, должно быть, въ эту пору,
Какъ вы уѣхали, и дѣтки безъ призору
Остались у нея! Мадлена и Гильомъ.
Одинъ еще совсѣмъ не ходитъ, а другая
Лишь стала говорить... Нужда у нихъ большая.—
Рыбакъ нахмурился. Съ задумчивымъ лицомъ
Онъ сбросилъ свой колпакъ и почесалъ въ затылкѣ.
— Не ладно, чортъ возьми! Повытянемъ всѣ жилки...
У насъ пять человѣкъ, теперь же будетъ семь.
И такъ ужъ иногда безъ ужина совсѣмъ
Ложились мы! Ну, что-жъ! Все это въ Божьей волѣ.
Я здѣсь не виноватъ. Зачѣмъ онъ отнялъ мать
У червяковъ такихъ? Къ рыбацкой нашей долѣ
Привычнымъ надо быть, чтобъ это понимать.
Не скажешь эдакимъ: ступайте сами въ море!
Жена, иди туда. Проснутся — да, на горе,
Перепугаются какъ разъ еще! Повѣрь,
Сама покойница стучится въ нашу дверь,

Чтобъ взяли мы дѣтей. Отыщется и этимъ
Пристанище — не то мы Господу отвѣтимъ.
Пускай ростутъ себѣ. Они по вечерамъ,
Какъ наши малыши, ласкаться будутъ къ намъ.
И зная, что кормить ихъ надо со своими,
Господь на долю ихъ и лишнее пошлетъ.
Прибавится труда, конечно, и заботъ,
Но мы управимся. Жена, ступай за ними.
Но что съ тобою? Ты была въ другіе дни
Сговорчивѣй... А здѣсь, при эдакомъ-то дѣлѣ...

— Вотъ!—Жанна молвила, и пологъ у постели
Отдернула рукой дрожащей: — Вотъ они!

Изъ Леконтъ-де-Лиля.

Небесная лампада.

Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Сіянье льетъ свое небесная лампада
На дальнюю страну, гдѣ протекаетъ Нилъ,
На синеву морей и бездну водопада.
Когда царитъ въ поляхъ вечерняя прохлада,
Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Сіянье льетъ свое небесная лампада.

И что такое ты, волшебница—луна, —
Не солнце ли для тѣхъ, что сномъ заснули вѣчнымъ?
Не та ли чудная, блаженная страна,
Гдѣ грезятъ души ихъ блаженствомъ безконечнымъ,
Гдѣ пробужденья нѣтъ отъ сладостнаго сна?
И что такое ты, волшебница—луна,—
Не солнце-ли для тѣхъ, что сномъ заснули вѣчнымъ?

О, еслибъ эта ночь съ собою принесла
Забвенье навсегда, безчувствіе нирваны!
Все позабыть; любовь, которая лгала,
И ненависти ядъ, и разума обманы,
Гнетъ вѣковѣчнаго насилія и зла!
О, еслибъ эта ночь съ собою принесла
Забвенье навсегда, безчувствіе нирваны!

Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Зачѣмъ сіяешь ты небесная лампада?
Померкни навсегда, чтобъ вѣчный мракъ покрылъ
И синеву морей и бездну водопада,
И дальнюю страну, гдѣ протекаетъ Нилъ.
Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Зачѣмъ сіяешь ты, небесная лампада?
1894 г.

Умирающему поэту.

Ты, взоромъ генія поэта,
Въ порывѣ творческой мечты,
Искавшій жадно красоты
И жаждавшій душою свѣта,—

Простись съ земною суетой.
Ничтожно все: и жизнь и слава.
— Любовь?.. Но въ чашѣ золотой
Таится горькая отрава.

Подобно древнимъ божествамъ,
Плѣненный гордою свободой,
Покинь и ты свой тѣсный храмъ,
Чтобъ слиться съ матерью природой.

Оплаканъ будешь ты, поэтъ,
И признаваемъ или нѣтъ
Своимъ пустымъ и жалкимъ вѣкомъ—
Завиденъ жребій твой! Не знать,
Не чувствовать, не сознавать,
Стыда родиться человѣкомъ!

1894 г.

Безсмертное благоуханіе.

Когда красовалася роза Лагора
Хоть день посреди дорогого сосуда—
Вы можете вылить всю воду оттуда
Но запахъ чудесный исчезнеть не скоро.

Краса этой розы была скоротечна,
Какъ пламя угасшей безвременно страсти,
Но даже въ сосудѣ, разбитомъ на части,
Ея ароматъ сохраняется вѣчно.

И сердцемъ исполненнымъ прежде любовью,
Теперь же - разбитымъ, сочащимся кровью
И горькою мукой объятомъ,-
Не шлю я проклятій погибшей святынѣ:
Она наполняетъ его и донынѣ
Безсмертнымъ своимъ ароматомъ.

1894

Альбатросъ.

Во мглѣ холоднаго тумана,
На всемъ просторѣ океана,
Отъ полюса до южныхъ странъ —
Бушуетъ дико ураганъ.
Отчаянья и злобы полный,
Вздымаетъ онъ горою волны,
Съ сѣдою пѣной на хребтахъ.
Въ нависшихъ низко небесахъ
Рождаетъ тучу онъ за тучей,

И блескомъ молніи летучей
На мигъ бываетъ озаренъ
Покрытый мракомъ небосклонъ.

И только царь морей безбрежныхъ,
Паря надъ бездной волнъ мятежныхъ,
Гдѣ гибнутъ китъ и кашалотъ,—
Свершаешь смѣлый свой полетъ •
Безъ колебаній и усилья...
Раскинувъ царственныя крылья,
Вперяя вдаль спокойный взоръ,
Какъ будто-бы небесъ просторъ
Имъ измѣряя,—надъ туманомъ,
Надъ безпощаднымъ ураганомъ,
Инспровергающимъ утесъ,—
Побѣдно рѣетъ альбатросъ!

1894 г.

Послѣдній Олимпіецъ.

Не разъ предо мною изъ тьмы возставало видѣнье
И снился мнѣ странный, не разъ повторявшійся сонъ:
Я видѣлъ за гранью на вѣкъ отошедшихъ временъ,
Когда чередою въ могилу сойдутъ поколѣнья—

Я видѣлъ себя одинокимъ въ предѣлахъ земли.
Все было кругомъ тишиною могильной объято,
Людей голоса, оглашавшіе землю когда-то,
И вопль океана,—затихли вдали...

Оставивъ орбиту, красы лишена и убранства,
Нарушивъ собою созвѣздій расчисленный ходъ,
Въ хаосѣ вселенной, среди міроваго пространства—
Земля уносилась безцѣльно впередъ.

Моря пересохли; изъ ихъ опустѣвшей пучины,
Подобно обломкамъ, вздымались наверхъ острова.

Какъ факелъ могильный, луна озаряла равнины,
И мертвой казалась небесъ синева.

Не зная желаній и чуждый навѣкъ сожалѣнью,
Послѣдній изъ смертныхъ, почившихъ подъ сѣнью могилъ,
По волѣ судьбы—позабытой и блѣдною тѣнью—
И самъ я безцѣльно во мракѣ бродилъ.

Но вдругъ въ отдаленьѣ увидѣлъ я призракъ прекрасный,
Какъ будто парившій надъ высью заоблачной горъ.
На мертвую землю и мертвенный неба просторъ
Безмолвно взиралъ онъ, спокойно-безстрастный.

И былъ этотъ призракъ подобенъ Олимпа богамъ.
Онъ высился гордо среди своего пьедестала,
Какъ въ дни золотые, когда наполнявшая храмъ
Колѣна толпа передъ нимъ преклоняла.

Но, брошены рядомъ, покоились лукъ и колчанъ,
Откуда летѣли волшебныя стрѣлы желаній,
Собой зажигавшихъ безумную жажду лобзаній
Въ сердцахъ недоступныхъ Юнонъ и Діанъ.

И отблескъ лучей надъ челомъ беззаботнаго бога
Померкнулъ, погасъ, и не билося сердце его—
Источникъ любви, гдѣ таилася страсти тревога
И ея торжество.

И снова во мнѣ пробудилися съ силой могучей
Тоска и восторгъ позабытыхъ порывовъ любви;
Отравы ея, сладострастно, мучительно жгучей—
Я почувствовалъ пламень въ крови.

И въ призракѣ томъ, въ неподвижномъ и блѣдномъ кумирѣ,
Узнали тогда пораженныя очи мои
Того, кѣмъ живетъ, безъ кого умираетъ все въ мірѣ:
Послѣдняго бога, великаго бога любви!

1894 г.

Тайна бытія.

Разгадка тайны бытія
Понятной станетъ въ часъ кончины;
Существованія причины
Тогда умомъ постигну я.

Когда въ концѣ—вся цѣль начала,
А жизнь—обманъ и суета—
Зачѣмъ, о, лживая мечта,
Ты насъ для жизни пробуждала?

Во всѣ вѣка и времена,
Объятый скорбью, иль экстазомъ,—
Одно постигъ безсильный разумъ:
Что всѣмъ могила суждена.

Не будь ея—любви и славы,
И добродѣтели святой,
Цвѣтовъ, и счастья, и отравы—
И жизни не было бъ самой.

Живущіе, не бойтесь смерти!
Въ могильномъ сумракѣ ея
Скрывается для насъ, повѣрьте,
Разгадка тайны бытія.—

1895 г.

Судъ графа.

(М. Н. Писареву).

Луна струила свѣтъ дрожащій и холодный,
И замокъ де-Кеннеръ на выступѣ скалы
Чернѣя высился среди пучины водной.

Вокругъ него, шумя, вздымалися валы,
Туманъ окутывалъ береговыя дали,
И вѣтеръ завывалъ среди туманной мглы.

И души тѣхъ, кто смерть въ грѣхѣ или печали
Нашелъ когда нибудь въ бушующихъ волнахъ—
На ихъ поверхности, казалось, трепетали...

Осенній вихрь шумѣлъ въ прибрежныхъ камышахъ
И цѣпью потрясалъ, державшей мостъ подъемный,
И вторилъ хищный звѣрь, блуждающій въ лѣсахъ

Ему рычаніемъ во мракѣ ночи темной.
При свѣтѣ факела, въ одной изъ старыхъ залъ
Жилища графскаго, пустынной и огромной,

Маститый графъ Коморъ въ волненіи шагалъ,
Съ нахмуреннымъ челомъ скрестивъ надменно руки.
Казалось, ропотъ волнъ къ нему не достигалъ.

Онъ былъ высокъ и бодръ, но выраженье муки
Застыло на лицѣ суровомъ старика.
Стараясь уловить шаговъ далекихъ звуки,

Прислушивался онъ, и сильная рука
Сжималася порой съ движеніемъ угрозы;
И рдѣла краскою мгновенною щека,

Гдѣ сохли жгучія, непрошенныя слезы...
Въ углу виднѣлся ликъ задумчивый Христа,
Ушедшаго душой въ божественныя грезы.

Предъ нимъ—массивная, гранитная плита,
И рядомъ—острый мечъ съ желѣзной рукоятью.
— Ну, что-жь нейдетъ монахъ?—и блѣдныя уста

Комора дрогнули, и подойдя къ Распятью,
Колѣна преклонилъ съ молитвою старикъ.
Но миръ не осѣнилъ своею благодатью

Души его. Вдали послышались чрезъ мигъ
Какіе-то шаги, и тихо на порогѣ
Сосѣдней комнаты явился духовникъ.

— Графъ, я исполнилъ все, но вы не будьте строги,
Въ крови ея своихъ не обагряйте рукъ.
О милосердіи подумайте, о Богѣ!..

— Довольно, братъ-монахъ! Мнѣ болѣе услугъ
Твоихъ не надобно. Покрывшая позоромъ
Нашъ славный домъ—умретъ... Но ни одинъ изъ слугъ

Не прикоснется къ ней.—И графъ съ блеснувшимъ взоромъ
Ударилъ въ колоколъ, стоявшій передъ нимъ.
И заунывный гулъ пошелъ по корридорамъ,

Отдавшись далеко подъ сводомъ вѣковымъ
Придѣла темнаго, гдѣ спали одиноко,
Въ безмолвіи гробницъ, послѣднимъ сномъ своимъ—

Герои, рыцари безъ страха и упрека.
Потомъ затихло все. Лишь волнъ морскихъ прибой
Порою слышался какъ будто изъ далека.

Завѣса дрогнула—и въ сумрачный покой
Вступила женщина, какъ свѣтлое видѣнье,
Сіяя нѣжною и грустною красой.

Она увидѣла безъ страха и волненья:
Распятіе, плиту, сверкающій клинокъ...
И съ твердостью ждала послѣдняго рѣшенья.

Коморъ затрепеталъ отъ головы до ногъ;
Ему припомнилась жены его измѣна,
И тихо съ губъ его слетѣло, какъ упрекъ:

— Ты заслужила смерть и ты умрешь, Тифэна!—
— Готова я, мессиръ!.. Молила я Творца
И Матерь Божію. Спокойно и смиренно,

Но безбоязненно я жду себѣ конца.—
— Супруга, падшая подъ бременемъ позора,
Дочь недостойная великаго отца,

Ты, запятнавшая старинный родъ Комора—
Молись, дабы тебя помиловалъ Христосъ!
Готовъ промедлить я свершеньемъ приговора.—

И, голову склонивъ подъ массой свѣтлыхъ косъ,
Окутавшихъ ее сіяющимъ покровомъ,
Повиновалася графиня. Объ утесъ

Попрежнему волна дробилась, и въ багровомъ
Мерцаньѣ факела тяжелый мечъ сверкалъ,
И графъ спокойно ждалъ въ молчаніи суровомъ.

Тифэну странный сонъ собой околдовалъ:
Опять въ кудряхъ ея благоухали розы,
У ногъ ея шумѣлъ и разбивался валъ,

И вѣтеръ навѣвалъ чарующія грезы.
Любовь явилась ей, какъ лучезарный день,
Но скоро онъ померкъ и разразились грозы.

Насильственный союзъ, палатъ суровыхъ сѣнь
Ея отчаянье и муки... Возвращенье
Того, кто былъ любимъ, цвѣтущая сирень,

Весна любви, борьба и тайное влеченье...
Очарованье ласкъ, волшебныя слова
И неизбѣжное, но сладкое забвенье...

Отмщенье свершено. Убитымъ палъ сперва
Ея возлюбленный, и мечъ виситъ надъ нею,
Но онъ не страшенъ ей: она уже мертва.

— Раскаялась-ли ты, и смертію своею
Готова-ль искупить вину передо мной?
Губить души твоей я права не имѣю.—

— Убей меня! Его и здѣсь и въ жизни той
Люблю я, и любить я буду неизмѣнно.
Да сжалится Господь надъ грѣшною душой!—

Умри-же, гнусною запятнана измѣной!—
Воскликнулъ графъ Коморъ, и мечъ его блеснулъ
И опустился онъ надъ блѣдною Тифэной...

А море пѣнилось, и буйный вѣтеръ дулъ.
Коморъ, поднявшій трупъ недвижный и безгласный,
На башню съ нимъ взошелъ, и тамъ его швырнулъ

Онъ прямо съ высоты въ водоворотъ ужасный.
Раздался легкій плескъ, и все исчезло въ мигъ...
Коморъ слѣдилъ за нимъ, суровый и безстрастный

Онъ видѣлъ взоръ ея, ея прекрасный ликъ
И слышалъ голоса умолкнувшаго звуки...
Потомъ, перекрестясь, издалъ онъ дикій крикъ,

Исполненный тоски и безъисходной муки,
Достигшій самыхъ нѣдръ береговыхъ пещеръ,
И въ волны кинулся, поднявъ высоко руки.

Такъ умерли Коморъ съ Тифэной-де-Кеннеръ.

1894 г.

Изъ Теофиля Готье.

Бездна.

Въ пестрыхъ узорахъ моихъ сновидѣній
Юноши образъ я видѣлъ однажды:
Онъ надъ колодцемъ, страдая отъ жажды,
Молча склонился, исполненъ томленій.

Съ тѣмъ, чтобъ вода поднялася до края,
Золото, жемчугъ—бросалъ онъ горстями
Въ темную бездну, напрасно устами
Влаги студеной коснуться желая.

Сколько безумцевъ, чарующе мрачной
Бездною гордой души привлеченныхъ,
Грезятъ напрасно о влагѣ прозрачной,
Вѣчно далекой отъ устъ истомленныхъ.

Каждый мечтаетъ изъ бездны холодной
Вызвать родникъ животворный,—и въ нѣдра
Золото чувства бросаетъ онъ щедро,
Силы души расточая безплодно.

На высотѣ.

I.

На высоту твоихъ созданій
Пусть, равнодушна и слѣпа,
Не поднимается толпа.
Переступить не смѣя грани
Безсмертныхъ замысловъ, она
Не достигаетъ, какъ волна,
Вершинъ могучихъ и свободныхъ.
Томясь въ усиліяхъ безплодныхъ,
Ее не думай повести
Съ собой по трудному пути.
Не пролагай къ нему ступеней,
Не поясняй,—напрасный трудъ!
Тамъ, гдѣ паритъ свободно геній,
Одни избранники пройдутъ.

Пусть одиноко надъ долиной
Гора сіяющей вершиной
Стремится къ небу—для орла
Она доступна: взмахъ крыла—
И достигаетъ онъ желанныхъ,
Снѣгами вѣчными вѣнчанныхъ
И уходящихъ въ небосводъ—
Недосягаемыхъ высотъ

II.

Долина къ горѣ обратилась съ укоромъ:
— Что пользы въ безплодной твоей высотѣ?
Глядѣвшему въ небо задумчивымъ взоромъ
Пѣвцу говорили: Ты служишь мечтѣ!—

Гора отвѣчала:—Отъ бурь и тумановъ
Тебя охраняя подобно щиту,
Я грудью встрѣчаю порывъ урагановъ
И грозныя тучи ловлю на лету.

Въ горнилѣ моемъ растопляются льдины,
Весной изъ груди бѣлоснѣжной моей
Обильныя воды сбѣгаютъ въ долины,
Питая весенніе всходы полей.

Поэтъ же отвѣтилъ:—Я въ пѣсняхъ печали
Всю жизнь изливаю и душу мою.
Родникъ ихъ обиленъ, и тѣхъ кто страдали—
Струею живою я всѣхъ напою.—

Друзьямъ.

Выступая въ великой борьбѣ,
О быломъ сожалѣнья умѣрьте,
Будьте стойки,—и въ жизни и въ смерти
Оставайтеся вѣрны себѣ,

Вы, носители свѣта и знанья,
Вы, искатели тайнъ міровыхъ—
Очищайтесь въ горнилѣ страданья,
Отъ своихъ заблужденій былыхъ.

Если вѣра въ сердцахъ не остыла,
Если смерть не пугаетъ—впередъ!
Этой вѣры живительной сила
Васъ къ желанному свѣту ведетъ.

И покрова священнаго складки
Упадутъ передъ вами, друзья;
Вы постигните тайну загадки:
Сокровеннѣйшій смыслъ бытія

Воспоминанія.

Порою въ памяти невольной укоризной
Воспоминанія мелькаютъ о быломъ,
Когда душа, сроднясь съ небесною отчизной,
Не прикасалася къ землѣ своимъ крыломъ.

Они, подобныя сіянію заката,
Которымъ даль небесъ и водъ озарена—
Являютъ душу намъ, какой была когда-то,
Какою и теперь могла бы стать она.

Честолюбіе.

Свѣтильникъ истины возжечь
И знать, что пламенная рѣчь
Найдетъ сочувственное эхо;
Все предпринять, достичь всего,
Извѣдать славы торжество
И тайны высшаго успѣха.

Свои дѣла въ сердцахъ людей
Запечатлѣть; какъ чародѣй;
Какъ властелинъ, царитъ надъ міромъ,
Ему предписывать законъ,
Быть выше, чѣмъ Наполеонъ,
Быть новымъ Данте иль Шекспиромъ...

Какъ это мало! Все кругомъ
Полно тобой; въ тебѣ одномъ—
Лишь одиночества сознанье!
И лавры гордые свои
За слово истинной любви
Ты все отдашь безъ колебанья.

Сосна.

Среди степи унылой и песчаной,
Гдѣ жалкая растительность скудна,
Виднѣется—съ глубокой въ сердцѣ раной—
Ростущая особнякомъ сосна.

Здѣсь человѣкъ употребилъ насилье:
Вонзилась сталь—и, какъ слеза свѣтла,
Изъ свѣжаго надрѣза въ изобильѣ
Струится внизъ прозрачная смола.

И медленно избытокъ силъ теряя,
Стоитъ сосна, какъ раненый боецъ,
Который, постъ опасный охраняя,
Безропотно встрѣчаетъ свой конецъ.

Таковъ поэтъ среди пустыни свѣта:
Чудесный даръ таитъ ревниво онъ,
И лишь тогда польется пѣснь поэта,
Когда ударъ глубоко нанесенъ.

Сонетъ.

Я—ласточка; купаюсь прихотливо
На волѣ я въ лазурной вышинѣ,
И гнѣздышко голубки боязливой
Могилою всегда казалось мнѣ.

Когда въ лѣсахъ и надъ пустынной нивой
Промчится вихрь осенній въ тишинѣ.—
Черезъ моря направлюсь я къ счастливой,
Безоблачно цвѣтущей сторонѣ.

И здѣсь и тамъ лишь гостьей легкокрылой
Являюсь я, и прочнаго гнѣзда
Я не совью нигдѣ и никогда,
Но все, что я покинула—мнѣ мило,
И радостно я изъ иныхъ краевъ
Опять спѣшу подъ тотъ же самый кровъ.

Пляска смерти.

Надменнаго всадника въ каскѣ
Сбивая съ его скакуна,
Съ собой въ наступленіи пляски,
Его увлекаетъ она.

Въ тавернѣ гдѣ буйные гости
Гуляютъ и пьютъ на зарѣ,
Она загребаетъ всѣ кости
Въ проигранной ими игрѣ.

Съ собой увлекая къ веселью,
Не давъ имъ окончить портретъ—
Онъ живо писцамъ моделью
Нагой предлагаетъ скелетъ.

Изъ рукъ ослабѣвшихъ палитру
Она вырываетъ безъ словъ,
Снимаетъ блестящую митру
Съ сѣдыхъ кардинальскихъ головъ.

Бреттера за часъ до пирушки,
Она поражаетъ шутя,
Беретъ у шута погремушки,
У матери скорбной—дитя!

Войдя во дворецъ величавый,
И власти ни съ кѣмъ не дѣля,
Старуха свой черепъ костлявый
Вѣнчаетъ вѣнцомъ короля.

И сбросивъ постылыя маски;
Шуты со своей мишурой,
Безумецъ, мудрецъ и герой—
Смѣшались въ безуміи пляски.

И пара несется за парой,
Равняемы смерти рукой,
И тутъ же за папской тіарой
Мелькаетъ колпакъ шутовской.

ESPANA.

Эскуріалъ.

Среди равнины мертвой и безплодной
Гранитной массою зловѣщей и холодной—
Возвысился Эскуріалъ.
Тиверія испанскаго творенье,
Добычей смерти и забвенья
Теперь онъ сталъ.

Едва ль Египта фараону
Съ виперой царскою носившему корону—
Воздвигнутъ былъ столь мрачный мавзолей.
И сфинксы грозные не болѣе безмолвны,
Чѣмъ онъ—теперь, когда людскія волны
Отхлынули и мохъ ростетъ среди камней.

Вельможи, воины, монахи,
И тотъ, предъ кѣмъ народъ лежалъ во прахѣ—
Исчезло все... Безмолвіе кругомъ!
Лишь ласточекъ неугомонныхъ стая
Кружится съ криками, гиганта задѣвая,
Заснувшаго своимъ тяжелымъ сномъ.—

Прометей.

(Къ картинѣ Рибейры).

Небеснаго огня отважный похититель,
Прикованъ къ высотамъ, на муки осужденъ,
Олимпу и теперь бросаетъ вызовъ онъ
И втайнѣ передъ нимъ трепещетъ небожитель.

Когда ночная мгла объемлетъ небосклонъ,
Покинувъ синихъ водъ прохладную обитель,
Ундины юныя спѣшатъ со всѣхъ сторонъ
Къ скалѣ, гдѣ пригвожденъ недавній побѣдитель.

Онъ внемлетъ въ тишинѣ ихъ жалобнымъ рѣчамъ,
Ихъ слезы льютъ бальзамъ въ зіяющую рану,
Но ты, Рибейра, былъ суровѣе чѣмъ самъ
Неумолимый Зевсъ къ отважному титану,
Тобою осужденъ одинъ во тьмѣ ночей
Терзаться муками великій Прометей.

Венеціанскій карнавалъ.

Варіаціи.

I. На улицѣ.

Старинный мотивъ карнавала!
Заигранѣй нѣтъ ничего.
Шарманка гнусила, бывало,
И скрипки терзали его.

Для всѣхъ табакерокъ онъ сразу
Классическимъ нумеромъ сталъ,
И чижъ музыкальную фразу
Изъ клѣтки своей повторялъ.

Въ тѣни запыленной бесѣдки
Подъ звуки его на балу
Кружились комми и гризетки
На ветхомъ досчатомъ полу.

Слѣпецъ на разбитомъ фаготѣ
Играетъ его, и за нимъ
Собака сорвавшейся нотѣ
Ворчаніемъ вторитъ глухимъ...

И звуки того-же мотива
Въ кафе и публичныхъ садахъ
Поютъ гитаристки фальшиво
Съ улыбкой на блѣдныхъ губахъ.

Но вотъ чародѣй Паганини,
Къ нему прикоснувшись жезломъ,
Его обезсмертилъ отнынѣ
Своимъ вдохновеннымъ смычкомъ.

Онъ, щедро разсыпавъ по газу
Своихъ арабесковъ узоръ,
Облекъ обветшалую фразу
Въ блестящій и новый уборъ.

II. На лагунахъ.

Собою прабабушекъ съ дѣтства
Плѣнялъ этотъ странный мотивъ,
Гдѣ слышится грусть и кокетство,
Насмѣшка и нѣжный призывъ.

Когда-то въ разгаръ карнавала
Звучалъ надъ лагунами онъ
И вѣтромъ съ Большого канала
Былъ въ оперу къ намъ занесенъ.

Когда запоютъ его струны—
Мнѣ грезятся: мѣсяца свѣтъ,
И синія воды лагуны,
И темныхъ гондолъ силуэтъ.

Венера надъ пѣной морскою,
Подъ звукъ хроматическихъ гаммъ,
Блистая волшебной красою,
Является нашимъ глазамъ.

Подъ старый мотивъ серенады,
Ласкаютъ морскія струи
Дворцовъ величавыхъ фасады,
И словно поютъ о любви.

Венеція, городъ каналовъ,
Краса Адріатики водъ—
Съ весельемъ своихъ карнаваловъ
Въ старинномъ мотивѣ живетъ

III. КАРНАВАЛЪ.

Сегодня—разгаръ карнавала:
И блескъ, и веселье, и шумъ...
Весь городъ облечься для бала
Спѣшитъ въ маскарадный костюмъ

Вотъ тамъ—незнакомый съ заботой,
Избранникъ и другъ Коломбинъ—
Смѣется визгливою нотой
И дразнитъ толпу Арлекинъ.

Вотъ докторъ съ осанкою важной,
Одѣтый смѣшно и пестро,
Его задѣваетъ отважно
И локтемъ толкаетъ Пьеро.

Какъ будто бы въ тактъ контрабасу,
И тамъ появляясь, и тутъ,
Бросаетъ въ безпечную массу
Насмѣшкою ѣдкою шутъ.

Скрываясь подъ кружевомъ маски,
Мелькнуло въ толпѣ домино,
Но эти лукавые глазки
Я, кажется, знаю давно.

Глаза мои вѣрить не смѣли,
Но только минута одна—
И скрипки воздушныя трели
Сказали мнѣ:—Это она!—

IV. ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

Задорною гаммою смѣха
И тихаго рокота струнъ
Смущаетъ болтливое эхо
Спокойныя воды лагунъ.

Но въ звукахъ веселья, игриво
Несущихся въ лунную даль,
Мнѣ чудятся вздохи призыва
И тихая чья-то печаль.

Опять предо мной изъ тумана
Всплываетъ былая любовь,
И плохо зажившая рана
Въ душѣ раскрывается вновь...

И рѣчи звучавшія страстно,
Любовь и цвѣтущій апрѣль—
Напомнилъ мучительно ясно
Мнѣ вздохомъ своимъ ритурнель.

Такъ нѣжно и такъ своевольно
Звучала въ немъ квинта одна,
Что голосъ любимый невольно
Напомнила сразу она.

Звучала она такъ задорно,
Такъ лживо, томя и дразня,
И нѣжности столько притворной
Въ ней было, и столько огня,

И столько любви безпредѣльной,
Насмѣшки такой глубина,
Что въ сердцѣ съ тоскою смертельной
Восторгъ пробуждала она...

Старинный мотивъ карнавала,
Гдѣ вторитъ улыбка слезамъ—
Какъ все, что давно миновало,
На память приводишь ты намъ!

Ручей.

Близь озера смѣло и звонко
Журчащій у влажныхъ камней,
Въ травѣ пробѣгаетъ сторонкой,
Пробившись на волю, ручей.

Онъ шепчетъ:—Какъ тѣсно мнѣ было
Въ безрадостныхъ нѣдрахъ земли,
Гдѣ солнце во тьмѣ не свѣтило
И гдѣ берега не цвѣли!

А здѣсь и древесные своды,
И куполъ небесъ голубой—
Мои серебристыя воды
Весь день отражаютъ собой.

Кто знаетъ? Въ теченьѣ далекомъ,
Разлившись свободной волной,
Быть можетъ, я стану потокомъ,
Могучей и вольной рѣкой?

И скоро, быть можетъ, я стану,
Томившійся въ нѣтрахъ земли —
На лонѣ своемъ океану
Большіе носить корабли!—

Такъ шепчетъ въ тѣнистой дубравѣ,
Журча у высокихъ камней,
Отважно стремящійся къ славѣ,
Наивный и юный ручей.

Но еле добившись свободы,
Онъ гибнетъ, не ставши рѣкой:
Сосѣдняго озера воды
Его поглощаютъ собой...

Ожиданіе весны.

Пока—рабы холодной прозы—
Лишь ею мы удручены,
Апрѣль, смѣющійся сквозь слезы
Готовитъ намъ возвратъ весны.

Пока мы всѣ, спѣша безъ толку,
Свершаемъ столько лишнихъ дѣлъ —
Для маргаритокъ втихомолку
Наряды сдѣлать онъ успѣлъ.

Въ ночи, невидимъ и неслышенъ,
Предвѣстникъ солнца и тепла,
Идетъ онъ въ садъ—верхушки вишенъ
Спѣша напудрить до бѣла...

Весны волшебницы законы
Предупреждая, онъ чуть свѣтъ
Шнуруетъ алыхъ розъ бутоны
Въ свѣтло-зеленый ихъ корсетъ.

Природа нѣжится въ постели,
А онъ, бродя среди лѣсовъ,
Дроздамъ насвистываетъ трели
И сыплетъ пригоршни цвѣтовъ...

Въ травѣ, гдѣ ключъ журчитъ игриво.
Фіалокъ синихъ лепестки
Онъ разсыпаетъ прихотливо,—
И колокольчиковъ звонки.

И по долинамъ разстилая
Узоръ цвѣточнаго ковра,
Подходитъ онъ къ порогу мая
И говоритъ ему:—Пора!

* * *

Ты сердцемъ живешь, дорогая,
Страдая, надѣясь, любя,—
Но злобствуетъ свѣтъ, утверждая,
Что сердца и нѣтъ у тебя.

На очи твои набѣгая,
Въ нихъ слезы порою блестятъ,
Но свѣтъ говоритъ, дорогая,
Что сухъ и бездушенъ твой взглядъ

Пѣвца вдохновеньямъ внимая,
Волнуешься ты, но толпа
Рѣшила давно, дорогая,
Что ты безнадежно тупа.

Не вѣрь ей. Лишь стоитъ поэта
Покинуть тебѣ, разлюбя,—
Найдутся по мнѣнію свѣта,
И сердце, и умъ у тебя...

Изъ испанскаго альбома.

Карменъ.

Карменъ—худа. Она гитана
И солнцемъ юга сожжена,
Змѣею падая вдоль стана,
Коса ея, какъ смоль черна.

Но въ блескѣ глазъ ея—побѣда,
Предъ ней никто-бъ не устоялъ,
И самъ епископъ изъ Толедо
Предъ ней колѣна преклонялъ.

По вечерамъ въ тѣни алькова
Своей распущенной косой
Она, какъ складками покрова,
Вся закрывается порой.

Когда глаза ея темнѣютъ,
Суля восторги безъ конца
И, словно кровь, уста алѣютъ
На смуглой блѣдности лица—

По прихоти природы странной,
Въ своей чарующей красѣ,
Предъ этой смуглою гитаной—
Красавицы блѣднѣютъ всѣ.

Она для женщинъ безобразна,
Но изъ мущинъ—ни младъ, ни старъ,
Не избѣжалъ еще соблазна
Ея непобѣдимыхъ чаръ.

Новіо.

— Дитя съ осанкою царицы,
Ко мнѣ—я чувствовалъ не разъ—
Пылали злобою зарницы
Твоихъ обычно кроткихъ глазъ.

И все-жъ въ ночи передъ балкономъ
Твоимъ упорно я стою,
И съ гнѣвомъ въ сердцѣ оскорбленномъ
Я о любви моей пою.

Здѣсь мѣста нѣтъ другимъ гитарамъ!
Пообѣщался напередъ
Я наградить ножа ударомъ
Того, кто первый запоетъ.

Въ ножнахъ соскучилась наваха,
Пылаетъ мужество въ груди,—
Эй, кабалерро, кто безъ страха
И безъ упрека — выходи!

Пускай выходятъ на расправу
По одиночкѣ иль толпой!
Всѣхъ вызываю я во славу
Тебя, любовь моя, на бой!

Побьюсь я съ цѣлою дружиной,
Готовъ я вызвать сатану,—
Пусть только я передъ кончиной
Въ твоихъ объятьяхъ отдохну.

Греческая дѣвушка.

Беззавѣтною страстью порыва
Ты пугаешь меня, мой поэтъ;
Вѣдь любовь молодая стыдлива,
Какъ весенняго утра разсвѣтъ.

Видишь горлицу эту, мой милый?
Какъ она, я пугаюсь легко,
И голубкою я бѣлокрылой
Отъ тебя улечу далеко.

Но останься на мигъ безъ движенья,
Не упорствуй въ ненужной борьбѣ,-
И слетитъ, позабывъ опасенья,
Добровольно голубка къ тебѣ.

Зимняя фантазія.

I.

Съ усмѣшкой невеселой,
    На много разныхъ тоновъ
Зима играетъ соло
    Въ квартетѣ всѣхъ сезоновъ.

Отъ стужи посинѣло
    Лицо ея и руки,
И старчески-несмѣло
    Порою льются звуки.

Предъ льдиною, служащей
    Ей вмѣсто партитуры,
Она рукой дрожащей
    Выводитъ фіоритуры.

И въ тактъ имъ головою
Сѣдой она качаетъ,
И пудрой снѣговою
Деревья осыпаетъ..

II.

На всѣхъ деревьяхъ парка—
Серебряныя сѣтки;
Ихъ изморозью ярко
Заискрилися вѣтки.

Кусты горятъ въ алмазахъ
И небо—темно сине,
А въ опустѣвшихъ вазахъ
Цвѣтами блещетъ иней.

Блѣднѣй—лучи денницы,
Ночами—ярче звѣзды,
И зябнущія птицы
Попрятались въ гнѣзды..

III.

На дамахъ туалеты
Съ опушкой мѣховою,
И статуи одѣты
Пушистой пеленою.

Ротондою Діана
Смущаетъ наши взоры,
И видѣть какъ-то странно
Боа на шеѣ Флоры.

И силою примѣра,
Ей ставшаго закономъ,—
Красуется Венера
Въ накидкѣ съ капюшономъ.

Всѣ мраморные боги,
Должно быть, очень зябки:
Меркурій быстроногій—
И тотъ въ косматой шапкѣ...

IV.

Спѣша въ пріютъ укромный,
Гдѣ ждутъ любовь и нѣга,—
Предательскаго снѣга
Болтливости нескромной

Боишься ты? Еще-бы!
Вѣдь, слѣдъ отъ ножки узкой,
Безспорно андалузской,—
Хранятъ вездѣ сугробы.

Что если-бы нескромной
Смущаемый догадкой,—
Проникнулъ мужъ украдкой
Въ пріютъ любви укромный,—

Гдѣ ласкою своею
И пламенемъ лобзаній
Согрѣлъ въ часы свиданій
Амуръ—свою Психею?...

Изъ Ф. Коппе.

„LES PETITS POÈMMES".

(П. П. Вейнбергу).

1.

Который изъ двухъ?

Разсказъ относится къ началу термидора.
Послѣдніе лучи кроваваго террора
Зажглись надъ городомъ, гремѣлъ послѣдній громъ.
И смерть являлася едва-ль не въ каждый домъ.
Не прекращалася работа гильотины,
Но страха не было предъ близостью кончины.
Всѣхъ обвиняемыхъ въ тюрьмѣ Консьержери
Считалось до трехсотъ. Съ сіяніемъ зари
Къ нимъ утро каждое являлся безобразный
И пьяный секретарь. Читая списокъ грязный
Охрипшимъ голосомъ, онъ вызывалъ того,
За кѣмъ пріѣхала телѣга роковая.
И обвиняемый, поспѣшно обнимая
Оставшихся друзей и на призывъ его
Отвѣтивъ твердо: „здѣсь"! на плаху шелъ спокойно;
Въ то время умирать умѣли всѣ достойно:
Простые буржуа, дворяне и народъ —
Безтрепетно всѣ шли на эшафотъ.

* * *

Однажды секретарь, со спискомъ осужденныхъ
Всегда являвшійся въ темницѣ по утру,

Въ бумагу заглянувъ, промолвилъ:—Шарль-Леру!—
И сразу не одинъ, а двое заключенныхъ
Откликнулись на зовъ. Обоихъ звали такъ.

* * *

Расхохотался онъ. — Попался я въ просакъ!
Котораго же брать?
Въ костюмѣ не богатомъ,
Одинъ изъ нихъ, судя по важности манеръ
И виду общему, казался депутатомъ.
Другой же — молодой, блестящій офицеръ —
Глядѣлъ вокругъ себя спокойно гордымъ взглядомъ.
Передъ чиновникомъ они стояли рядомъ.
— Вы оба носите прозваніе одно?
— Мы оба смерти ждемъ. —
Такъ я возьму любого! —
Но тутъ же посланный расхохотался снова:
— А впрочемъ, граждане, мнѣ это все равно,
И вы промежъ себя устраивайтесь сами;..
Да только поскорѣй: Сансонъ не за горами! —

* * *

Бесѣда ихъ была проста и коротка.
Цвѣтущій юноша спросилъ у старика:
— Женаты?
Да, женатъ. —
— А сколько дѣтокъ? —
— Трое! —
— Скорѣй! — ворчалъ писецъ:— болтаете пустое! —
Но твердо офицеръ тутъ вышелъ изъ рядовъ:
— Я осужденъ на казнь. Идемте... Я готовъ!—

1894 г.

* * *

2.

Двѣ гробницы.

Тимуръ, побѣдитель персидской земли,
Чьи полчища всюду грозою прошли,
Враговъ разгоняя, какъ тигры—лисицъ,—
Тимуръ, преклонялся предъ тайной гробницъ.
Когда полудикихъ монголовъ орда,
Селенья разграбивъ и взявъ города,
Ему воздвигала зловѣщій трофей:
Колонны изъ мертвыхъ головъ и костей,—
Угрюмо склонясь надъ лукою сѣдла,
Горѣвшаго блескомъ камней безъ числа,
И словно не слыша привѣта дружинъ,
Суровъ и безмолвенъ, спѣшилъ властелинъ
Къ воротамъ кладбища. Межъ старыхъ могилъ.
Подъ тѣнью деревьевъ онъ долго бродилъ;
И часто, встрѣчая могилу бойца,
Великаго духомъ имама, пѣвца,—
Предъ нею склонялся съ почтеніемъ ханъ.

* * *

Со взятіемъ Туси совпалъ рамазанъ,
Но городъ старинный Тимуръ пощадилъ
За то что когда то родился и жилъ,
И тамъ же нашелъ безмятежный конецъ
Фирдуси, великій народный пѣвецъ.
И долго, волнуемый странной мечтой,
Стоялъ властелинъ предъ могилою той,
Гдѣ мирно поэта покоился прахъ.
Тимуръ повелѣлъ отворить саркофагъ —
О, чудо! Подъ мраморомъ бѣлымъ плиты,
Въ гробницѣ поэта лежали цвѣты!

* * *

При взглядѣ на массу душистую розъ,
Въ умѣ властелина явился вопросъ:
Во что обратится со смертью онъ самъ?..
Вернувшись въ отчизну, спѣшитъ онъ во хра[мъ],
Гдѣ прахъ Чингисъ-хана со славой зарытъ.
И вотъ саркофагъ величавый открытъ,—
Но, трепетомъ страха невольно объятъ,
Въ испугѣ Тимуръ отступаетъ назадъ,
Блѣднѣя и хмуря въ волненіи бровь...
Въ гробницѣ героя увидѣлъ онъ кровь!

1894 г.

III.

Мадьяръ.

Графъ Иштланъ изъ рода Бенко, истинный магнатъ,
Былъ не даромъ между всѣми знатенъ и богатъ.
Разъ на праздникѣ въ селѣньѣ, пышно наряженъ,
Посреди своихъ вассаловъ появился онъ.
На его одежду глядя изумлялся міръ:
Изумруды и алмазы, жемчугъ и сафиръ,
Чуть скрѣпленные, горѣли искрами на немъ,
И при всѣхъ его движеньяхъ сыпались дождемъ...
Ослѣпленные сіяньемъ блестокъ дорогихъ,
Жадно всѣ его вассалы подбирали ихъ.

* * *

Лишь одинъ—мадьяръ типичный, въ черномъ колпак[ѣ]
И въ плащѣ—не шелохнулся, стоя вдалекѣ;
И съ толпою не мѣшаясь, смуглый и худой,
Онъ покручивалъ рукою длинный усъ сѣдой.

* * *

И къ нему-то, усмѣхаясь, подошелъ магнатъ.
— Ну, старикъ, передъ тобою я не виноватъ:

Посмотри, на всемъ кафтанѣ ни цехина нѣтъ.
Отчего не подбиралъ ты блёстокъ и монетъ?
Но мадьяръ спокойно молвилъ, словно про себя:
— Оттого, что нагибаться не умѣю я! —

1894 г.

IV.

Дуэль.

(Средневѣковая картинка).

Два щеголя среди толпы зѣвакъ,
Почтительно раздавшейся предъ ними,
Спѣшили въ Луврь. Отъ рукоятки шпагъ,
Украшенной каменьями цвѣтными,
До шляпъ съ перомъ, надѣтыхъ на бекрень
И легкую набрасывавшихъ тѣнь
На ихъ черты, все было въ нихъ красиво.
И рѣчи ихъ звучали горделиво,
И смѣлостью горѣлъ надменный взоръ,
А въ смѣхѣ слышался воинственный задоръ:
Одинъ—сокольничій, другой—наѣздникъ смѣлый,
Обоимъ—двадцать лѣтъ,—но кто рукою бѣлой
Искуснѣй ихъ закручиваетъ усъ,
Въ костюмѣ чьемъ замѣтенъ большій вкусъ,
На комъ уборъ изящнѣй и дороже?
Любой изъ нихъ—и бѣлизною кожи,
И граціей изысканной манеръ,
Отъ головы до ногъ — миньонъ и кавалеръ.

* * *

Дорогою брюнетъ такъ говоритъ блондину:
— Я, кромѣ золотыхъ, не признаю волосъ,
И пусть я дворъ изгнанникомъ покину,
Когда хоть разъ мнѣ пряди черныхъ косъ—

Не золотистыя — послужатъ изголовьемъ! —
— Что до меня — всегда любви условь
Я ставлю кудри, черныя какъ смоль, —
Сказалъ блондинъ, — храни свою лилею! —
— А ты — свой макъ!—Однако, графъ, позволь...
Твои слова?.. — За нихъ я постоять съумѣю. —
— Чтожъ? Очень радъ... На шпагахъ?—Да, мар
— Когда?—Сейчасъ! Такъ будетъ ближе къ ц
— Прекрасно! Къ черту всѣ эдикты о дуэли!
Я предложу сойти немного внизъ,
Тутъ менѣе встрѣчается народу...
Побиться я не прочь въ подобную погоду! —

* * *

Спустясь къ рѣкѣ и по дорогѣ взявъ
Двоихъ солдатъ свидѣтелями, графъ
Съ маркизомъ сбросили свои полукафтанья —
И сталь рапиръ блеснула съ двухъ сторонъ
Червоннымъ золотомъ при солнечномъ сіяньѣ.
Какъ требуетъ того учтивости законъ,
И воины оружье обнажили.

* * *

Бойцы равны по ловкости и силѣ,
Но въ фехтованьѣ предпочесть должно
Всѣ правила методы флорентинской.
Съ увертливостью чисто сатанинской
Маркизъ ударъ пріятелю нанесъ —
И графъ упалъ, проколотый насквозь...

* * *

Тогда солдатъ маркизу помогавшій
Надѣть камзолъ и шпагу пристегнуть,
Спросилъ его: — Навѣрно чѣмъ-нибудь
Обиду вамъ нанесъ большую павшій?—
Вы были съ нимъ врагами? —
— О, ничуть!—
— Но чѣмъ тогда былъ вызванъ поединокъ? —

— Брюнеткамъ онъ предпочиталъ блондинокъ. —
— И только-то?!.. Красивыхъ, монсеньеръ,
Тѣхъ и другихъ достаточно въ Парижѣ. —
— Ты правъ, — сказалъ съ усмѣшкою бреттёръ, —
— Тѣмъ больше, что теперь я увлекаюсь рыжей...

1894 г.

Бездомная собака.

Когда спѣшили вы по улицѣ пустой,
Гдѣ въ лужахъ, грязью липкой и густой
Наполненныхъ, огней мерцаетъ отраженье, —
Вамъ на пути встрѣчалась, безъ сомнѣнья,
Одна изъ брошенныхъ хозяиномъ собакъ —
Худая, жалкая, которую бѣднякъ
Прогналъ пинкомъ со вздохомъ сожалѣнья?
Она идетъ за вами по пятамъ,
Съ настойчивостью робкой и упорной,
И каждый разъ, когда случится вамъ
Взглянуть назадъ — вы встрѣтите упорный
И долгій взоръ ея печальныхъ глазъ.
И что за взоръ — тоскующій, молящій, —
Какимъ глядятъ украдкою подчасъ,
Лишь очи женщины, за счастіе дрожащей,
Иль бѣдняка, кому грозитъ отказъ...

* * *

Вы остановитесь въ раздумьѣ, — и собака,
Какъ будто чувствуя, что происходитъ въ васъ,
Тревожно ждетъ движенія иль знака,
И словно говоритъ движеніемъ хвоста
Лохматаго: — Возьми меня съ собою! —
Вы тронуты въ душѣ ея судьбою,

Но сами вы бѣдны: лишенья, тѣснота...
И вдругъ съ невольною, прорвавшеюся злостью,
Вы, на нее замахиваясь тростью,
Кричите ей сердито: — Прочь пошла!
И хвостъ поджавъ, смущенно — торопливо —
Она къ другимъ плетется сиротливо —
Искать пріюта и тепла.

1894 г.

Донъ-Жуанъ.

Не умеръ Донъ-Жуанъ! Любви искатель вѣчный,
Пучиной адскою онъ не былъ поглощенъ,
Простившись съ юностью заманчиво безпечной,
Состарѣлся въ своемъ изгнаньѣ онъ.

Виновной совѣсти не вѣдая укора,
Онъ прихотямъ своимъ служилъ еще года,
И на плечо его десница командора
Не опускалась никогда.

Не дождался его севильскій обольститель;
(И мѣсто ль мертвецу на пиршествѣ ночномъ?)
Недвижной статуей остался грозный мститель
Надъ гробовымъ холмомъ.

Нѣтъ, все произошло гораздо проще въ жизни;
Въ изгнанье Донъ-Жуанъ былъ сосланъ королемъ,
И отдавая дань обычной укоризнѣ,
Живетъ онъ, день за днемъ.

Его утѣхи тутъ: старинный томъ Мольера,
Старинныхъ клавесинъ серебряная трель,
А вечеромъ — бокалъ сѣдого Редерера,
Который подастъ сѣдой же Сганарель.

И въ креслѣ кожаномъ съ большимъ гербомъ фамильнымъ
Откинувшись назадъ, и устремляя взоръ
Въ раздумьѣ на огонь — отжившимъ и безсильнымъ
Не кажется Жуанъ и до сихъ поръ.

2.

Въ былое погруженъ, съ печалью и отрадой
Припоминаетъ онъ съ зари и до зари,
Число какое жертвъ ему прибавить надо
И завѣтный списокъ: тысяча и три.

Онъ путается въ немъ. Чредой полузабытой
Являются предъ нимъ побѣды прежнихъ дней,
А нынче поутру онъ "старымъ волокитой„
Обозванъ былъ служанкою своей.

И часто за огнемъ слѣдя усталымъ взоромъ,
Онъ тѣни блѣдныя порою видитъ въ немъ
Тѣхъ женщинъ призраки, глядящіе съ укоромъ,
Которыхъ онъ обманывалъ въ быломъ.

Тутъ всѣ онѣ предъ нимъ: красотка изъ трактира
И дама знатная на красныхъ каблучкахъ,
И обольщенная печальная Эльвира
И Матюрина съ шуткой на устахъ.

Инфантой этою въ окно Эскуріала
Жуану лѣстница плетеная была
Когда-то брошена, — и въ страхѣ замирала
Дочь королей, томилась и ждала.

И продавщицею, слывущей непреклонной
Онъ принятъ былъ въ одинъ изъ майскихъ вечеровъ,
И въ хижинѣ своей надъ глиняной Мадонной
Она тогда повѣсила покровъ.

А вотъ игуменья, презрѣвшая проклятья;
Когда-то, проводивъ въ отчаяньѣ его,
Она упала ницъ предъ мраморомъ Распятья,
И умерла, моляся за него.

Всѣ эти существа, любившія глубоко,
Нашедшія въ любви свой смертный приговоръ,
Бросаютъ на него исполненный упрека
И вмѣстѣ — нѣжный взоръ.

Но нечувствительный къ любви краснорѣчивой
Ласкающихъ очей, себѣ не измѣня,
Онъ говоритъ, встряхнувъ своей сѣдою гривой:
— Чего же вы хотите отъ меня?

Вы молите меня о каплѣ состраданья,
Но вы, отъ истинной печали далеки —
Лучи, угасшіе отъ моего дыханья!
Измятые моей рукою лепестки!

Благословлять меня должны вы ежечасно,
Я далъ страданье вамъ, но что-же изъ того?
Вѣдь было такъ оно божественно прекрасно,
Что жизнью заплатить возможно за него.

Для васъ на часъ, на мигъ открылись двери рая
Куда стремился я напрасно много лѣтъ,
Вы были счастливы, скорбя и умирая,
Для васъ блеснулъ желанный свѣтъ.

Я былъ художникомъ, поэтомъ наслажденья,
Подобно воину, который въ бой идетъ,
Я не считая жертвъ, не зная угрызенья,
Своимъ путемъ спокойно шелъ впередъ.

Меня манилъ собой миражъ неуловимый,
И я рвался къ нему, боясь отдохнуть,
Скелетовъ длинный рядъ въ степи необозримой —
Собою мой обозначаетъ путь.

Пусть я чудовище злодѣйства и порока —
Пускай мой грѣхъ тяжелъ, но кара — тяжелѣй,
И жаждою любви томился я жестоко
Въ теченьѣ жизни всей.

Когда, о женщины, пытались вы напрасно
Удерживать меня въ объятіяхъ своихъ,
Съ отчаяньемъ въ душѣ въ васъ видѣлъ слишкомъ ясно
Я въ этотъ мигъ — душою мнѣ чужихъ.

И въ ваши чудныя заплаканныя очи,
Гдѣ слезы искрились жемчужною росой —
Я холодно глядѣлъ, и о лобзаньяхъ ночи
Я вспоминалъ съ брезгливою тоской.

О, призракъ роковой тоски и пресыщенья!
Какіе ужасы несетъ съ собою день!
Въ благоуханьѣ розъ мы чуемъ запахъ тлѣнья,
И на свѣтилахъ видимъ тѣнь.

Страдая, и другимъ лишь принося страданья,
Такимъ я жилъ, такимъ въ могилу я сойду, —
И вы, вы молите меня о состраданьѣ,
Когда отъ васъ я сожалѣнья жду!

Въ любви была для васъ и высшая отрада.
Все въ мірѣ внѣ ея — страданье иль обманъ.
Не испытать ее — вотъ въ чемъ мученья ада,
И въ жизни ихъ изведалъ Донъ-Жуанъ!

1894 г.

Сонетъ.

Сомнѣваетесь вы, что однимъ мимолетнымъ свиданьемъ
Что улыбкой одной вы зажгли этотъ пламень въ крови,
И что съ этой поры и тоскою любви, и желаньемъ
Полны думы и пѣсни мои?

Для того, чтобъ во тьмѣ ослѣпительнымъ вспыхнутъ сіяньемъ,
Въ небесахъ развернуть величавыя крылья свои,

Влить отраву въ сердца и плѣнить ихъ своимъ обаяньемъ—
Много-ль времени надо: зарницѣ, орлу и любви?

Пусть, какъ сладостный сонъ, наша встрѣча была мимолетна,
Отдадимся, о другъ, мы безумію грезъ безотчетно,
Наступаетъ чарующій часъ;
Чтобъ на вѣкъ полюбить и изведать любви упоенье—
Не довольно-ли намъ одного лишь бываетъ мгновенья,
Но о ней позабыть—мало жизни для насъ!

1894 г.

Сочувствіе.

Терзаясь тоскою разлуки,
Невольно я вижу кругомъ:
Мои затаенныя муки
Нашли себѣ откликъ во всемъ.

Лилея подъ гнетомъ печали
Поникла, головку склоня,
Въ лѣсу соловьи замолчали
И звѣзды жалѣютъ меня.

На сердцѣ—и сладко и больно,
И чары природы сильнѣй
Въ душѣ воскрешаютъ невольно
Восторги исчезнувшихъ дней.

Мнѣ чудится въ пѣніи птицы
Знакомые звуки рѣчей,
И кажутся звѣзды—царицы
Мнѣ взоромъ любимыхъ очей...

1894 г.

Приговоръ.

Мнѣ снилося,—и былъ такъ странно ясенъ
Недавній сонъ,—въ гробу покоюсь я,
И слышу я, недвиженъ и безгласенъ,
Какъ приговоръ вѣщаетъ мнѣ Судья:

— Искупишь ты грѣхи свои сторицей!
Лишенною пріюта и гнѣзда
Ты осужденъ быть перелетной птицей.—
— Ну, что-же? Къ ней я полечу тогда.—

— Нѣтъ, будешь ты тѣмъ дубомъ-великаномъ,
Добычею суровыхъ непогодъ.—
— Согласенъ я: гонима ураганомъ,
Она пріютъ въ тѣни моей найдетъ!—

— Извѣдавшій земныхъ страстей тревоги!
Преступною была любовь твоя,—
Такъ будь-же ты былинкой у дороги.—
— Ну что-жъ? Ее и тутъ увижу я!—

— Безумный рабъ!—воскликнулъ голосъ властно,
— Ты смертнымъ былъ; останься имъ... Живи!
Но счастія ты не моли напрасно:
Я не верну тебѣ ея любви!

1894 г.

Падучая звѣзда.

Мечтая все о томъ, что мнѣ всего дороже,
Вечернею порой брожу я иногда,
И если промелькнетъ падучая звѣзда,
Желанье я шепчу: всегда одно и то-же.

Повѣрье есть одно, старинная примѣта,
Что если загадать о чемъ-нибудь, когда
Во мракѣ падаетъ блестящая звѣзда,—
Исполнится судьбой всегда желанье это.

Сознаюсь, милый другъ, въ сердечной глубинѣ
Примѣтой старою я тѣшусь суевѣрно,
думается мнѣ, что въ этотъ мигъ навѣрно
Ты вспомнишь съ прежнею любовью обо мнѣ?

Но дни становятся туманнѣй и короче,
Дыханьемъ холода повѣяло опять,
И какъ я ни гляжу—во мглѣ ненастной ночи
Падучихъ звѣздъ ужъ больше не видать!

1894 г.

Изъ дневника.

Когда задумавшись сижу я у огня,
И взглядъ разсѣянно скользитъ поверхъ страницъ
Видѣнье странное преслѣдуетъ меня:
Я думаю о томъ, какъ умираютъ птицы?

Мнѣ представляется рядъ опустѣлыхъ гнѣздъ,
Качаемыхъ во мглѣ порывомъ урагана,
И лѣсъ безжизненный подъ ризою тумана..
Куда дѣваются малиновка и дроздъ,
Замерзшіе зимой? Въ лѣсу, съ возвратомъ лѣта
Никто не находилъ погибшихъ птицъ скелета.—
И та-же мысль меня преслѣдуетъ опять:
Гдѣ прячутся онѣ затѣмъ, что-бъ умирать?..

1894 г.

Вдали.

Пусть это все не больше, какъ ошибка—
Но предо мною до сихъ поръ:
Любимыхъ устъ прощальная улыбка,
Прощальный взоръ.

Пусть это все безуміе,—я знаю!
Пусть даже мы не встрѣтимся опять—
Страдаю я, но я предпочитаю
Страдать.

Пусть это сонъ—не надо пробужденья,
Пусть гибну я отъ этихъ мукъ
Отраднѣе надежды исцѣленья
Мнѣ мой недугъ.

1894 г.

Гаданіе.

Ожидая отвѣта гадалки,
Передъ нею стояли онѣ:
Та—подобіе нѣжной фіалки,
Эта—розы, расцвѣтшей вполнѣ.

И вторая услышала вскорѣ:
— Будетъ горькою доля твоя.—
— Но меня онъ полюбитъ?—На горе!—
Значитъ буду счастливою я!—

— Ты любви не узнаешь отвѣтной.—
Прошептала старуха другой.
— Но сама полюблю?—Беззавѣтно!—
—Значитъ счастье ношу я съ собой.—

1894 г.

Старинный сонетъ.

У окна со стеклами цвѣтными,
За которымъ тополи шумятъ,
Гугенотка опускаетъ взглядъ,
Наклонясь надъ пяльцами своими.

Близь нея играетъ на полу
Бѣлый котъ упавшими клубками;
Вдругъ она, закрывъ лицо руками,
Далеко отбросила иглу.

Подавивъ невольное рыданье,
О пажѣ, томящемся въ изгнаньѣ,
Вспомнила красавица, дрожа...
И блѣднѣетъ гордая графиня,
На груди которой, какъ святыня
Скрытъ букетъ католика-пажа.

1894 г.

Человѣкъ-афиша.

ПОЭМА.

Лѣтъ десять передъ тѣмъ, искуснѣйшій работникъ
Былъ дядя Элоа, по ремеслу же плотникъ;
И онъ, хотя ему минуло шестьдесять,
Работы не бросалъ, и дѣло шло на ладъ:
На всѣхъ постройкахъ онъ извѣстенъ былъ не даромъ.
Но прошлой осенью онъ пораженъ ударомъ
Внезапно былъ, и тутъ онъ сразу одряхлѣлъ.
Съ чего бъ? Не пьяница онъ былъ и не бездѣльникъ,
И даже не справлялъ ни разу понедѣльникъ,
А вотъ стряслось, — и онъ остался не у дѣлъ —
Хромой, съ отнявшеюся лѣвой стороною.
И вслѣдъ за этою нежданною бѣдою,
Чтобъ только сохранить и уголъ, и кусокъ —
А скоро-ль справишся съ подобною задачей? —
Онъ радъ былъ сдѣлаться афишею ходячей.

Вы знаете его, не правда-ли? И могъ
Изъ насъ на улицѣ его увидѣть каждый.
Сегодня встрѣтился съ бѣднягою я дважды.
Онъ двигался — межъ рамъ громадныхъ заключенъ
Изъ грубаго холста, гдѣ былъ изображенъ
Малютка шляпочникъ, съ улыбкою нахальной
Глядящій въ публику, со шляпой колоссальной
Въ рукѣ, помѣченной: «семь франковъ, пятьдесятъ»...
Но—шутки въ сторону. На мой привычный взглядъ
Онъ жалокъ, со своей наружностью почтенной,
Съ какой ученики святыхъ обыкновенно

Рисуютъ; жалокъ онъ, новѣйшій вѣчный жидъ.
И грѣхъ надъ бѣднякомъ глумиться злополучнымъ,
Вѣдь онъ,—онъ не смотря на свой почтенный видъ
И добрые глаза, животнымъ сдѣланъ вьючнымъ.

Онъ бѣденъ, немощенъ и старъ, а потому
Имѣетъ онъ втройнѣ права на уваженье
И самъ я никогда не въ силахъ былъ къ нему
Иначе отнестись, какъ съ чувствомъ сожалѣнья
Глубокаго,--къ нему, кто одаренъ душой,
Какъ люди прочіе, душой такой же самой,
И кто навьюченный расписанной рекламой,
Что такъ не вяжется съ сѣдою бородой —
Хромая, странствуетъ весь день по троттуарамъ.
И неудачникомъ интересуясь старымъ,
Прошедшею весной я свелъ знакомство съ нимъ.

Однажды вечеромъ я, проходя бульваромъ
Гренельскимъ, сумрачнымъ, отцвѣтшимъ и пустымъ,
Его увидѣлъ тамъ сидящимъ одиноко.
Должно быть, передъ тѣмъ, какъ побрести въ свою
Коморку на ночлегъ—присѣлъ онъ на скамью.
Замѣтивъ, что его жалѣю я глубоко,
Онъ вспыхнулъ и блеснулъ его потухшій взоръ...
Онъ деньги оттолкнулъ; но тотчасъ разговоръ,
Перемѣнивъ, успѣлъ я съ гордостью тревожной
Бѣдняги, кое-какъ поладить:
— Съ коньякомъ
Хоть чашку кофе, да? Ужъ это, право можно...
Вотъ кстати ресторанъ и съ садикомъ. Зайдемъ...
Сѣвъ подъ акаціей невзрачной ресторана,
Разговорились мы, и съ перваго стакана
Старикъ мнѣ выказалъ довѣріе. Уменъ
И честенъ, истинный Парижа сынъ, философъ,

Касавшійся порой общественныхъ вопросовъ,
Таковъ былъ Элоа, и вотъ какъ началъ онъ:

— Сказать по истинѣ — такъ не имѣемъ права
Мы, пролетаріи, на старость. Лучше право,
Мнѣ было бъ, еслибъ я, свалившися съ лѣсовъ,
Убился до смерти. Но вѣрно ужъ таковъ
Мой жребій, и притомъ я въ жизни не былъ пьянымъ.
На горе, старики живутъ съ упорствомъ страннымъ.
И ты, изъ-за куска, на всякій трудъ готовъ.
Обвѣшанъ массою гигантскихъ объявленій,
Гдѣ публикуется о рядѣ представленій
Заѣзжихъ клоуновъ, о новыхъ порошкахъ —
Брожу я безъ конца во всякую погоду
И къ вечеру едва держуся на ногахъ,
Какъ кляча, цѣлый день таскающая воду.
Зато — три франка въ день, при томъ же на харчахъ
Хозяйскихъ, и живешь, съ единственнымъ желаньемъ
Скорѣе умереть, но все-таки гордясь,
Что не протягивалъ руки за подаяньемъ.

— Я жалуюся вамъ, а можетъ быть сейчасъ
Подумаете вы, что участью своею
Довольный, безъ стыда я примиряюсь съ нею,
И мнѣ не такъ еще живется тяжело,
Какъ многимъ? Но когда причины, по которымъ
Противнымъ стало мнѣ такое ремесло,
Я выскажу, тогда... Заняться разговоромъ
Со мной хотѣли вы... Поговоримъ.
Такъ вотъ
Когда я странствую, раздумье беретъ
Ужасное меня о томъ, что большей частью
Распространяю я безсовѣстную ложь,
Ведущую къ вреду и къ общему несчастью,
Что тѣмъ, которые обманутъ ни за грошъ

Усѣвшись при огнѣ, обзавестись домкомъ,
Порой мечтали мы, желая сбереженья
Удвоить и смотря впередъ безъ опасенья.
Мы долго прятали билеты подъ футляръ
Старинный отъ часовъ. Но вышелъ циркуляръ
„Морского общества“ — еще обманъ скандальный,
Которому успѣхъ сулили колоссальный,
И соблазнилася покойница!.. Увы,
Всего въ шесть мѣсяцевъ — какъ думаете вы?
Все сплыло, до-чиста... Не вынесла бѣдняжка
И душу отдала... Не даромъ очень тяжко
Бываетъ мнѣ, когда въ скитаніяхъ моихъ
Я долженъ помогать успѣху биржевыхъ
Мошенническихъ штукъ.
Но знаете, порою
Бывали случаи, когда казалось мнѣ
Такое ремесло ужаснѣе вдвойнѣ.
Въ тѣ дни, когда ходилъ съ афишей я большою
Изображающей танцовщицу, съ ногою
Высоко поднятой, съ улыбкой на губахъ
И съ объявленіемъ внизу о вечерахъ
Увеселительныхъ въ одномъ саду публичномъ!
Къ вамъ относуся я съ довѣрьемъ необычнымъ,
И вамъ довѣрю я несчастіе мое —
Стыдъ дочери. Вѣдь я оплакивалъ ее
Сильнѣе, чѣмъ ея скончавшагося брата:
Онъ умеръ, а она погибла безъ возврата.
Я, знаете, вдовѣлъ, а материнскій взоръ
Вѣдь нуженъ, чтобъ имѣть за дочкою надзоръ.
Притомъ же въ мастерской порядочныхъ немного,
Примѣры... И легко пойти дурной дорогой
Съ красивымъ личикомъ... Ее вчерашній день
Въ коляскѣ встрѣтилъ я, со шляпкой на бекрень
Надѣтою. Она въ Булонскій лѣсъ катила
И многихъ на себя вниманье обратила...

Ужасно! У меня, при мысли о садахъ
Публичныхъ, какъ „Эденъ“ темнѣетъ все въ глазахъ
И тутъ едва могу сдержаться я отъ стона
Въ какомъ нибудь изъ нихъ—быть можетъ дочь моя,
И, Боже праведный!—вѣдь созываю я
Самъ посѣтителей развратнаго притона!

Я открываюсь вамъ, какъ предъ духовникомъ,
Спасибо сударь вамъ, спасибо за вниманье,
Съ какимъ вы слушали мое повѣствованье.
Да, если-бъ говорилъ богатый съ бѣднякомъ
Почаще, отъ него порой о многомъ слыша—
То легче бъ намъ жилось. Нѣтъ, денегъ не возьму
Я вашихъ ни за что, но человѣкъ афиша
Кѣмъ вы не брезгали, васъ проситъ, чтобъ ему
Пожали руку вы, и съ чувствомъ состраданья
Чтобъ сохранили вы о немъ воспоминанье...—

Онъ удалился. Ночь, прозрачна и ясна
Спустилась, и небесъ глубокихъ вышина
Блеснула звѣздами, а въ думы погруженный,
Я все еще сидѣлъ, разсказомъ потрясенъ
И полонъ жалости ко всѣмъ, кто угнетенъ

Себѣ подобными. Старикъ, всего лишенный
Безжалостно, кому пришлося перенесть,
Какъ взяли у него: кровь, золото и честь,
Онъ показавшій мнѣ на этомъ объявленьѣ
Смерть сына, дочери позоръ, и разоренье
Семьи своей,—онъ знать желалъ бы, господа
Сенаторы, и вы, народа депутаты,
О благѣ общества кричащіе всегда—

Довѣрье публики, я въ этомъ хоть невольно
Обязанъ помогать... Да, смѣйтеся! Но больно
Тому, кто честенъ самъ и въ томъ лишь виноватъ,
Что въ жизни испыталъ несчастій цѣлый рядъ—
Быть вывѣской живой воровъ и шарлатановъ.
Афиша! Гласность! Ахъ, все это,—рядъ обмановъ,
Которые собой лишь губятъ бѣдняковъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ ходилъ я съ объявле
Газеты, одного изъ уличныхъ листковъ,
Торгующей семь разъ въ недѣлю „обличеньем
И гнѣвомъ пламеннымъ и льющей безъ конца
Ядъ злобы мелочной и зависти въ сердца
Предмѣстья жителей. Вы знаете, что это?
Оппортюнистская, продажная газета,
Которая, то льститъ народу, то надъ нимъ
Глумится, отъ однихъ переходя къ другимъ
Съ завидной легкостью. Мнѣ сдѣлалось извѣс
Какъ подстрекательствомъ двусмысленно безче
Подобные листки приносятъ страшный вредъ.
Во дни коммуны,—да, теперь ужь двадцать л
Исполнилось тому,—мой сынъ,—онъ малымъ че
Былъ отъ рожденія, но съ пылкой головой,—
Увлекся до того газеткою такой,
Что вскорѣ получилъ и званіе сержанта
У инсургентовъ. Онъ захваченъ былъ и палъ
Подъ пулями, а тотъ, который подстрекалъ
Другихъ, остался цѣлъ, и этого-же франта
Теперь и не узнать: въ сановники попалъ.
Проклятіе! Всегда, при каждой „уткѣ“ новой
Серьезно или нѣтъ—но возбуждать готовой
Всѣ страсти худшія, я думаю съ тоской,
И ужасомъ въ душѣ, толкаясь межъ толпой
Бульварною, съ моей афишею ужасной,

О. Н. ЧЮМИНА-МИХАЙЛОВА.

Что этотъ листъ ея, большой и яркокрасный,
Запачканъ весь въ крови ребенка моего!..

— Афиша! Чортъ возьми! Сплошное воровство!
Я знаю хорошо финансовыя штуки,
Я знаю, какъ дѣльцы нагрѣть готовы руки,
Мороча простаковъ! Громаднѣйшій процентъ
И обезпеченье, и крупный дивидендъ!
Все громкія слова: кредитъ, контора, касса,
На что и ловится довѣрчивая масса,
Тужащая потомъ о скопленныхъ грошахъ.
Три мѣсяца назадъ вы помните-ли крахъ
„Трансатлантической компаніи“? Скандальный,
Постыднѣйшій обманъ! А самъ банкротъ нахальный,
Повѣрите-ль, его встрѣчаю я на дняхъ
Въ коляскѣ, въ обществѣ разряженной кокотки!
Все поглощають ихъ прожорливыя глотки.
И, право для того, чтобъ на груди своей
И на спинѣ таскать въ теченьѣ цѣлыхъ дней
Наиглупѣйшія афиши съ именами
Воровъ, — для этого, скажу я между нами,
Быть надо бѣднякомъ и не имѣть угла.

Я ненавижу ихъ за то, что много зла
Мнѣ сдѣлали они, проклятые... Когда-то
Съ покойной моей Клемансъ почти богато
Мы зажили. Я самъ работалъ словно волъ,
Хозяйка же была большою мастерицей.
Сынка лишились мы, но дочери пошелъ
Шестнадцатый; она ходила ученицей
Къ цвѣточницѣ, и я, хоть не былъ богачемъ,
Но все-же, сколотивъ пять тысячъ, — ни о чемъ
Не безпокоился, считая, что въ сорочкѣ
Я родился. Тутъ все: приданое для дочки
И обезпеченье подъ старость. Вечеркомъ,

Здѣсь на землѣ всѣ жаждутъ перемѣны,
Лобзанья здѣсь уходятъ безъ слѣда.
Я жажду тѣхъ, что вѣчно неизмѣнны
И—навсегда!

Здѣсь на землѣ любовь непостоянна,
А дружба длится краткіе года
Я чувства жду, какому тѣнь обмана
Была-бъ чужда!

Ласточка.

Ты, которая къ нему свободно
Направляешь отважный полетъ,
И не падаешь въ мукѣ безплодной
Съ недоступно суровыхъ высотъ;

Ты, которая жажду изъ тучи
На пути утоляешь порой,
Проносяся чрезъ горныя кручи,
Чрезъ море и рѣки—стрѣлой,

Ты ненастной порою осенней
Покидавшая насъ для того,
Чтобъ вернуться съ разцвѣтомъ сиреней;
Ты, которой дороже всего

Лишь родное гнѣздо и свобода—
Какъ съ тобою схожусь я во всемъ!
И во мнѣ пробудила природа
Все, что въ сердцѣ ты носишь своемъ.

Я, какъ ты, поднимаюсь высоко
На крылахъ лучезарныхъ мечты,
И стремлюся туда одиноко,
Гдѣ паришь одиноко и ты.

Я ничьей не завидую долѣ,
Раздѣляя порывы твои,
Я хочу лишь простора и воли,
любви, безконечной любви!

* * *

Два смѣлыхъ путника, взобравшись на утесъ,
Закрывъ глаза, внимали реву моря
— Я слышу въ немъ всю прелесть райскихъ грезъ!—
— А я—весь стонъ земного горя!—

сіялъ на небѣ голубомъ,
И съ одинаковою силой
Имъ море—сфинксъ обоимъ говорило
Такую-жъ рѣчь, но разнымъ языкомъ.

Статуя и женщина.

(Les Vénus).

Былъ зимній день угрюмъ и сѣръ,
Но я подъ портикомъ античнымъ,
Взиралъ съ восторгомъ необычнымъ
На изваянія Венеръ.

И въ королевскомъ Луврѣ старомъ
Искусства видя образцы,
Я понималъ что имъ не даромъ
Отведены у насъ дворцы.

Но нищую идя дорогой,
На поворотѣ встрѣтилъ я,
И вмигъ была душа моя,
Объята грустью и тревогой...

Зачѣмъ страдаютъ тѣ, кто въ томъ не вин
ва
И въ этомъ ли—прогрессъ великій наших
дней

И словно для того, чтобъ мнѣ еще сильнѣй
Собой навѣять грусть—вонъ тамъ, изъ отдаленн
Казармы, въ тишинѣ послышался смягченный
И чистый звукъ рожка, играющаго сигналъ.
И къ небу чуждому житейской нашей муки,
Гдѣ въ яркой синевѣ созвѣздій рой сіялъ —
Неслися медленно тоскующія звуки...

1892 г.

Изъ Сюлли Прюдома.

Роса.

Я предаюсь мечтамъ, поднявъ къ лазури очи,
Въ отрадно тихіе вечерніе часы,
Когда среди луговъ рукою блѣдной ночи
Разбросаны вездѣ жемчужины росы.

Откуда же, на нихъ, дрожа, онѣ упали?
Прозрачный сводъ небесъ блистаетъ синевой.
Не тамъ-ли, въ вышинѣ сейчасъ онѣ сверкали
Предъ тѣмъ, какъ снизойти серебряной росой?

Откуда у меня явились эти слезы?
Лазурь безоблачна и даже вѣтеръ стихъ.
Не въ сердцѣ-ли моемъ росли онѣ, какъ грезы,
Предъ тѣмъ, какъ заблистать во взорѣ глазъ моихъ?

Желаніе.

Здѣсь на землѣ все слишкомъ скоротечно:
И запахъ розъ, и пѣнье соловья.
Такой весны, что остается вѣчно —
Хотѣлъ-бы я!

Но не кляни людское безучастье:
Земля скупа и непосиленъ трудъ,
На свѣтѣ общее — одна мечта о счастьѣ.
Всѣмъ тяжело лишь личное несчастье;
Рви, — иль тебя на части разорвутъ...

Но ты, вдали отъ говора и гама
Всѣхъ этихъ продавцовъ, спѣшащихъ на база
Священнодѣйствуешь среди пустаго храма.
И всѣмъ чужда тобой пережитая драма,
Не нуженъ имъ души священный жаръ.

Опомнись, другъ! Съ другими торгашами
Дѣли ихъ барыши, обманывай, кричи,
Хозяйничай въ опустошенномъ храмѣ,
И насмѣхаясь надъ прежними богами,
И честь, и стыдъ ногами растопчи!

Но если жизнь не стоитъ тѣхъ усилій —
Отдайся бурному теченію, поэтъ.
Укрась чело свое вѣнкомъ изъ розъ и лилій,
И волны, изъ страны обмана и насилій
Умчатъ тебя туда, гдѣ — вѣковѣчный свѣтъ!

1893 г.

На стражѣ.

Волнами грозными омыты,
Подъ ропотъ бурь, во мглѣ тумана
Земли надежная охрана —
Стоятъ суровыя граниты.

И ропщутъ скалы, гнѣва полны:
— Проходятъ дни, проходятъ годы,
И здѣсь — добыча непогоды —
Мы грудью сдерживаемъ волны.

Мы, въ нашей мощи вѣковѣчной,
Осуждены на разрушенье,
Спасая тѣхъ отъ истребленья,
Чья жизнь жалка и скоротечна.

Но дрогнуть смертные въ испугѣ:
Вѣдь море, рано или поздно,
Въ своемъ порывѣ смоетъ грозно
И нашъ гранитъ, и ихъ лачуги.

Одиночество.

Счастье идетъ—незамѣтное,
Чуждою міру тропой,
Имя для сердца завѣтное—
Что огласитъ предъ толпой?

Радость и муки свиданія,
Звуки рѣчей дорогихъ,
Устъ незабвенныхъ лобзанія—
Пѣснью-ли выразить ихъ?

Тайной для всѣхъ сокровенною
Счастье остаться должно:
Лирой владѣть вдохновенною
Въ мірѣ тому лишь дано.

Что, не знававшій участія,
Сердца усталаго гнетъ,
Жажду напрасную счастія—
Въ звуки ея перельетъ.

Что, упоенный отравою—
Лести коварной—въ борьбѣ,
Въ вѣчной погонѣ за славою,
Ищетъ забвенья себѣ.

Болѣзненно истомлена,
Въ какомъ-то рубищѣ несчастномъ—
Какъ молода была она,
Съ лицомъ божественно-прекраснымъ!

Густыя пряди свѣтлыхъ косъ
Лежали мягкою волною,
Глаза, съ ихъ темной глубиною,
Хранили слѣдъ недавнихъ слезъ.

Рука, исколота иглою,
Была красива, но худа;
Отъ непосильнаго труда
При лампѣ позднею порою

Ослабло зрѣніе у ней.
Скрывая стыдъ, скрывая муку,
Она протягивала руку,—
Но кто и чѣмъ поможетъ ей?

Кто видитъ гнетъ ея терзаній?
Она страдаетъ не одна.
Дворцы у насъ—для изваяній,
А ты—ты Богомъ создана!

Твоей красѣ не будетъ храма,
Они—для мертвой красоты.
И въ вихрѣ свѣтской суеты
Забудется простая драма...

Себѣ отыщешь ты пріютъ,
Быть можетъ въ омутѣ разврата;
Для женщинъ мраморныхъ—палата,
Живыя тысячами мрутъ!

1893 г.

* *
*

Кто скажетъ: я забылъ весны очарованье?
Кто скажетъ: первую я позабылъ любовь?
Нѣтъ, даже старики, чья охладѣла кровь,
Не скажутъ этого, увидѣвъ дня сіянье.

Но развѣ не всегда любимыя черты
Мы видимъ предъ собой духовными очами?
И въ сердцѣ у себя мы не хранимъ-ли сами
И первый поцѣлуй и первыя мечты?

Когда сіяніе багрянаго заката
Угаснетъ, отгорѣвъ,—изъ наступившей тьмы
Проглянетъ звѣздочка, которую когда-то
Съ восторгомъ сладостнымъ привѣтствовали мы.

И я, отъ суеты и шума утомленный,
Оставшися одинъ, припоминаю вновь
Съ волненьемъ радостнымъ и съ грустью умиленной
Неумиравшую въ душѣ моей любовь...

Борьба.

Когда-жъ, поэтъ, мечтатель неразумный,
Простишься ты съ мечтой о братствѣ и любви?
Вступая въ бой ожесточенно-шумный,
Смѣшайся-же съ толпой благоразумной,
И въ трудный часъ на помощь не зови.

Всѣ—за себя въ житейскомъ бурномъ морѣ,
До гибнущихъ пловцовъ нѣтъ дѣла никому.
Сочувствія ты не увидишь въ горѣ;
Все человѣчество подобно жалкой сворѣ:
Кто побѣдитъ—двойная честь тому!

Металломъ дорогимъ владѣю я въ избыткѣ,
Который могъ бы дать на славу мнѣ права,
Но золото мое еще покуда въ слиткѣ—
И долженъ я въ чеканъ отдать его сперва.

Достичь безсмертія! Не потонуть въ пучинѣ,
Гдѣ гибнетъ множество невѣдомыхъ именъ.
Жить въ памяти людей отнынѣ,
До отдаленнѣйшихъ временъ!

Въ дни юности мечталъ и грезилъ я объ этомъ.
И если самъ я не рожденъ пѣвцомъ—
Я первый преклонюсь предъ истиннымъ поэтомъ,—
Моихъ поэмъ невѣдомымъ творцомъ!

Просьба.

О, еслибъ вамъ была знакома
Боль одиночества, тѣснящая мнѣ грудь —
Вы, можетъ быть прошли бы мимо дома,
Гдѣ я живу, когда нибудь.

И если бъ знали вы, какое утѣшенье
Вашъ ясный взоръ приноситъ мнѣ давно—
Вы, можетъ быть, взглянули бъ на мгновенье
Ко мнѣ въ окно.

Когда бы знали вы, что горе и тревога
При видѣ васъ въ душѣ стихаютъ вдругъ, —
Вы сѣли бы у моего порога,
Какъ вѣрный другъ.

О томъ, что я люблю, о томъ, какой любовью
Люблю я васъ, — когда бъ вы знать могли —
Вы, можетъ быть, на перекоръ злословью,
Ко мнѣ бъ вошли.

Силенъ.

(Идиллія).

Пьетъ Силенъ за кубкомъ кубокъ,
Славя Вакха торжество;
Нимфы вьются вкругъ него
Стаей легкою голубокъ.

Тяготѣющій къ землѣ,
Онъ нуждается въ опорѣ —
Но съ безуміемъ во взорѣ,
Гордо сидя на ослѣ,

Потѣшается хвастливо
Надъ собравшейся толпой.
И къ нему нетерпѣливо
Всѣ пристали:—пѣсню пой! —

Дѣти съ криками повисли,
Уцѣпились за него...
— Я спою, но для того,
Чтобъ зерно высокой мысли

Вдохновеньемъ расцвѣло —
Розы пышными цвѣтами
Съ виноградными листами
Увѣнчайте мнѣ чело! —

Дѣти кинулись въ долину:
Не оставили цвѣтка, —
И, вскарабкавшись на спину,
Увѣнчали старика.

— Пой же! — Прежде пусть Аглая
И Неэра — красота,
Поцѣлуемъ вдохновляя,
Разомкнуть мои уста! —

Сосѣдство.

Вы хотѣли узнать, почему я
И за что—васъ безумно люблю?
Отчего васъ увидѣть хочу я?—
Вы похожи на юность мою.

Часто въ вашемъ мечтательномъ взорѣ,
Въ вашихъ темныхъ очахъ я ловлю
То восторгъ мимолетный, то горе,—
Вы похожи на юность мою.

Часто, вашей плѣненъ красотою,
Я предъ вами подолгу стою:
Идеальной ея чистотою
Вы похожи на юность мою.

Но предчувствіемъ сердце томимо:
О любви я смиренно молю —
Вы же молча проходите мимо...
Вы похожи на юность мою.

Ревность.

Я видѣлъ ихъ, но мой печальный взоръ,
Мой тихій вздохъ—ихъ счастья не смутили.
И лишь въ душѣ я прошепталъ укоръ:
— Меня вы, значитъ, не любили?—

Кругомъ цвѣла душистая сирень
И облака среди лазури плыли...
— Забыли вы такой же вешній день?
Меня вы значитъ не любили?

Другой, склонясь, шепталъ ей о любви,
Кругомъ цвѣты благоуханье лили...
— Забыли вы моленія мои?
Меня вы значитъ не любили?

И вдругъ, меня замѣтивъ тамъ, въ тѣни,
Улыбкою меня вы подарили —
Не для того-ль, чтобы напомнить дни
Когда меня вы не любили?

Идеи и форма.

Себя считаю я поэтомъ по призванью;
Кто знаетъ, не ошибся-ль я?
Я вѣрю въ истину; къ добру и состраданью
Душа отзывчива моя.

Но, можетъ быть, я тайной не владѣю—
Одушевлять и волновать сердца,
И въ форму воплотить великую идею
Не въ силахъ до конца?

И все-жъ, когда скульпторъ, трудясь надъ изваяньемъ
И тяжестью задачи побѣжденъ
Не властенъ справиться съ капризнымъ очертаньемъ—
Ужели оттого онъ меньше вдохновленъ?

Кто пережилъ со мной мечты мои и слезы?
Всѣ люди чувствуютъ равно,
Но въ образы облечь затѣйливыя грезы—
Не всякому дано.

Порой для думъ своихъ ищу я тщетно слова,
Порывъ могучъ, но нѣтъ могучихъ силъ;
Подъ тканью рубища простого
Свои дары, увы, я схоронилъ.

И прелестныя созданья,
Словно пчелъ ревнивыхъ рой,
Всѣ спѣшатъ на перебой
Подарить ему лобзанье.

— Начинай же! — Радъ бы я,
Но оселъ мой скачетъ шибко, —
И обманщика съ улыбкой
Въ тѣнь вѣтвей ведутъ друзья.

Выражая нетерпѣнье,
Всѣ столпились вкругъ него,
Ждутъ, — и что-жъ? Не звуки пѣнья —
Изъ раскрытыхъ устъ его
Льется громкое храпѣнье...

1894 г.

Идеалъ.

Красою звѣздною сіяютъ неба своды,
Но лишь къ звѣздѣ одной летитъ моя мечта
И мнится мнѣ — душа великая природы
Въ дыханьѣ ночи разлита.

О, дивная звѣзда! Она еще незрима
Для міра, гдѣ царятъ насилье и вражда,
Но тьма разсѣется: надъ нимъ непобѣдимо
Она взойдетъ въ грядущіе года.

О, братья смертные, и въ этотъ мигъ желанный
Вы всѣ, кому блеснетъ ея отрадный свѣтъ —
Скажите, что ее во мглѣ вѣковъ туманной
Провидѣлъ и любилъ поэтъ!

Въ лѣтнюю ночь.

Мчись, мой конь, вздымая искры огненнымъ дождемъ!
По горамъ и по долинамъ вихремъ промелькнемъ.
Пусть далеко раздается стукъ твоихъ копытъ,
И его собою звонко эхо повторитъ.

Намъ на встрѣчу свищетъ вѣтеръ и журчатъ струи,
Ты окрасилъ алой пѣной удила свои,
Но впередъ летишь ты смѣло, черезъ лѣсъ и долъ, —
Какъ въ своемъ полетѣ быстромъ — царственный орелъ.

Такъ степей необозримыхъ вольные сыны
Мчатся бѣшено въ набѣги, удалью полны,
И впередъ стремится каждый, мужествомъ объятъ
Для себя не признавая никакихъ преградъ.

Уноси меня въ пространство! Жажду грудью всей
Я упиться на свободѣ воздухомъ полей,
И съ какой-бы ты ни мчался странной быстротой —
Я тебя опережаю пылкою мечтой.

Ураганомъ, конь мой вѣрный, бурею лети,
Сокрушая всѣ преграды на своемъ пути.
Улетимъ туда, гдѣ слышенъ крикъ орлиныхъ стай,
Въ неизвѣданную область, въ незнакомый край!

Былое.

Порою въ тишинѣ я говорю былому:
— Напомни мнѣ опять о милой старинѣ! —
И тутъ оно, стряхнувъ дремотную истому,
Приподнимается и въ очи смотритъ мнѣ.

Потомъ, облекшися въ весенніе уборы,
Оно ведетъ меня въ волшебные края,
Гдѣ чаровало все и радовало взоры,
Гдѣ прежде я любилъ, и былъ счастливѣй я.

Имъ зажжены огни, горѣвшіе когда-то,
И чаши розами украшены богато;
Но, пристально вглядясь въ спокойный ликъ его,
Я убѣждаюся, что пламя прежней страсти
Не воскреситъ его и не имѣетъ власти
Надъ тѣмъ, что навсегда останется мертво!

1894 г.

Искусство и любовь.

Буйный вѣтеръ степей, къ дальней цѣли стремясь,
Буйный вѣтеръ, могучій и смѣлый,
Встрѣтивъ пышный цвѣтокъ, затоскуетъ, кружась
Надъ высокою лиліей бѣлой.

— О, останься со мной! — тихо шепчетъ она;
— Отдохни отъ скитаній — со мною!
Я тоскою любви и желанья полна
Подъ холодной моей бѣлизною.—

— „Я блуждать осужденъ, я мечтою гонимъ:
Видишь тучу вдали грозовую?
Подожди же, пока дуновеньемъ своимъ
Жизнь и свѣтъ въ эту массу вдохну я.“—

— Возвращайся ко мнѣ, буду вѣрить и ждать.
Ты — въ пространствѣ небесномъ витая,
Я прикована здѣсь — мы сойдемся опять,
Лишь затихнетъ гроза, отлетая.—

— „Я вернусь",—шепчетъ онъ, исчезая во мглѣ.
Ароматомъ любви напоенный,
А она, колыхаясь на тонкомъ стеблѣ,
Головой поникаетъ склоненной.

Свѣтлый грезѣ своей вся она отдалась,
Онъ—борьбы увлеченью на волѣ,—
Но когда, затихая, гроза пронеслась
И насталъ заповѣдный свиданія часъ—
Ихъ обоихъ ужъ не было болѣ.

Сонетъ.

Въ сосудахъ грубаго и крѣпкаго закала
Обильно пѣнится дешевое вино,
Но для изящнаго, граненаго бокала
И грубымъ, и простымъ казалось бы оно.

И чаша съ высоты родного пьедестала
Напитка чистаго напрасно ждетъ давно,
Достойнаго красы и цѣнности металла,—
Ей одиночество судьбою суждено.

Напитокъ для него найдется тѣмъ скорѣе,
Чѣмъ формою сосудъ и проще, и грубѣе—
И тщетно ждетъ его лишь кубокъ золотой.

Такъ въ жизни: тѣ сердца бываютъ одиноки,
Чьи помыслы чисты, стремленія высоки—
Они пренебрегли любовію земной.

Воспоминанія.

Часто въ памяти я возвращаюсь къ нимъ,
Къ этимъ чуднымъ годамъ отдаленнымъ,
Къ этимъ грезамъ любви и мечтаньямъ былымъ
Невозвратно въ душѣ схороненнымъ.

Быстро юность прошла, улетаютъ года,
Обрываются многія струны,
И лишь эти мечты навсегда, навсегда
Остаются и свѣжи и юны.

Я оплакивалъ ихъ, какъ любимыхъ дѣтей,
И заплакать, какъ прежде, готовый—
Я предъ ними стою и рукою своею
Съ ихъ лица поднимаю покровы...

И какъ въ прежніе дни, весь волнуюся я
Тѣмъ же чувствомъ любви и печали,
Неизмѣнной осталася нѣжность моя,
Но меня бы онѣ не узнали:

Измѣнилась душа, измѣнились черты,
Не вернуть мнѣ надежду былую,
И тревожить теперь молодыя мечты,
Воскрешать ихъ теперь не хочу я.

Не хочу я, чтобъ ихъ поцѣлуи мои
Отъ могильнаго сна пробудили,
Потому что онѣ—эти грезы любви
Слишкомъ, слишкомъ несчастливы были.

893 г.

Изъ Катюлль-Мендеса.

Въ путь-дорогу.

(сонетъ).

Презирая доступныя цѣли,
Къ отдаленнымъ, волшебнымъ краямъ,
Не пугаясь предательской мели —
Поплывемъ по безбрежнымъ морямъ.

И пускай небеса потемнѣли —
Довѣряя своимъ парусамъ,
Мы безстрашно плывемъ къ колыбели
Идеала: къ волшебнымъ краямъ.

Въ тщетныхъ поискахъ новаго рая,
Мы, искатели чуднаго края,
Будемъ вѣчно стремиться туда,
Съ тѣмъ, чтобъ, вѣчною жаждой сгарая,
Не увидѣть, вдали умирая,
Намъ его береговъ никогда.

Инстинктъ жизни.

(сонетъ).

Давно уста разстались съ улыбкой,
Давно въ очахъ не видно прежнихъ слезъ,
Все худшее я въ жизни перенесъ,
Все лучшее—считаю я ошибкой.

Я не страшусь, судьба, твоихъ угрозъ,
Не дорожу твоею я улыбкой;
Недѣли, дни — проходятъ тѣнью зыбкой,
Безъ горестей и безъ блаженныхъ грезъ.

Какъ заживо въ могилѣ погребенный,
Иль какъ скупецъ, сокровища лишенный,
Гнетъ бытія обязанъ я влачить.
Стряхнуть его — мнѣ было-бъ облегченье,
Но я живу: изъ одного влеченья,
Потребности — дышать и жить.

Поэтъ.

Вечерняя звѣзда сіяла въ вышинѣ
И отражалася въ дробящейся волнѣ.
И путникъ тутъ спросилъ у юноши поэта:
— Повѣдай, наконецъ, искатель вѣчный свѣта,
Ты, воспѣвающій, среди цвѣтущихъ розъ,
Иллюзію страстей и обольщенье грезъ —
Какая разница межъ нами и тобою?

— Смотрите,—молвилъ тотъ:— надъ вашей головою
Вы видите звѣзду блестящую?— О, да!
— Но если вы глаза закроете—звѣзда
Вамъ будетъ не видна, не правда-ли?—Конечно.
— А мнѣ — сказалъ поэтъ,— она сіяетъ вѣчно:
Закрывъ глаза свои, я вижу предъ собой
Сіяніе ея въ лазури голубой.—

Пѣсня.

Молвитъ солнце землѣ бѣлоснѣжной:
— О, когда-жъ моей лаской нѣжной
Растоплю я снѣга твои вновь?—
И сердцамъ повторяетъ любовь
То, что солнце — землѣ бѣлоснѣжной.

Молвятъ пчелы сиренямъ лиловымъ:
— О, когда же мы къ вашимъ медовымъ
И душистымъ прильнемъ лепесткамъ?—
Говорятъ поцѣлуи устамъ
То, что пчелы — сиренямъ лиловымъ.

Молвятъ звѣздочки гордой планетѣ:
— Лишь въ твоемъ ослѣпительномъ свѣтѣ —
Жизнь, и радость, и счастіе намъ!—
Молвятъ взоры любимымъ очамъ
То, что звѣздочки—гордой планетѣ.

Сочувствіе.

Когда, подобно горлицѣ пугливой,
Ты уклоняешься смущенно и стыдливо
Отъ поцѣлуя одного —
Я буду терпѣливъ; повѣрь не оскорблю я
Тебя, дитя, безумьемъ поцѣлуя
Я своего.

Когда глаза твои съ ихъ глубиной прозрачной
Не любятъ, чтобы въ нихъ глядѣлся вечеръ
мрачный —
Страданье затая,
Веселья твоего пускай я буду эхо,
И для тебя охотно маску смѣха
Надѣну я.

Но если, другъ, склоняясь, какъ лилея
Подъ зноемъ, ты грустишь, томяся и блѣднѣя —
Повѣрь, печаль твоя
Священною мнѣ будетъ и родною,
И непритворными слезами надъ тобою
Заплачу я!

МИНІАТЮРЫ.

(Menus poèmes).

Ученикъ Будды.

Въ раздумье погруженъ, стоялъ недвижно Будда
И молвилъ ученикъ:—Любовь свершаетъ чудо.
Освобожденные отъ вѣковѣчной тьмы,
Подобны вольному теченію умы!
Лѣса переходя, переплывая рѣки, —
Я къ отдаленнѣйшимъ изъ міровыхъ племенъ
Пойду, чтобъ возвѣстить великій твой законъ,
И тѣмъ утѣшить ихъ и просвѣтить во-вѣки.

Но Будда отвѣчалъ, ученика любя:
— А если заклеймятъ проклятіемъ тебя,

Что скажешь ты, о другъ?
— Скажу, что люди эти
Не чужды жалости! Взамѣнъ мужи и дѣти
Могли бы закидать каменьями меня. —
— А если ихъ толпа, пророка изгоня,
Подниметъ на тебя дѣйствительно каменья? —
— Я все же призову на нихъ благословенья.
Не камни и песокъ, а лезвіе меча
Могли они поднять, безжалостно влача
Меня на судьбище и осудивъ на муки. —
— Но если грозный мечъ поднимутъ эти руки? —
— Такъ я скажу себѣ: разгнѣванной толпой
Я могъ убитымъ быть, межъ тѣмъ я только раненъ. —
— А если отъ меча падешь ты бездыханенъ? —
— Скажу: блаженны всѣ, обрѣтшіе покой. —
— Ступай, — сказалъ тогда ему великій Будда:
— Учи, освобождай, — тебѣ возможно чудо! —

Милосердіе.

Въ теченьѣ семнадцати долгихъ вѣковъ,
Отъ синихъ морей до сыпучихъ песковъ,
Съ усильемъ влача утомленныя ноги,
Вездѣ исходилъ онъ пути и дороги.
Пустынею дикой, во мракѣ пещеръ,
Гонимый проклятьемъ, бѣжалъ Агасферъ.
Своимъ появленьемъ прохожихъ пугая,
Весь міръ обошелъ онъ, отъ края до края,
Не зная покоя, не вѣдая сна.
На сѣверѣ дикомъ, гдѣ плещетъ волна,
Однажды, печальныя очи понуря,
Онъ шелъ по сугробамъ, и снѣжная буря,

Казалось, ему повторяла: — Иди!
И вырвался вопль изъ усталой груди.
— О, еслибъ найти мнѣ для отдыха ложе
Межъ этихъ утесовъ! Повѣдай, о Боже!
Что долженъ я сдѣлать, чтобъ тягостный путь
На вѣки окончить и въ мирѣ уснуть? —

Покуда молилъ онъ о жалости небо,
Старикъ, не имѣющій крова и хлѣба,
Шелъ мимо, — и, чувствуя жалость къ нему,
Онъ нищему отдалъ свой плащъ и суму.

И это исполнивъ, онъ въ тоже мгновенье
Почувствовалъ ясно конца приближенье,
И кроткая смерть улыбнулась ему.

Мать-земля.

Когда рѣшилъ въ своей премудрости Господь
Изъ праха жалкаго создать живую плоть, —
Онъ землю взялъ со всѣхъ концовъ вселенной:
Съ востока, гдѣ цвѣтутъ въ красѣ ненарѣченной
И пальмы стройныя, и золотой бананъ,
Съ окраинъ запада, гдѣ плещетъ океанъ,
Съ цвѣтущихъ береговъ сіяющаго юга,
И съ сѣверныхъ равнинъ, гдѣ завываетъ вьюга.
Хотѣлъ Онъ, чтобъ вездѣ, во всѣхъ концахъ земли,
Гдѣ кости путника пріютъ себѣ нашли —
Земля холодная не мачихою злою
Была-бъ усталому, а матерью родною.
Въ какомъ-бы уголкѣ, объ отдыхѣ моля,
Гнетъ жизни не сложилъ и сердце онъ больное —
Чтобъ всюду путнику могла сказать земля:
— Приди на грудь мою, засни, дитя родное!

Левъ.

Христа ученію вѣрна,
Богамъ языческимъ она
Не поклонялась, — и въ собраньѣ
Актею преторъ осудилъ
Отдать звѣрямъ на растерзанье.
А такъ какъ видимо смутилъ
Нескромный взоръ ея стыдливость —
Судья, цѣнившій справедливость,
Велѣлъ при этомъ, чтобъ она
На казнь явилася нагою.

И предъ толпой обнажена
Она предстала; лишь волною
На грудь ей падала коса.
Внезапно шопотъ раздался:
Кругомъ вздымая прахъ летучій,
Тремя прыжками левъ могучій
Въ мигъ очутился близъ нея...
И циркъ, дыханье затая,
При этомъ зрѣлищѣ ужасномъ
Дрожалъ въ восторгѣ сладострастномъ
И царь пустынь, издавши ревъ,
Полураскрылъ свой грозный зѣвъ...
— Назадъ!—воскликнула Актея,
И звѣрь, ослушаться не смѣя,
Прилегъ, мгновенно присмирѣвъ.
А такъ какъ дѣва предъ толпою
Своей смущалась наготою—
Смежилъ зеницы грозный левъ.

Во имя долга.

Алонзо де-Перецъ, защитникъ цитадели,
Герой, чьи волосы въ сраженьяхъ посѣдѣли,
И кѣмъ гордится вся кастильская земля,
Готовый жизнь отдать за честь и короля —
Обходитъ медленно валы и укрѣпленья.
Онъ крѣпость отстоитъ, какъ слѣдуетъ бойцу;
Со смертью свыкся онъ: ее въ пылу сраженья
Не даромъ видѣлъ онъ всегда лицомъ къ лицу.

Одно по временамъ съ непобѣдимой силой
Смущаетъ воина: Алонзо де-Перецъ
Не только гражданинъ, онъ также и отецъ.
Наслѣдникъ имени, послѣдній отпрыскъ хилый
Ствола могучаго — ему на склонѣ лѣтъ
Дарованъ былъ. Тотъ мигъ, когда на Божій свѣтъ
Явилося дитя — былъ также безъ сомнѣнья
Минутою, когда впервые пробужденье
И сердца своего почувствовалъ старикъ,
Блѣднѣвшій каждый разъ, услышавъ дѣтскій крикъ.

Ребенка своего онъ самъ отправилъ въ горы,
Но мавры въ эту ночь, подкравшись, словно воры,
Селенья предали мечу и грабежу,
А старцевъ и дѣтей безпомощныхъ — ножу.
И вотъ — передъ лицомъ опасности спокоенъ —
О чемъ украдкою вздыхаетъ старый воинъ:
Печаль — въ душѣ его, и слезы, какъ туманъ,
Собой увлажили рубцы старинныхъ ранъ.

Но вдругъ, сіяющій кольчугой дорогою,
Весь въ золотѣ — герольдъ явился подъ стѣною

И громко возвѣстилъ, что славный донъ-Жуанъ
Кастильскій говорить желаетъ съ донъ-Алонзо.
(Съ душею черною и твердою, какъ бронза,
Иль вѣковой гранитъ, отступникъ донъ-Жуанъ
Былъ предводителемъ безбожныхъ мусульманъ).
Алонзо, не страшась возможности измѣны,
Спокойно поднялся на крѣпостныя стѣны.
— Я здѣсь, сеньоръ!
— Смотри!—воскликнулъ ренегатъ.
И всѣ увидѣли, что онъ одной рукою
Держалъ оружіе, и мальчика — другою.
Ребенокъ закричалъ, — и, ужасомъ объятъ,
Отецъ узналъ его.
— Отдай моимъ дружинамъ!
Не то вотъ этотъ мечъ съ твоимъ малюткой сыномъ
Покончитъ черезъ мигъ, — и въ томъ свидѣтель Богъ!

Но молнія въ глазахъ Алонзо заблистала.
— Презрѣнный, опусти обратно твой клинокъ:
Онъ недостаточно хорошаго закала
Чтобъ даже голову младенца имъ отсѣчь!...

И съ высоты стѣны ему швырнулъ онъ мечъ.

Изъ Хозе-Марія де-Эредіа

Смерть орла.

Когда, взмахнувъ могучими крылами,
Свободы жаждою возвышенной томимъ,
Орелъ подъ небомъ голубымъ
Паритъ надъ вѣчными снѣгами;

И миновавъ вершины грозныхъ кручъ,
Просторомъ голубымъ и солнцемъ опьяненный,
Достигнетъ онъ молніеносныхъ тучъ
И тутъ же падаетъ, смертельно пораженный, —

Онъ такъ же счастливъ, какъ и тотъ,
Кто, отряхнувъ сомнѣній гнетъ,
Стремится побѣдить — иль пасть въ борьбѣ неравной;
Кто рвется на просторъ, на солнце, къ небесамъ,—
И, ихъ достигнувъ, гибнетъ тамъ
Такой же смертью — скорою и славной!

Горныя вершины.

Снѣгами вѣчными покрыты,
Людской пугающіе взоръ,
Вы, недоступные граниты,
И выси дѣвственныя горъ,—

Всегда служили вы оплотомъ
Тому, кто къ вамъ безъ страха шелъ.
Всѣмъ, не склонявшимся подъ гнетомъ
И презиравшимъ произволъ.

На эти сумрачныя кручи,
Гдѣ рѣютъ коршуны и тучи,
Ступалъ лишь смѣлый человѣкъ.
Здѣсь жили вольные народы,
И колыбелью ихъ свободы
Гора является во вѣкъ.

Тріумфатору.

Герой и полубогъ! На аркѣ тріумфальной
Свои дѣянія изобразить вели;
Кровопролитный бой, народъ рабовъ опальный,
Склоненный до земли...

И кто бы ни былъ ты — изъ первыхъ гражданъ Рима
Происхожденіемъ, или простой плебей —
Все начертать вели неумолимо,
Заслуги всѣ твои предъ родиной твоей.

Иначе — берегись! Тебѣ грозитъ забвенье.
Чредой подъ сѣнь могилъ нисходятъ поколѣнья,
И падаетъ во прахъ поверженный гранитъ.
Современемъ косарь, бродя среди равнины,
Наткнется, можетъ быть, на жалкія руины,
И косу о трофей забытый раздробитъ...

На Циднѣ.

По темнымъ волнамъ золотая трирема
Плыветъ, оставляя серебряный слѣдъ
Корму украшаетъ, какъ символъ побѣдъ,
Орелъ распростертый—величья эмблема.

Все ярче вдали пламенѣетъ закатъ,
Струятся куренья волной благовонной;
Царица, склоняся на бортъ золоченый,
Впередъ устремила сверкающій взглядъ...

Въ мечтахъ передъ нею—Антоній влюбленный,
Покорный и нѣжный, какъ левъ укрощенный!
Сильнѣй у царицы волнуется кровь,
И, сладость побѣды вкушая заранѣ,
Не видитъ она надъ собою въ туманѣ
Два призрака: Смерть и Любовь.

Антоній и Клеопатра.

Вмѣстѣ съ террасы они на Египетъ взирали,
Тихо дремавшій у ногъ ихъ. Серебряный Нилъ
Волны свои величаво и мѣрно катилъ,
Легкій туманъ опоясывалъ дали.

Молча къ вождю Клеопатра приникла, дрожа.
Страстью объятый, склонился надъ нею властитель,
Онъ—побѣжденный красою ея побѣдитель,
Гибкое тѣло въ могучихъ объятьяхъ держа.

Царственный ликъ въ ореолѣ кудрей благовонныхъ,
Очи, мерцавшія нѣгой желаній влюбленныхъ.
Тихо къ нему обратила она.

Видѣлъ-ли онъ въ этомъ темномъ загадочномъ взорѣ:
Акціумъ грозный, вспѣненное бурею море,
Бѣгство судовъ и могильную тьму!..

I. Рабъ.

Несчастный, жалкій рабъ, полунагой, голодный.
Какимъ теперь меня ты видишь предъ собой —
Я также сынъ страны, прекрасной и свободной.
Гдѣ ясенъ сводъ небесъ прозрачно голубой.

Ее покинулъ я, и вотъ ношу я узы!
О, путникъ, слѣдуя за стаей лебедей,
Когда вернешься ты отсюда въ Сиракузы —
Молю, снеси привѣтъ возлюбленной моей!

Увижу-ль я опять улыбку устъ пурпурныхъ
И блескъ очей ея, мечтательно лазурныхъ?
Свиданья радость намъ ужель не суждена?
Скажи: въ душѣ моей незыблемъ образъ чистый!
О, путникъ, поспѣши къ жилищу Клеаристы —
Ее узнаешь ты: она всегда грустна.

2. Элегія.

Прохожій, не медли въ тѣни мавзолея,
Гдѣ прахъ мой безвременно въ землю зарытъ.
Цвѣтовъ не касайся, пусть миртъ и лилея
Свободно цвѣтутъ между плитъ.

Ты видишь голубку? Не цѣлься напрасно!
Молю я, оставь смертоносный свой лукъ.
Вѣдь жизнь молодая волшебно прекрасна —
Дай жить ей, о другъ!

Среди ликованій, въ день брачнаго пира
Похищена смертью была я изъ міра,
И нынѣ судитъ мнѣ безжалостный рокъ
Томиться и вянуть въ чертогахъ Эреба,
Вдали отъ того, кто волѣньемъ неба
Такъ близокъ мнѣ былъ и далекъ.

СРЕДНЕВѢКОВЫЕ СОНЕТЫ.

Лебединая пѣснь.

Оперпись о мраморъ балюстрады,
Надъ Луарой темно-голубой —
Вдаль она глядитъ передъ собой,
И печалью дышатъ эти взгляды...

Подъ ея прозрачною рукой
Вновь звучатъ аккорды серенады.
Въ камышахъ береговыхъ цикады
Вторятъ звукамъ лютни золотой.

И несется пѣснь ея далёко,
Вслѣдъ тому, кого она глубоко
Полюбила сердцемъ молодымъ.
Меркнетъ день надъ тихою долиной
И, быть можетъ, станетъ лебединой
Эта пѣсня, сложенная имъ...

Подражаніе Петраркѣ.

Изъ Божьяго храма вы шли отъ обѣдни, мадонна,
И золото бѣднымъ вы сыпали щедрой рукой,
Подъ портикомъ темнымъ сіяли вы свѣтлой красой,
И взоръ мой за вами слѣдилъ неуклонно.

Я вамъ поклонился, но, словно не видя поклона,
Прошли вы, упорно смотря лишь впередъ предъ собой.
И гнѣвная краска въ лицѣ разлилася волной,
И взоръ вашъ блеснулъ непреклонно.

Но добрый Амуръ, снисходящій на наши моленья,
Не могъ допустить, чтобъ источникъ живой утѣшенья
Повергнулъ меня въ безутѣшную скорбь навсегда:

Покуда покровъ опустить вы спѣшили—рѣсницы
У васъ трепетали, какъ крылья испуганной птицы,
И очи сіяли, какъ въ небѣ вечернемъ звѣзда...

Догаресса.

Съ террасы мраморной спускаются синьоры,
Которыхъ написалъ великій Тиціанъ;
Алмазами горятъ мечи ихъ и уборы,
Парча и шелкъ одѣли стройный станъ.

И часто, съ дерзкою отвагою во взорѣ,
Глядятъ они туда, гдѣ смѣло надъ волной
Взвиваются цвѣтá Венеціи родной
И Адріатика синѣетъ на просторѣ.

Вдали отъ ихъ толпы, блестящей и пустой,
Блистая дивною и властной красотой,
Какъ въ сказкѣ гордая принцесса,

Даритъ улыбкою привѣтливой своей
Пажа, парчевый шлейфъ несущаго за ней,
Ихъ догаресса.

Полдень.

Полдневная жара. Замолкли въ рощахъ птицы.
Въ травѣ едва журчитъ серебряный ручей.
И только мотыльковъ безпечныхъ вереницы
Кружатся въ сумракѣ таинственномъ вѣтвей.

Въ небесной синевѣ сіяніе денницы —
Все ослѣпительнѣй, все жгучѣй, горячѣй,
И сквозь смеженныя дремотою рѣсницы,
Я созерцаю сѣть изъ золотыхъ лучей.

Купаясь въ солнечномъ, колеблющемся свѣтѣ.
Мелькаютъ бабочки, и видя игры эти,
Мнѣ хочется поймать сіяющую нить;
Какъ риѳму звучную въ изысканномъ сонетѣ,
Я въ петляхъ золотыхъ неуловимой сѣти
Гармонію стиха пытаюсь заключить.

1896 г.

Изъ Армана Сильвестра.

Пѣсни о звѣздахъ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Куда текутъ во мглѣ свѣтила?
Въ тотъ свѣтлый край, что озарила
Собою вѣчная заря;
И имъ во слѣдъ къ его предѣламъ
Поднимемся порывомъ смѣлымъ,
Высоко духомъ воспаря.

Полночный сумракъ лишь порогомъ
Для насъ является къ чертогамъ,
Куда приводитъ смерть сама.
И этотъ сумракъ безъ просвѣта —
Лишь трудный путь въ обитель свѣта,
Но онъ блеснетъ,—и сгинетъ тьма!

Изъ міра скорби и сомнѣнья
И намъ заря освобожденья
Предвозвѣщаетъ переходъ —
Когда, какъ звѣзды, мы мерцаемъ
И тихо гаснуть начинаемъ —
О, значитъ, близится восходъ!

Желаніе.

Тропинкой мы шли отдаленной,
При блѣдномъ сіяньѣ луны,
И трепетъ любви затаенной
Намъ слышался въ плескѣ волны.

Казалося, имъ трепетали
Во мракѣ деревьевъ листы.
И звѣзды въ сіяющей дали;
И тихо головки склоняли
Объятые нѣгой цвѣты.

И молвилъ я съ нѣжной любовью:
— О, другъ мой! безумно любя,
Всей жизнью моею и кровью
Пожертвую я для тебя.

Скажи—и, велѣнью покорный,
Я брошусь въ шумящій потокъ;
Повиснувъ надъ бездною черной,
Тебѣ я съ вершины нагорной
Достану альпійскій цвѣтокъ!

Но звѣздной любуяся далью,
Серебрившейся въ темномъ пруду,
Она прошептала съ печалью:
Кто дастъ мнѣ вонъ эту звѣзду?

Предъ нею, безъ слова отвѣта
Стоялъ я, потупивъ глаза.
Она продолжала:—Вѣдь эта
Звѣзда золотая—слеза.

То первыя чистыя слезы
Сіяютъ звѣздой съ высоты,
Счастливыя юности грёзы
И отблескъ ея чистоты! —

Закатъ.

Вся глубина небесъ пылаетъ, какъ въ огнѣ,
Багряница дымкою прозрачною объята.
Подобно блеску дня, хотѣлось бы и мнѣ
Угаснуть въ золотѣ заката.

Я отгорѣть хочу, какъ заходящій день,
И надъ полями пасть живительной росою,
Землѣ покинутой прохладу, миръ и тѣнь
Оставивъ за собою.

Что были-бъ для меня холодной смерти мгла
И тайны вѣчности и ранняя могила —
Когда-бы, отлетѣвъ навѣки, перешла
Душа моя въ надзвѣздныя свѣтила!

Угаснуть, умереть, окончить путь земной,
Всему сказать: прости! безстрастно и сурово,
И возродиться вновь въ лучахъ зари иной
Для жизни радостной и новой.

Какъ солнце, совершать побѣдоносный кругъ,
За грань чудеснаго проникнувъ безъ запрета:
Носить въ себѣ самомъ и разливать вокругъ
Источникъ пламени и свѣта.

Не солнечный ли лучъ рождается порой
И въ сердцѣ у меня, оберегаемъ свято?
О, если-бъ отгорѣть, какъ онъ, въ огнѣ заката,
И возродиться вновь съ сіяющей зарей!

Изъ осеннихъ мелодій.

Послѣдній листъ.

Осень роковая, блѣдною рукою
Что за даръ печальный ты несешь съ собою?
Что въ дождѣ и вѣтрѣ мнѣ приносишь ты?
— Желтые листы!

Что же означаетъ этотъ даръ печальный:
Тихую-ли ласку и привѣтъ прощальный,
Иль судьбы насмѣшку съ дикимъ торжествомъ?
Память о быломъ!

Кто мнѣ посылаетъ этотъ даръ священный,
Какъ залогъ былого счастья незабвенный?
Отвѣчай, откуда мнѣ онъ присланъ былъ?
— Съ дорогихъ могилъ!

Поздняя любовь.

Твоя улыбка въ сердцѣ властно
Рождала трепетъ роковой,
Но смыслъ его разсудокъ мой
Постичь надѣялся напрасно.

Встрѣчая взоръ твоихъ очей,
Я втайнѣ чувствовалъ волненье
И уяснить въ душѣ своей
Не въ силахъ былъ его значенье.

Но видя взоры этихъ глазъ,
Вдругъ заблиставшіе слезою, —
Я понялъ сердцемъ и душою,
Что полюбилъ въ послѣдній разъ.

SÉRÉNADE d'AUTOMNE.

И вѣтеръ, и небо, и волны —
Все шепчетъ во тьмѣ о любви.
Молю я, отчаянья полный,
О, выслушай рѣчи мои!
— Одѣты серебряной мглою,
Сіяютъ созвѣздій огни;
Межъ небомъ, о другъ, и землею
Умчимся далеко съ тобою
Одни! —

И вѣтеръ, и небо, и море
Все молитъ во тьмѣ о любви.
Взгляни съ состраданьемъ во взорѣ
На тяжкія муки мои.
— Сіяютъ небесные своды,
Лепечутъ морскія струи;
Предъ ликомъ всесильной природы
Забудемъ былыя невзгоды
Въ блаженствѣ любви!

Тоскуютъ и вѣтеръ, и волны,
Проснуться готова земля;

Печалью и нѣжностью полный,
Стою предъ тобою, моля:
— Окончился мигъ сновидѣнья....
О, другъ мой, съ тобою вдвоемъ
Къ чему ожидать пробужденья?
Испивъ до конца наслажденье,
Какъ боги, умремъ!

1895 г.

Изъ Жана Экара.

Отверженный.

Когда вернулся я въ одинъ изъ вечеровъ
Печаленъ, одинокъ, подъ свой родимый кровъ,
Какъ звѣрь затравленный, и мысль моя пылала
Подъ сумрачнымъ челомъ, блѣднѣвшимъ отъ тоски —
Деревья, и кусты вдоль берега рѣки,
Все, что дитятею меня когда-то знало,
Дивилось, что во тьмѣ бреду я одинокъ,
И словно говорилъ мнѣ каждый ихъ листокъ:
— Межъ тѣмъ, какъ мы къ землѣ прикованы корнями,
И только наша тѣнь свершаетъ краткій путь,
Какими, юноша, ты проходилъ путями?
Какія терніи тебѣ язвили грудь? —

Когда же я достигъ стѣны знакомой сада,
Гдѣ прежде, будучи ребенкомъ, я игралъ,
Калитка старая явилась, какъ преграда,
И скрипнула она:—А ключъ ты затерялъ? —
Чрезъ стѣну, словно воръ, я перелѣзъ во мракѣ.
И слышалъ за собой сердитый лай собаки;

Потомъ, узнавъ меня, раскаянья полна,
Визжа у ногъ моихъ, ласкалася она,
Какъ будто говоря:—Прости мнѣ, что за вора
Я приняла тебя, но близкіе не скоро
Тебя узнали бы: такъ измѣнился ты! —

Я далѣе прошелъ, и тутъ изъ темноты
Услышалъ я коней встревоженное ржанье:
— А гдѣ товарищъ нашъ? Его въ своемъ скитаньѣ
Не въ бездиѣ-ль гдѣ-нибудь оставилъ ты на днѣ?—
И домъ, родимый домъ, сказалъ съ укоромъ мнѣ:
— Для всѣхъ трудящихся пришло отдохновенье;
Не знавшій о твоемъ нежданномъ возвращеньѣ,
Служитель твой заснулъ, заснуло все кругомъ, —
И только ты не спишь: что сдѣлалъ ты со сномъ?

Тогда во тьмѣ ночной присѣлъ я у порога,
И звѣзды яркія и темный небосводъ,
И пламенная даль необозримыхъ водъ—
Заговорило все торжественно и строго:
— Гдѣ пѣсни дивныя—услада для сердецъ?
Скажи, что сдѣлалъ ты съ душой своей, пѣвецъ?—
И такъ отвѣтилъ я и морю, и свѣтиламъ:
— Я цѣль и счастіе нашелъ во взорѣ миломъ
И вотъ, отверженный, бреду я одинокъ,
Лишенъ пристанища, печаленъ и убогъ. —

1897 г.

Сказка.

Прелестная фея (не болѣе пчелки),—
Но съ женскимъ лукавымъ умомъ,
Который острѣе и тоньше иголки,—
Любима была мотылькомъ.

И молвила фея:—Ко мнѣ, легкокрылый,
Изъ свѣтлой лазури спустись!

Хочу я на крыльяхъ подняться, о, милый,
Съ тобою въ лазурную высь.

Обвѣяна нѣжнымъ дыханьемъ зефира,
Хочу надъ цвѣтами парить,
Тобою, въ предѣлахъ свободныхъ эфира,
Я жажду любимою быть! —

— Ты мною любима!—отвѣтилъ онъ нѣжно, —
Со мной отъ предѣловъ земныхъ
Умчимся далеко мечтою безбрежной
На радужныхъ крыльяхъ моихъ!

Стряхнуть ты не бойся ихъ пыль золотую;
Вѣдь фея легка, какъ мечта,
Любовью зовусь я, тебя же зову я,
Какъ все на землѣ: *красота*.

На все я готовъ для красавицы крошки,
Скорѣе садись! По бокамъ
Безъ страха спусти обнаженныя ножки
И вмѣстѣ взлетимъ къ облакамъ!

— Постой на мгновенье!—она отвѣчала,
— Опасность пугаетъ меня...
Дозволь, я тебя осѣдлаю сначала,
Какъ всадникъ сѣдлаетъ коня.

— Но я не согласенъ!—возвысилъ онъ голосъ.
— А я послушанія жду! —
И онъ покорился. Взяла она волосъ
И сдѣлала тутъ же узду.

Нашлися и шпоры; листочекъ отъ розы
Послужитъ ей вмѣсто сѣдла...
И фея садится. На крылышкахъ грезы,
Въ лазурь голубую—гопъ-ла!

Но видитъ она: опускаются крылья...
Забыла капризница вновь:
Любовь—мотылекъ не выноситъ насилья,
Узда убиваетъ любовь.

1897 г.

Изъ Жана Ришпена.

Пробужденіе.

Когда любовь живетъ въ душѣ у насъ,
Лунатиковъ мы всѣ напоминаемъ,
И, какъ они, погружены въ экстазъ,
Надъ пропастью довѣрчиво блуждаемъ.

Онѣ къ мірамъ, сіяющимъ вдали
Молитвенно объятья простирая,
Идутъ впередъ, пути не разбирая,
Какъ бы паря надъ уровнемъ земли.

Для нихъ ничто—законы тяготѣнья,
Слѣпой инстинктъ ведетъ повсюду нхъ,
И въ шорохѣ и въ вѣяньяхъ ночныхъ —
Имъ слышится чарующее пѣнье.

Безбрежная, какъ голубой эфиръ —
Имъ въ этотъ мигъ доступна безконечность
И языкомъ глаголетъ съ ними вѣчность,
Котораго не понимаетъ міръ.

И кажется еще одно усилье —
И отъ земли, не знающей чудесъ,

Въ святилище сіяющихъ небесъ
Ихъ унесутъ развернутыя крылья!

Но рѣзкій звукъ, неосторожный крикъ —
Нарушено тотчасъ очарованье,
Оконченъ сонъ, — и пробужденья мигъ
Несетъ съ собой всѣ ужасы сознанья.

Духъ отлетѣлъ, и страстью опьяненный,
Остался звѣрь—на камни мостовой
Упавшій внизъ, съ разбитой головой,
И гибелью отъ грёзы отрезвленный.

Любовь.

(Трилогія).

I.

ДРЕВНЕРИМСКІЙ СОНЕТЪ.

Прекрасная Клелія въ бѣлой одеждѣ весталки
Безстрастно на бой гладіаторовъ въ циркѣ глядитъ
И дѣва не видитъ тотъ взоръ умоляюще жалкій,
Какимъ на нее побѣжденный взираетъ самнитъ.

Зависитъ вся жизнь отъ ея одного мановенья,
Но что ей до всѣхъ, до покрытаго кровью бойца!
Въ мечтахъ затаенныхъ является въ это мгновенье
Ей образъ сирійца, Венеры восточной жреца.

Прекрасный собою, онъ голосомъ тихимъ и страстнымъ
Поетъ о любви, и сливается вечеромъ яснымъ
Съ рыданіемъ гонга напѣвъ сладострастный его.
И вся замирая подъ нѣжные звуки напѣва,
Готова погибнуть засыпанной заживо дѣва,
Чтобъ дивную тайну въ объятьяхъ познать у него.

II.

СРЕДНЕВѢКОВЫЙ СОНЕТЪ.

Владѣлица замка въ покоѣ старинномъ
За лютней своею сидитъ у окна,
И рыцаря пѣснею славитъ она,
Стяжавшаго славу въ бою съ сарациномъ.

Высокая, въ платьѣ закрытомъ и длинномъ
И въ длинной вуали изъ тонкаго льна,
Тому, кто явился ея властелиномъ —
Она неизмѣнно пребудетъ вѣрна.

Герою послужитъ наградой желанной
Ея красоты и дѣвичества цвѣтъ,
А если падетъ онъ въ бою бездыханный —
Она цѣломудрія сдержитъ обѣтъ:
Дыханіе знойное страсти мятежной
Собой не коснется груди бѣлоснѣжной.

III.

СОНЕТЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Въ беретѣ съ перьями и въ мантіи расшитой,
Рукою опершись на стройнаго пажа,
Другую на эфесъ рапиры положа,
Выходитъ на берегъ сеньоръ съ своею свитой.

За плату мадригалъ педантомъ сочиненъ,
И въ честь красавицы послышалась изъ сада,
Исполнена пѣвцомъ наемнымъ серенада, —
Но замокъ въ тишину и сумракъ погруженъ.

Въ своемъ убѣжищѣ графиня пѣснѣ внемлетъ,
Межъ тѣмъ, какъ старый мужъ красавицы не дремлетъ:
Вездѣ разставлены капканы для волковъ.
Но тутъ-же, къ общему устраиваясь благу,
Подкупленный бандитъ оттачиваетъ шпагу,
Съ ревнивымъ старикомъ расправиться готовъ.

Послѣдніе листья.

Въ поляхъ и въ лѣсу обнаженномъ
Ложатся снѣга пеленой,
И въ сердцѣ моемъ истомленномъ
Повѣяло также зимой.

Съ собою умчало ненастье
Послѣдніе листья березъ,
И также недолгое счастье
Порывъ урагана унесъ.

На югъ изъ холоднаго края
Пѣвцовъ улетаетъ семья,
И также меня покидая,
Любовь отлетѣла моя.

Тогда и теперь.

Помнишь ты вонъ то свѣтило,
Какъ оно во тьмѣ ночей
Съ нашей комнаты очей
Любопытныхъ не сводило?

Какъ смѣялись мы надъ нимъ,
Надъ его гримасой постной,
Надоѣдливо несносной,
Полны счастіемъ своимъ?

И припомнивъ то, что было
И навѣки отошло —
То-же самое свѣтило
Надо мной смѣется зло.

Эхо.

Въ докучной суетѣ иныхъ заботъ и думъ,
Порой нечаянно приходитъ мнѣ на умъ
Когда-то слышанное слово,
И тутъ-же, цѣлый міръ собою пробудивъ,
Оно звучитъ въ душѣ, какъ дружескій призывъ,
Какъ эхо дальняго былого.

Мнѣ вспоминаются и годъ, и день, и часъ...
Невольная слеза туманитъ взоры глазъ
И слышу я, въ порывѣ горя,
Въ немъ эхо радостей, давно пережитыхъ,
Какъ въ раковинахъ слышится пустыхъ
Намъ отдаленный голосъ моря.

Безъ исхода.

Гдѣ жить? Во тьмѣ какихъ ночей
Укрыть заплаканныя очи?
Мое отчаянье мрачнѣй,
Чѣмъ сумракъ ночи,

Гдѣ умереть? Въ волнахъ какихъ
Мнѣ потопить избытокъ горя?
Оно мятежнѣй волнъ морскихъ
И глубже моря.

Куда бѣжать? въ какую даль?
Надежды призраку не вѣрьте!
Въ душѣ живущая печаль —
Сильнѣе смерти.

Изъ Жана Рамо.

Лунный лучъ.

I.

Ночью благовонной надъ заснувшей чащей,
Словно легкокрылый, свѣтлый мотылекъ,
Лунный лучъ явился, юный и блестящій,
Призывая къ жизни голубой вьюнокъ.

Онъ скользнулъ по вѣткѣ съ бѣлыми цвѣтами,
Онъ ея коснулся мягко на лету
Въ часъ, когда сіяютъ счастія слезами
Молодыя вѣтви яблони въ цвѣту.

Онъ звенѣлъ, казалось, радостенъ и свѣтелъ,
Нотою кристальной, какъ нагорный ключъ,
И пастухъ красавецъ тутъ его замѣтилъ
И залюбовался на блестящій лучъ.

— О, пойдемъ,—шепнулъ онъ съ нѣжною мольбою:
— Озари собою мой унылый домъ!—
И за нимъ тянулся юноша рукою,
Словно за крылатымъ, бѣлымъ мотылькомъ.

Но мольбѣ не внемля, межъ листами чайной
Благовонной розы пріютился онъ.
Юноша наивный, торжествуя тайно,
Потянулся къ розѣ, счастьемъ упоенъ.

Тщетная надежда! Горькая кручина!
Лучъ не ожидаетъ... Вотъ не вдалекѣ
Онъ его увидѣлъ на кустѣ жасмина,
Кинулся—и снова лепестки въ рукѣ!

Увлеченъ погоней страстною за тѣнью,
Жадно обрывалъ онъ вѣнчики цвѣтовъ,
И упалъ, измученъ, подъ густою сѣнью
Простиравшихъ вѣтви молодыхъ дубовъ.

Тутъ надъ нимъ раздался голосъ дѣвы юной:
— Отчего ты плачешь?—О, краса моя!
Здѣсь, въ зеленой чащѣ, лучъ нашелъ я лунный,
И его сейчасъ-же вновь утратилъ я!—

Онъ цвѣты отдалъ ей. Вѣтеръ благовонный
Поднялся, играя волосами ихъ,
И смотря ей въ очи, молвилъ онъ, смущенный:
— Лунный лучъ сіяетъ изъ очей твоихъ!

О, мой лучъ завѣтный, дѣвственный и чистый,
Озари собою мой пустынный домъ! —
И въ отвѣтъ лишь вѣтеръ зашепталъ душистый
Ласковыя рѣчи въ сумракѣ ночномъ.

Засіялъ слезами взоръ ея молящій,
Дрогнули рѣсницы, и уста его
Ихъ коснулись тихо, и какъ лучъ блестящій,
Счастье засіяло въ сердцѣ у него.

— Ты меня полюбишь? — О, навѣки милый! —
— Чѣмъ ты поклянешься? — Я клянусь моей
Жизнью и любовью... Нѣтъ, волшебной силой
Этихъ серебристыхъ мѣсяца лучей!

2.

Юноша-красавецъ утонулъ въ заливѣ,
Жениха другого избрала она.
Лунный свѣтъ бываетъ часто прихотливѣй
И непостояннѣй, чѣмъ сама волна...

На поля ложился сумракъ ночи брачной,
У окна стояла юная жена
И вздыхала ива въ полутьмѣ прозрачной,
Памятью былого свѣтлаго полна.

Расцвѣтали грезы, радостны и юны,
Въ сердцѣ новобрачной, — вдругъ въ ея окно
Тихо, незамѣтно лучъ пробрался лунный,
И забилось сердце, замерло оно...

— Отвѣчай, ты любишь? — Милый, о, навѣки! —
Поднялся въ ней голосъ властенъ и могучъ.
И она зажмурить попыталась вѣки,
Но смотрѣлъ ей прямо въ сердце этотъ лучъ!

И въ тоскѣ простерла руку молодая
За лучемъ блестящимъ — но бѣглецъ исчезъ.
Съ лилій на жасмины вмигъ перебѣгая,
Увлекалъ ее онъ за собою въ лѣсъ.

Повинуясь силѣ страсти безотчетной,
Лиліи, жасмины — все рвала она...
— Ты вѣрна мнѣ будешь? вѣтерокъ залетный
Ей шепталъ немолчно: — навсегда вѣрна?

Лучъ мелькалъ предъ нею надъ лѣсной поляной,
По вѣтвямъ, плакучихъ, бѣлокурыхъ ивъ,
И затѣмъ, какъ призракъ блѣдный и туманный,
Онъ скользнулъ нежданно въ голубой заливъ.

Вслѣдъ за нимъ мелькнуло странно, молчаливо
Бѣлое видѣнье... Еле слышный всплескъ—
И сомкнулись воды тихія залива,
Отражая лунный серебристый блескъ.

Въ эту ночь, подобно тѣнямъ молчаливымъ,
Посреди безлюдья и лѣсной тиши,
Поднялись къ сіявшимъ въ небесахъ свѣтиламъ
Два луча блестящихъ, двѣ родныхъ души.

Изъ А. де-Виньи.

Гнѣвъ Самсона.

Безмолвна пустыня, шатеръ одинокъ.
Въ предѣлахъ, гдѣ вихрится желтый песокъ
И львы обитаютъ, кто смѣетъ отважно
Раскинуть подъ небомъ холщевый навѣсъ?
Но сводъ раскаленныхъ отъ зноя небесъ
Не дышетъ и въ полночь прохладою влажной;
Лишь легкою рябью ночной вѣтерокъ
Вздымаетъ зыбучій, какъ море, песокъ,
И тихо колеблетъ холщевыя ткани.
Лампада у входа сіяетъ въ туманѣ
Звѣздою, и пламя ея въ темнотѣ
Едва освѣщаетъ на бѣломъ холстѣ
Двѣ темныя тѣни.

Одна — величавою мощью полна,
Другая — склонила предъ нею колѣни,
Обвивъ ихъ руками, прильнула она
Къ ногамъ господина, чья дивная сила
Покорна рабынѣ. Прекрасна Далила,
Тяжелыя косы по плечамъ скользятъ,
Какъ сѣть золотая, къ ногамъ ниспадая.

Она, какъ пантера гибка молодая,
И очи ея наслажденье сулятъ,
И молитъ о немъ отуманенный взглядъ,
Гдѣ искрится въ тайнѣ огонь сладострастья.
На стройныхъ рукахъ золотыя запястья,
И кольца при каждомъ движеньѣ звенятъ,
И перси ея, гдѣ блестятъ амулеты,
Сирійскою тканью стыдливо одѣты.

Колѣни могучія сдвинулъ Самсонъ;
Подобенъ гиганту Анубису онъ,
Она же, охвачена властной рукою,
Склонилась къ колѣнамъ его головою:
Ее убаюкалъ гортанный напѣвъ,
Гдѣ слышится горе и сдержанный гнѣвъ,
Ей чужды слова и языкъ незнакомый,
Но, вся отдаваяся чувству истомы,
Подъ тихіе звуки забылась она.

— Въ присутствіи Бога, во всѣ времена
Идетъ роковая борьба повсемѣстно,
И мужа съ душою правдивой и честной
Всегда побѣждаетъ лукавствомъ жена.

Не съ первыхъ-ли дней до мгновенья развязки
Томится онъ жаждою нѣги и ласки,
Впервые проникшей во все существо,
Когда у груди согрѣвала его
И нѣжила мать! Безотчетно тоскуя,—
Какая-бы цѣль ни ждала впереди,—
Онъ грезитъ всегда теплотою груди,
Мечтаетъ о жгучемъ огнѣ поцѣлуя,
О ласкахъ съ зарею, о волнахъ кудрей,
О шопотѣ нѣжномъ во мракѣ ночей...
Его на пути безотчетно тревожа,

Преслѣдуютъ всюду видѣнія ложа, —
И съ этою жаждой любви безъ границъ,
Стремится онъ въ сѣти коварныхъ блудницъ.

И чѣмъ онъ сильнѣе и духомъ и тѣломъ—
Тѣмъ гибнетъ вѣрнѣе: чѣмъ глубже рѣка,
Тѣмъ болѣе зыбь на волнахъ велика.
Борьба человѣку явилась удѣломъ;
Когда же отъ ужасовъ вѣчной войны,
Онъ жаждетъ забвенья въ объятьяхъ жены —
Тогда начинается втайнѣ другая,
Межъ нимъ и межъ нею, борьба роковая:
Въ разгарѣ лобзаній ведется она,
Губя безпощадно и разумъ и силу,—
И въ каждой женѣ онъ находитъ — Далилу.

Въ объятіяхъ страсти всегда холодна,
Она не знакома съ любовнымъ недугомъ
И въ этомъ, смѣясь, сознается подругамъ.
Ей страшенъ бываетъ ея властелинъ,
Онъ грубъ и беретъ отъ нея наслажденье,
Но дать не умѣетъ его ни одинъ.
Женѣ драгоцѣннѣй, чѣмъ всѣ украшенья—
Побѣда надъ сильнымъ: гдѣ кровь пролита,
Тамъ ярче сіяетъ ея красота.
И та, отъ которой мы жизнь получаемъ,
Чьи первыя ласки намъ кажутся раемъ,
И сердце свое мы кому отдаемъ —
Намъ стала врагомъ въ ослѣпленьѣ своемъ.
Два царства враждебныхъ созиждутся вскорѣ,
И жены, позорно замкнувшись въ Гоморрѣ,
Безумью мужей предоставятъ Содомъ.
И тѣ, и другіе съ тоской и стыдомъ
Сойдутъ, проклиная другъ друга, въ могилу.

О, Господи сильныхъ! Велѣнья Твои,
Свершилъ я, и черпалъ въ безумной любви
Мою, изумлявшаго смертнаго, силу;
О, Боже, Ты съ нею меня разсуди!
Заснувшая мирно на этой груди,
Въ упорствѣ и злобѣ, для насъ непонятной,
Она предавала меня троекратно,
И трижды притворныя слезы лила,
Которыми злобы укрыть не могла,
Сверкавшей во взорѣ холодномъ и лживомъ.
Сердцамъ раздраженнымъ и жалко трусливымъ
Прощеніе чуждо, чужда доброта,
И ихъ подавляетъ его высота.

И я сокрушавшій колонны, бывало,
Измученъ я духомъ и тѣло устало:
Печали, гнетущей мнѣ душу давно,
Не въ силахъ выдерживать дольше оно!
Все лучшее въ жизни дѣлить со змѣею,
Которая вьется, своей чешуею
Влачася въ грязи и на солнцѣ блестя!
Нечистое сердцемъ, больное дитя!
Себя ослѣпляя, стараться не видѣть,
Не знать,—и кипучаго гнѣва не выдать,
Въ святилищѣ сердца его схороня,
Покуда, какъ тлѣвшая искра огня,
Не вспыхнетъ онъ сразу зловѣщимъ пожаромъ.
Довольно! склоняю главу подъ ударомъ,
И гостемъ желаннымъ здѣсь явится тотъ,
Кто съ вѣстью о смерти къ Самсону придетъ.
Да будетъ, какъ Ты предназначилъ, о, Боже! —

И, молвивъ, спокойно заснулъ онъ на ложѣ,
Покуда, скрывая свое торжество,
Враги не явились, за волосъ его

Платившіе каждый цѣной дорогою.
Его ослѣпивъ; увели за собою
Они, отягченнаго гнетомъ оковъ,
Влачимыхъ съ усильемъ десяткомъ быковъ.
И въ капищѣ бога, къ подножью Дагона
Они привязали слѣпого Самсона,
И дважды на цоколѣ дрогнулъ кумиръ,
И дважды жрецовъ охватило смятенье...
Но вотъ задымились подъ сводомъ куренья!
И шуменъ, и веселъ языческій пиръ.
Вблизи распростертой предъ богомъ телицы,—
Далила въ вѣнцѣ и уборѣ царицы;
И шепчетъ блудница, укоры гоня:
„Онъ слѣпъ и не можетъ увидѣть меня".

Исполнясь восторгомъ и вы задрожали—
Небесная твердь и пустынный просторъ,
Когда ослѣпленный, безжизненный взоръ,
Преступныя очи со страхомъ встрѣчали.
Когда, напрягая всѣ силы, Самсонъ
Потрясъ основанье гигантскихъ колоннъ,
Подъ сводами храма навѣкъ погребая
Три тысячи павшихъ на мѣстѣ враговъ,
И ихъ алтари, и безсильныхъ боговъ!

О, если бы кара постигла такая
Измѣну, надѣвшую маску любви,
Когда, опьяненные нѣгой лобзаній,
Въ минуты безумныхъ и лживыхъ свиданій
Мы ей открываемъ всѣ тайны свои!

1897 г.

Изъ Венгерскихъ поэтовъ.

Въ чардѣ.

(Сандора Петёфи).

Надъ рѣкой темнѣетъ кровля старая чарды,
Но она не отразилась въ зеркалѣ воды:
Тьма ночная все объемлетъ сумракомъ и сномъ
На рѣкѣ въ тѣни деревьевъ, дремлетъ и паромъ.

А въ чардѣ поютъ цыгане, пляски и кутежъ...
Веселится, до упаду пляшетъ молодежь.
— Эй, хозяйка, подавай намъ добраго вина,
Не жалѣй его, красотка, наливай до дна!

Пусть оно старѣе будетъ, чѣмъ мой дѣдъ сѣдой,
Горячѣе поцѣлуевъ дѣвы молодой!
Эй, цыгане, плясовую! Всѣхъ озолочу!
Нынче деньги я и душу проплясать хочу.—

Вдругъ въ окошко постучали: Не шумите тамъ!
Вы покоя не дасте почью господамъ!—
— Убирайся вмѣстѣ съ ними прямо къ сатанѣ!
Эй, цыгане, веселите ретивое мнѣ....

Плясовую, да живѣе! Не жалѣй смычковъ!
Я послѣднюю рубашку вамъ отдать готовъ!—
Но опять стучатся тихо въ переплетъ окна:
— Ради Бога не шумите... Наша мать больна! —

И ни слова не отвѣтя, всѣ встаютъ кругомъ,
Допиваютъ тихо чарки, полныя виномъ,
И, съ цыганомъ расплатившись, длинною гурьбой,
Всѣ немедленно уходятъ изъ чарды домой...

1892 г.

На чужбинѣ.

При Дунаѣ бѣдная хата есть одна...
О, какъ мнѣ, изгнаннику, дорога она!
Часто вспоминаю я съ нѣжностью о ней,
И слезой туманится взоръ моихъ очей.

Лучше бы съ отчизною не прощался я,
Но влекутъ желанья насъ въ дальніе края;
Ими окрыляемый, порѣшивъ искать
Счастія, оставилъ я родину и мать.

Какъ она терзалася горемъ и тоской
Въ часъ, когда прощалася бѣдная со мной!
И страданья жгучаго угасить не могъ
Хлынувшій изъ глазъ ея горькихъ слезъ потокъ.

Какъ меня съ рыданіемъ обнимала мать,
Какъ меня пыталася тщетно удержать, —
Боже! Если-бъ въ будущемъ ясно видѣлъ я—
Не были-бъ напрасными всѣ мольбы ея...

Но горитъ надежда намъ яркою звѣздой,
Будущее кажется чудною страной,
Только заблудившися на пути своемъ,
Мы ошибку горькую поздно сознаемъ.

1893 г.

Что же мнѣ разсказывать, какъ ласкалъ меня —
Лучъ надежды радостной, за собой маня?
Но съ тѣхъ поръ, какъ въ мірѣ я осужденъ брести—
Я одни лишь терніи встрѣтилъ на пути.

Вотъ идутъ знакомые въ край далекій мой...
Вѣсть какую матери я пошлю домой?
О, когда придется вамъ повидаться съ ней—
Я прошу, родимые, передайте ей:

Чтобъ она не плакала ночи на пролетъ,
Что любимый сынъ ея счастливо живетъ...
Еслибъ знала бѣдная, какъ страдаю я —
Сердце разорвалось бы съ горя у нея! —

Лунная ночь.

Въ окно мое сіянье звѣздной ночи
Вливается во всей красѣ своей,
И къ небесамъ я устремляю очи,
И мыслью рвусь къ возлюбленной моей

И небеса сіяющія эти,
И та, кого люблю я — краше нѣтъ,
Милѣе ихъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, —
А я брожу по свѣту много лѣтъ.

Уходитъ ночь! Въ гористой, синей дали
На западѣ луна еще видна,
Но уменьшаяся, какъ гнетъ моей печали,
Блѣднѣе все становится она.

Высоко звѣздъ блестящія плеяды
Стоятъ теперь.. Вотъ заалѣлъ востокъ,
Пѣтухъ запѣлъ... и — утренней прохлады
Предвѣстникомъ — поднялся вѣтерокъ.

Ө. Н. Чюмина-Михайлова.

Пора во снѣ искать успокоенья,
Но не для сна настроена душа!
Дѣйствительность,— прекраснѣй сновидѣнья
И въ этотъ мигъ—жизнь чудно хороша!

Кто пойметъ ихъ—безумныя пѣсни мои,
Сочетаніе мрака и свѣта?
Въ сердцѣ ярко горитъ пламя свѣтлой любви,
Мраченъ духъ гражданина—поэта.

Умиленья слеза застилаетъ мнѣ взоръ,
Если къ милой стремлюсь я мечтами,
И отчизны моей созерцая позоръ,
Я кровавыми плачу слезами.

Грудь мою ароматнымъ махровымъ цвѣткомъ
Украшаетъ рука дорогая,
А чело увѣшали терновымъ вѣнкомъ
Мнѣ страданья родимаго края.

Подъ напѣвъ непогодъ я на лирѣ пою
И страданья и свѣтлыя грезы,
Умиленія слезы порою я лью
И безсильнаго бѣшенства слезы.

Ты видишь островокъ—объятьями Дуная
Охваченный со всѣхъ сторонъ?
Такъ въ сердцѣ у меня твой образъ, дорогая
Навѣки заключенъ?

Взгляни скорѣе: счастія привѣтомъ
Къ намъ вѣтвь цвѣтущая плыветъ;
Ужель и для меня надежда яркимъ свѣтомъ
Не зацвѣтетъ?

Изъ Арани.

Аистъ въ плѣну.

Плѣнный аистъ одиноко
За стѣной стоитъ высокой,
Заключенный какъ въ тюрьму,
Улетѣлъ бы онъ за море—
Да отрѣзали на горе
Крылья быстрыя ему.

Онъ въ сознаніи безсилья
Прячетъ голову подъ крылья,—
Вдаль смотрѣть желалъ бы онъ,—
Но напрасно! Аистъ плѣнный
Видитъ сумрачныя стѣны
Предъ собой со всѣхъ сторонъ.

Изъ его темницы тѣсной
Видѣнъ только сводъ небесный,
Но туда не смотритъ онъ...—
Тамъ, спѣша въ иныя страны,
Вьются птичекъ караваны—
Онъ же, плѣну обреченъ.

Ожидаетъ онъ съ тоскою,
Чтобъ скорѣе за стѣною
Снова крылья отросли,
И тогда изъ злой неволи
Въ царство свѣта, въ царство воли—
Улетитъ онъ отъ земли.

Вѣетъ осенью холодной
И въ далекій путь свободно
Снова аисты летятъ,—
Только онъ, какъ рабъ несмѣлый,
Бродитъ здѣсь осиротѣлый,
Горькой думою объятъ.

Воздухъ крикомъ оглашая,
Журавлей несется стая
И знакомый слыша звукъ—
Молча внемлетъ онъ съ кручиной
Крикамъ стаи журавлиной,
Отлетающей на югъ.

Хочетъ сдѣлать онъ усилья,
И отрѣзанныя крылья
Тщетно пробуетъ опять,—
Но увы на вольной—волѣ,
Межъ другихъ, не въ силахъ болѣ
Онъ по прежнему летать.

Бѣдный аистъ! Узникъ бѣдный
Въ небѣ съ силою побѣдной
Крыльевъ ты не развернешь!—
Еслибъ выросли и снова
Крылья эти—то сурово
Ихъ опять обрѣжетъ ножъ.

(Изъ Андрея Сабо).

Не тотъ бѣднякъ, кто сдерживая стоны,
Ждетъ подаянія иль черстваго куска,
Но тотъ, кому его мильоны
Не могутъ посулить лавроваго вѣнка.

Не тотъ больной и страждущій несчастенъ,
Кто горько плачетъ надъ собой,
Но тотъ, кто болѣе не въ силахъ и не властенъ
Страданья облегчить единою слезой.

Жизнь измѣряется не нашими годами,
Не въ томъ вопросъ, какъ долго мы живемъ?
А въ томъ, что выстрадано нами,
Что пережили мы и сердцемъ и умомъ.

Три скорби.

Глубокая печаль и тяжкая забота
Лежитъ на домѣ всемъ,
И, день за днемъ, семья, напрасно ждетъ кого-то,
Печаляся о немъ.

И говоритъ женѣ глава семьи въ волненьѣ:
— Не плачь, жена моя:
Героемъ онъ погибъ, и въ этомъ утѣшенье
Въ печали вижу я!

И говоритъ сестра:—Я жизнь отдать готова,
Была бы для того,
Чтобъ онъ когда нибудь, подъ сѣнь родного крова
Вернулся своего.

И тихо молвитъ мать:—О, легче бы кручина
Была въ душѣ моей,
Когда бы я могла найти могилу сына,
Чтобъ умереть на ней.—

Сонеты Петрарки.

1.

Мадонна! страсть моя угаснуть не успѣла,
Она живетъ во мнѣ, пока мнѣ жить дано,
Но ненависть къ себѣ до крайняго предѣла
Въ измученной душѣ достигла ужъ давно.

И если я умру—пусть будетъ это тѣло
Подъ безъименною плитой погребено:
Ни слова о любви, которой такъ всецѣло
Владѣть душой моей здѣсь было суждено!

Лучи сочувствія блеснутъ ли благотворно
Для сердца, полнаго любовью непритворной,
Которое отъ васъ награды ждетъ давно?

Но если вами гнѣвъ руководитъ упорно—
Оковы столько лѣтъ носимыя покорно—
Быть можетъ, разорветъ въ отчаяньѣ оно.

2.

Четырнадцатый годъ томлюсь я мукой страстной
Какъ въ первый день его, такъ и въ послѣдній день.
Отраду мнѣ сулятъ собой напрасно
Дыханье вѣтерка и рощъ зеленыхъ тѣнь.

Любовь, съ которою всѣ мысли нераздѣльны,
Владѣетъ мной всецѣло и вполнѣ;
Въ лучахъ любимыхъ глазъ, таящихъ ядъ смертельный,
Сгараю я на медленномъ огнѣ.

Такъ гасну я—невидимо для свѣта,
Но только самъ я замѣчаю это
И та, чей дивный взоръ былъ гибелью моей.

Мой духъ готовъ земныя сбросить ткани,
Недолго мнѣ влачить ярмо страданій:
Уходитъ жизнь, и смерть идетъ на смѣну ей.

3.

Когда бы свои затаенныя думы
Излить я съумѣлъ въ задушевныхъ стихахъ—
У тѣхъ, что суровы и нравомъ угрюмы,
Я вызвалъ бы жалость въ сердцахъ.

Очамъ же, которыми сердце разбито
Вѣрнѣй, чѣмъ ударомъ меча иль копья,
Всегда это сердце бывало открыто,
Хотя и безмолвствовалъ я.

Тутъ было бы каждое слово безплодно—
Они проникали мнѣ въ душу свободно,
Какъ солнце сквозь грани стекла;

Увы! та же вѣра, чья дивная сила
Петра съ Магдалиной отъ горя хранила,
Меня одного не спасла.

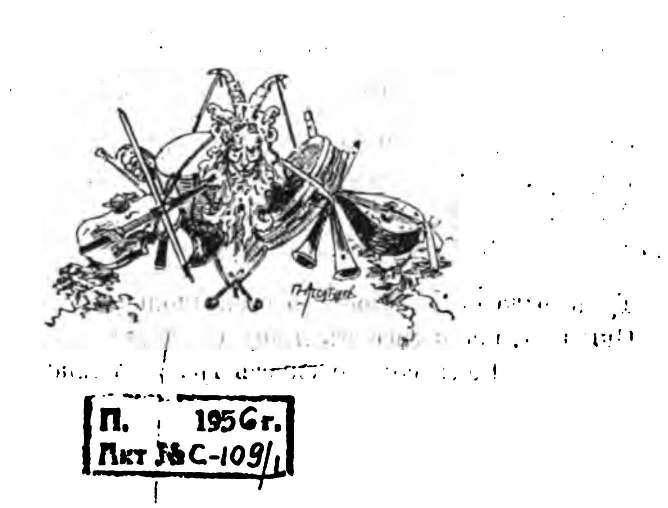
4.

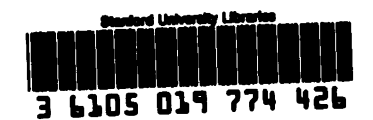
Увы! мнѣ вѣдомо: добычей невозбранной
Мы всѣ бываемъ той, что похищаетъ насъ
Изъ міра этого, въ урочный мигъ нежданно
Предъ нами появясь.

Награды я себѣ не заслужилъ желанной,
И скоро для меня пробьетъ послѣдній часъ,
Но сердце мнѣ Амуръ терзаетъ постоянно
И прежней дани слезъ онъ требуетъ отъ глазъ.

Я знаю: дни бѣгутъ, какъ быстрыя мгновенья.
Чредою унося года и поколѣнья,
Но это разумъ лишь холодный говоритъ.

Четырнадцатый годъ въ слѣпомъ ожесточеньѣ
Другъ съ другомъ борются разсудокъ и влеченье,
И то, что истинно и вѣрно—побѣдитъ.




Stanford University Libraries
3 6105 019 774 426